



БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЯ

ЧАСОПІС
БЕЛАРУСКАГА ДЗЯРЖАЎНАГА ЎНІВЕРСІТЭТА

ФІЛАЛОГІЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

PHILOLOGY

Издается с января 1969 г.
(до 2017 г. – под названием «Веснік БДУ.
Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагагіка»)

Выходит три раза в год

2

2022

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ЗАПРУДСКИЙ С. Н.** – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com

**Заместители
главного редактора** **ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ С. Я.** – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
ПРИГОДИЧ Н. Г. – доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by

**Ответственный
секретарь** **ЯНЕНКО Н. В.** – кандидат филологических наук; доцент кафедры белорусского языкознания филологического факультета Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Аллинэль К.* Гренобльский университет 3 им. Стендаля, Гренобль, Франция.
Бутырчик А. М. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Важник С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Воевода Е. В. Московский государственный институт международных отношений, Москва, Россия.
Володина Т. В. Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. Кондрата Крапивы Центра исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Волочко А. М. Национальный институт образования, Минск, Беларусь.
Волюнец Т. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Гладкова Г. Карлов университет, Прага, Чехия.
Даниленко А. Университет Пейс, Нью-Йорк, США.
Дубинко С. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Золтан А. Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрия.
Колер Г.-Б. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Кречмер А. Венский университет, Вена, Австрия.
Лукашанец А. А. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Мечковская Н. Б. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Поплавская Т. В. Минский государственный лингвистический университет, Минск, Беларусь.
Ровдо И. С. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Савич М. Государственный университет им. Марии Кюри-Склодовской, Люблин, Польша.
Стариченок В. Д. Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, Минск, Беларусь.
Тараненко А. А. Институт языковедения им. А. А. Потебни Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Хаустович Н. В. Варшавский университет, Варшава, Польша.
Хенцшель Г. Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия.
Цзян Цюнь Даляньский политехнический университет, Далянь, Китай.

РЭДАКЦЫЙНАЯ КАЛЕГІЯ

- Галоўны рэдактар** ЗАПРУДСКІ С. М. – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: zaprudski@gmail.com
- Намеснікі галоўнага рэдактара** ГАНЧАРОВА-ГРАБОЎСКАЯ С. Я. – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: goncharova_s@tut.by
ПРЫГОДЗІЧ М. Р. – доктар філалагічных навук, прафесар; загадчык кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: mik197@tut.by
- Адказны сакратар** ЯНЕНКА Н. В. – кандыдат філалагічных навук; дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, Мінск, Беларусь.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com
- Алінэль К.* Грэнобльскі ўніверсітэт 3 імя Стэндаля, Грэнобль, Францыя.
- Бутырчык Г. М.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Важнік С. А.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Валодзіна Т. В.* Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя Кандрата Крапівы Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Валочка Г. М.* Нацыянальны інстытут адукацыі, Мінск, Беларусь.
- Валынец Т. М.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Ваявода А. У.* Маскоўскі дзяржаўны інстытут міжнародных адносін, Масква, Расія.
- Генчэль Г.* Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
- Гладкава Г.* Карлаў універсітэт, Прага, Чэхія.
- Даніленка А.* Універсітэт Пэйс, Нью-Ёрк, ЗША.
- Дубінка С. А.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Золтан А.* Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, Будапешт, Венгрыя.
- Колер Г.-Б.* Альдэнбургскі ўніверсітэт імя Карла фон Асецкага, Альдэнбург, Германія.
- Крэчмер А.* Венскі ўніверсітэт, Вена, Аўстрыя.
- Лукашанец А. А.* Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь.
- Мячкоўская Н. Б.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Паплаўская Т. В.* Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Роўда І. С.* Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск, Беларусь.
- Савіч М.* Дзяржаўны ўніверсітэт імя Марыі Кюры-Складоўскай, Люблін, Польшча.
- Старычонак В. Д.* Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка, Мінск, Беларусь.
- Тараненка А. А.* Інстытут мовазнаўства імя А. А. Патабні Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Кіеў, Украіна.
- Хаўстовіч М. В.* Варшаўскі ўніверсітэт, Варшава, Польшча.
- Цзян Цюнь* Далянскі політэхнічны ўніверсітэт, Далян, Кітай.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **ZAPRUDSKI S. M.**, PhD (philology), docent; associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: zaprudski@gmail.com

Deputy editors-in-chief **GONCHAROVA-GRABOVSKAYA S. Y.**, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: goncharova_s@tut.by
PRYHODZICH M. R., doctor of science (philology), full professor; head of the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: mik197@tut.by

Executive secretary **JANIENKA N. V.**, PhD (philology); associate professor at the department of Belarusian linguistics, faculty of philology, Belarusian State University, Minsk, Belarus.
E-mail: natallia.janienka@gmail.com

- Allignol C.* Stendhal University, Grenoble 3, Grenoble, France.
Butyrchik G. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Danylenko A. Pace University, New York, USA.
Dubinko S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Gladkova H. Charles University, Prague, Czech.
Hentschel G. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Jiang Qun Dalian Polytechnic University, Dalian, China.
Khaustovich M. V. University of Warsaw, Warsaw, Poland.
Kohler G.-B. Carl von Ossietzky University of Oldenburg, Oldenburg, Germany.
Koval V. I. Francisk Skorina Gomel State University, Gomel, Belarus.
Kretschmer A. University of Vienna, Vienna, Austria.
Lukashanets A. A. Center for Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Mechkovskaya N. B. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Poplavskaya T. V. Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.
Rovdo I. S. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Sajewicz M. Maria Curie-Skłodowska University, Lublin, Poland.
Starichenok V. D. Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus.
Taranenko A. A. A. A. Potebnya Institute of Linguistics of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Valochka H. M. National Institute of Education, Minsk, Belarus.
Valodzina T. V. Kandrat Krapiva Institute of Arts Studies, Ethnography and Folklore of the Center for the Belarusian culture, language and literature research of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Vazhnik S. A. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Voevoda E. V. Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia.
Volynets T. M. Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Zoltan A. Eötvös Loránd University of Budapest, Budapest, Hungary.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЛИТЕРАТУРАЗНАЎСТВА

LITERARY RESEARCH

УДК 82.0

ПРЕДМЕТНАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ

С. В. ШАМЯКИНА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Целью работы является создание целостной классификации видов литературных художественных образов, выделяемых на основании особенного предмета изображения. За всю историю литературоведения исследователи обосновали наличие в литературных произведениях различных видов художественных образов, имеющих конкретный предмет изображения, однако до сих пор не существовало единой классификации, систематизирующей научные представления обо всех подобных видах образов. Автор настоящей работы обобщает данные сведения и группирует виды образов в несколько типов на основании близости предметов изображения. Так, в литературных произведениях выделяются следующие типы художественных образов: одушевленные образы, пространственные образы, вещные образы и полипредметные образы. Одушевленные образы представляют собой различные способы и формы описания человека и иных живых созданий (животных, растений, мифологических и фантастических существ). Пространственные образы – структурные элементы художественного пространства литературного произведения. Вещные образы семантически соотносятся с определенными неодушевленными материальными объектами (вещами) или группами объектов. Полипредметные образы имеют несколько различных предметов изображения, являются смысловыми структурами более сложного уровня, включающими в себя иные виды образов с конкретными предметами изображения. К одушевленным образам относятся образ-персонаж, образ лирического героя, образ автора, образ читателя, образ животного, образ растения, а также образ народа. Среди пространственных образов можно выделить образ-пейзаж, образ-локус и образ-топос. Вещные образы подразделяются на образ-вещь, образ-интерьер и образ-экстерьер. К типу полипредметных образов относятся образ страны, хронотоп, образ мира и картина мира. В работе даются определения типов и видов литературных художественных образов и приводятся авторские концепции о критериях их разграничения.

Образец цитирования:

Шамякина СВ. Предметная классификация литературных художественных образов. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;2:5–16.

For citation:

Shamyakina SV. Subject classification of literary artistic images. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;2:5–16. Russian.

Автор:

Славяна Вячеславовна Шамякина – кандидат филологических наук; доцент кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета.

Author:

Slavyana V. Shamyakina, PhD (philology); associate professor at the department of theoretical and Slavic literary studies, faculty of philology.
shamyakina@bsu.by

Ключевые слова: литературный художественный образ; предметная классификация; одушевленные образы; пространственные образы; вещные образы; полипредметные образы.

ПРАДМЕТНАЯ КЛАСІФІКАЦЫЯ ЛІТАРАТУРНЫХ МАСТАЦКІХ ВОБРАЗАЎ

С. В. ШАМЯКІНА^{1*}

^{1*} *Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь*

Мэтай работы з’яўляецца стварэнне цэласнай класіфікацыі відаў літаратурных мастацкіх вобразаў, што вылучаюцца на падставе асаблівага прадмета выяўлення. За ўсю гісторыю літаратуразнаўства даследчыкі абгрунтавалі наяўнасць у літаратурных творах розных відаў мастацкіх вобразаў, што маюць канкрэтныя прадметы выяўлення, аднак да гэтага часу не існавала адзінай класіфікацыі, якая сістэматызуе навуковыя ўяўленні аб усіх падобных відах вобразаў. Аўтар гэтай работы абагульняе дадзеныя звесткі і групуе віды вобразаў у некалькі тыпаў на падставе блізкасці прадметаў выяўлення. Так, у літаратурных творах вылучаюцца наступныя тыпы мастацкіх вобразаў: адушаўленыя вобразы, прасторавыя вобразы, рэчавыя вобразы і поліпрадметныя вобразы. Адушаўленыя вобразы ўяўляюць сабой розныя спосабы і формы апісання чалавека і іншых жывых істот (жывёл, раслін, міфалагічных і фантастычных істот). Прасторавыя вобразы – структурныя элементы мастацкай прасторы літаратурнага твора. Рэчавыя вобразы семантычна суадносяцца з пэўнымі неадушаўлёнымі матэрыяльнымі аб’ектамі (рэчамі) або групамі аб’ектаў. Поліпрадметныя вобразы маюць некалькі розных прадметаў выяўлення, з’яўляюцца сэнсавымі структурамі больш складанага ўзроўню, якія ўключаюць у сябе іншыя віды вобразаў з канкрэтнымі прадметамі выяўлення. Да адушаўлёных вобразаў адносяцца вобраз-персанаж, вобраз лірычнага героя, вобраз аўтара, вобраз чытача, вобраз жывёлы, вобраз расліны, а таксама вобраз народа. Сярод прасторавых вобразаў можна вылучыць вобраз-пейзаж, вобраз-локус і вобраз-топас. Рэчавыя вобразы падзяляюцца на вобраз-рэч, вобраз-інтэр’ер і вобраз-экстэр’ер. Да тыпу поліпрадметных вобразаў адносяцца вобраз краіны, хранатоп, вобраз свету і карціна свету. У працы даюцца азначэнні тыпаў і відаў літаратурных мастацкіх вобразаў і прыводзяцца аўтарскія канцэпцыі аб крытэрыях іх размежавання.

Ключавыя словы: літаратурны мастацкі вобраз; прадметная класіфікацыя; адушаўленыя вобразы; прасторавыя вобразы; рэчавыя вобразы; поліпрадметныя вобразы.

SUBJECT CLASSIFICATION OF LITERARY ARTISTIC IMAGES

S. V. SHAMYAKINA^a

^a *Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The purpose of the work is to create an integral classification of the types of literary artistic images, distinguished on the basis of a special subject of the image. Throughout the history of literary criticism, researchers have substantiated the presence in literary works of various types of artistic images that have a specific subject of image, but so far there has not been a single classification that systematises scientific ideas about all such types of images. In this work, the author summarises this information and groups the variety of images into several types based on the proximity of the objects of the image. So, the following types of artistic images in literary works are distinguished: animate images, image of space, object images and polysubject images. Animate images represent various ways and forms of description in literary works of man and other living beings (animals, plants, mythological and fantastic creatures). Images of space are structural elements of the artistic space of a literary work. Object images are semantically related to certain inanimate material objects (things) or groups of objects. Polysubject images have several different objects of the image, they are semantic structures of a more complex level, including other types of images with specific objects of the image. Animate images include an image-personage, a lyrical hero, images of the author and reader, animals and herb, the image of the nation. Among the images of space are paysage, locus and topos. Object images are subdivided into such types as image-thing, interior and exterior. The type of polysubject images includes the image of a country, a chronotope, an image of the world and a picture of the world. The work gives definitions for each variety and type of images and presents the author’s concepts on the criteria for their differentiation.

Keywords: literary artistic image; subject classification; animated images; images of space; object images; polysubject images.

Введение

Главной сущностью искусства, как известно, является его образность. Соответственно, художественный образ – фундаментальная категория искусства в целом и художественной литературы в частности. Художественный мир литературного произведения, та вторичная реальность, которую конструирует писатель, складываются в первую очередь из художественных образов. Некоторые исследователи считают, что каждое слово в литературном художественном произведении является образным. Другие ученые выделяют разные типы и виды образов. В рамках второго подхода образы понимаются как некие определяющие смысл литературного произведения структуры, накладывающие определенный отпечаток на остальные элементы и уровни текста, с которыми они взаимодействуют (в том числе на язык). Автор настоящей работы придерживается данной трактовки литературных художественных образов.

Существуют различные научные классификации разновидностей художественных образов в литературных произведениях. М. Н. Эпштейн приводил несколько классификаций литературных художественных образов. Так, в основе предметной классификации лежат уровни образной системы произведения, выделяемые по признаку предметности. Исследователь указывает следующие слои предметности: слой образов-деталей, фабульный слой, слой образов характеров и обстоятельств, слой образов судьбы и мира¹. В классификации образов по смысловой обобщенности М. Н. Эпштейн выделяет индивидуальные, характерные, типические образы, а также мотивы, топосы и архетипы. В третьей классификации ученый предлагает разграничивать литературные художественные образы по структуре, т. е. по «соотношению двух своих планов, предметного и смыслового, явленного и подразумеваемого»². В рамках этой классификации М. Н. Эпштейн выделяет автологические, металогические, аллегорические и символические образы. Стоит отметить, что на данные классификации ссылаются много ученых-литературоведов, в том числе авторов различных учебных пособий.

Кроме того, некоторые исследователи придерживаются семиотической классификации литературных художественных образов, в которой образы отождествляются со знаками соответствующих видов. Г. В. Токарев выделяет иконические, индексальные и символические образы [1]. Е. А. Кубракова добавляет к данной типологии эмблематические и аллегорические образы [2, с. 146].

Е. А. Кубракова приводит одну из наиболее обширных типологий литературных художественных образов. Так, кроме уже рассмотренных классификаций литературных художественных образов по смысловой обобщенности и по семиотическому признаку, исследователь выделяет классификации литературных художественных образов по когнитивному признаку, лежащему в основе концептуализации (образы, созданные на основе метафорического или метонимического переноса, гибридные образы), по устойчивости концептуализации (архетипические образы, в том числе топосы и мифологемы, образы-концепты, ситуативно концептуализируемые образы), по типу ведущей сенсорной модальности, лежащей в основе концептуализации (звукоассоциативные, визуально-графические, полимодальные (синестетические) образы), по степени сложности знака (элементарные образы, вербальные и графические образы-конструкции), по типу культурной референции, или по историко-культурному шлейфу (мифологемы, библеизмы, автореферентные образы, дифференцированно референтные образы, к которым относятся аллюзии и реминисценции в широких литературном, культурном, биографическом контекстах, а также нереферентные образы, не имеющие явного историко-культурного шлейфа и не наделенные семантической референтностью в качестве художественного приема), по базовому категориальному признаку (числовые коды, пространственные образы-локусы, а также темпоральные, телесно-предметные и цветовые образы) [2].

Н. С. Валгина предлагает классификацию литературных художественных образов, основанную на ступенях восхождения «от конкретного смысла к отвлеченному и обобщенному» [3, с. 125]. В рамках данной классификации выделяются образ-индикатор, образ-троп и образ-символ.

Авторы некоторых учебных пособий по теории литературы (А. И. Николаев, Н. Л. Лейдерман) описывают классификацию литературных художественных образов по степени сложности знака. Исследователи выделяют элементарный уровень образности (словесная образность), уровень образов деталей, уровень образов-пейзажей, натюрмортов и интерьеров, уровень образов человека и уровень образных гиперсистем (образ мира и др.) [4].

Т. Л. Рыбальченко предлагает разграничивать литературные художественные образы в зависимости от их обращенности к разным способам восприятия (визуальные, сенсорные, психические, ментальные и метафизические образы), в зависимости от их соответствия реальности (миметические,

¹Эпштейн М. Н. Образ // Лит. энцикл. словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М. : Сов. энцикл., 1987. С. 253.

²Там же. С. 254.

иносказательные и фантастические образы), в зависимости от неповторимости образа (соответствует классификации литературных художественных образов по смысловой обобщенности), в зависимости от полноты воспроизведения объекта (образы и образные детали) [5, с. 30–42].

Как видно, различных классификаций художественных образов в литературе существует немало. Однако ни в одной из них не учитываются и не объединяются в систему многие виды образов, которые могут быть выделены по признаку предметности. Соответственно, под предметной классификацией литературных художественных образов автор настоящей статьи понимает разделение образов на типы и виды на основании предмета изображения, т. е. в зависимости от того, какие явления реальной действительности либо умозрительные объекты они воспроизводят. Данная классификация, несмотря на общность названий, только частично пересекается с классификацией М. Н. Эпштейна. С одной стороны, М. Н. Эпштейн не называет некоторые виды образов, ставшие объектом серьезного внимания исследователей только в последние десятилетия (например, образ-локус и образ-топос в пространственном значении, образ автора, образ читателя, образ животного, образ растения и др.). С другой стороны, автор настоящей статьи не включает в классификацию художественные детали и образы-тропы, поскольку в ней описываются образы, имеющие конкретный предмет изображения, тогда как у художественных деталей и образов-тропов он может быть любым, поскольку данные микрообразы способны выражать практически любой смысл. Автор настоящей статьи рассматривает события, поступки и другие подобные понятия не как отдельные виды образов (в отличие от М. Н. Эпштейна), а как проявление динамичности и процессуальности – свойств художественности, которые присущи любому образу в силу пространственно-временной природы литературы как вида искусства. Кроме того, действия, поступки, умонастроения и другие подобные понятия являются элементами образа-персонажа, художественными деталями в его составе, а не отдельными видами образов с особым предметом изображения.

Соответственно, объект исследования – литературные художественные образы, имеющие конкретный предмет изображения. Предмет исследования – типология подобных образов. Цель исследования – составить целостную классификацию литературных художественных образов по предмету изображения. В задачи работы входит уточнение определений некоторых видов литературных художественных образов и принципов их разграничения. Следует оговориться, что все виды образов, о которых пойдет речь, выделены различными исследователями в разное время. Автор данной работы предлагает собственные уточняющие трактовки и способ организации различных видов образов в единую согласованную классификацию, в том числе систему терминов для обозначения типов образов, в которые можно обобщить данные виды образов. Последнее, насколько известно автору настоящей статьи (и как видно из приведенного обзора классификаций литературных художественных образов), не было сделано другими учеными, что обуславливает основную проблему исследования – составление подобной классификации.

Результаты и их обсуждение

В предметной классификации литературных художественных образов автор настоящей статьи выделяет одушевленные, пространственные, вещные и полипредметные типы образов.

Одушевленные образы представляют собой различные способы и формы описания живых существ либо объектов и явлений, которые в литературном произведении характеризуются как мыслящие, чувствующие, действующие, персонифицированные и т. п. К данному типу литературных художественных образов можно отнести образ-персонаж, образ лирического героя, образ автора, образ читателя, образ животного, образ растения и образ народа.

Образ-персонаж – действующее лицо литературного произведения, имеющее собственную личность и способное совершать самостоятельные и осознанные действия, поступки, влияя на развитие сюжета. Персонажами могут быть живые существа, а также предметы и явления, которые функционально их заменяют (которым приписывается возможность мыслить, чувствовать и т. д.). И. Н. Сухих дает следующее определение рассматриваемого понятия: «Персонаж в художественном мире, независимо от его жизненного аналога, – это всегда одушевленный субъект – “кто?”» [6, с. 211]. Можно сказать, что литературными персонажами являются либо люди, либо существа и объекты, наделенные качествами людей. Иными словами, если, к примеру, в баснях действуют животные, имеющие человеческие характеры и поведение, то они являются персонажами, а если в рассказе И. С. Тургенева «Му-му» собака имеет черты реальных собак, лишённые антропоморфности, то она представляет собой образ не персонажа, а животного.

Образ лирического героя (субъекта) – особенный образ в лирических произведениях. У ученых до сих пор нет единого понимания его сущности. Основная проблема заключается в наличии – отсутствии соотносённости образа лирического героя с личностью автора текста. Лирическим героем чаще всего

называют лицо, представляющее собой субъект художественного высказывания в лирическом произведении. Подобное лицо может совпадать с реальной личностью автора (тогда лирический герой является автобиографическим), выражать обобщенно-типические эмоции или совершенно не совпадать с личностью писателя (например, в стихотворении Янки Купалы «Я – калгасніца»). Н. Д. Тмарченко указывает, что в лирике, кроме основного субъекта речи и носителя лирического события, которого считают литературным героем, а не персонажем (лирическое Я, лирический герой), выделяют также героя ролевой лирики, т. е. персонажа – субъекта речи, чье высказывание для автора является не средством, а предметом изображения³. Однако в любом случае подобные образы в лирике являются одушевленными и персонифицированными.

Образ автора – умозрительный или конкретизированный образ лица, сообщающего информацию, субъекта художественного высказывания, который может формироваться в сознании читателей при восприятии литературных произведений. Данный вид образа может проявляться в различных формах. Так, деперсонифицированное авторское присутствие (имплицитный, абстрактный автор, ноннарратор) наблюдается, когда автор – имманентная и безличная творческая сила, которая не существует внутри художественного мира произведения в качестве образа наподобие персонажа, а стоит над этим миром (ей подчиняются все события и образы) [7, с. 51–53, 80, 99–102]. При персонифицированном авторском присутствии (эксплицитный автор, нарратор) в текст вводится специальный одушевленный образ, от имени которого говорит автор [7, с. 79–81, 99–102, 165]. Некоторые исследователи выделяют подвиды персонифицированного образа автора [7, с. 79]. Так, личностный повествователь является персонажем, одним из героев произведения, непосредственным участником событий (например, доктор Ватсон в сборнике рассказов А. К. Дойла «Записки о Шерлоке Холмсе»), а персонифицированный повествователь (образ рассказчика) не является персонажем и представляет собой образ свидетеля событий, который рассказывает о них, но не принимает в них непосредственного участия (например, Рудый Панько в сборнике повестей Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки»). Некоторые ученые понимают термин «образ автора» более узко, имея в виду только те случаи, когда автор говорит в тексте произведения о самом себе, вступает в воображаемый диалог с персонажами и т. п. (например, в романе в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин»).

Образ читателя – умозрительный или конкретизированный образ адресата информации, сообщаемой в литературном произведении, который прямо описывается, называется или подразумевается. Образ читателя может иметь такие же формы воплощения, что и образ автора. Так, имплицитный читатель – образ адресата информации, способного правильно воспринять данное литературное произведение. Имеется в виду, что в содержательной структуре многих (если не всех) литературных произведений заложена направленность на определенную читательскую аудиторию [10, с. 53–54, 99–102]. Например, каждый жанр притягивает читателей с разными интересами и вкусами. Под эксплицитным образом читателя (наррататором) понимают наличие в тексте литературного произведения прямых обращений автора к читателям (частое явление, например, в детской литературе и т. д.) или присутствие персонажа-слушателя, парного по отношению к персонажу-рассказчику (например, царь Шахрияр в собрании сказок «Книга тысячи и одной ночи», Шляхтич Завальня в одноименном произведении Я. Борщевского) [8, с. 61–63, 99–102, 165–166].

Образ животного (анималистический образ) отображает какого-либо зверя, птицу или другое живое существо, которое не является персонажем в силу отсутствия у него человеческих черт (личности, сознания и т. п.), однако играет важную роль в сюжете или художественном мире литературного произведения. Так, по мнению автора настоящей статьи, не следует считать образами животных единичные упоминания в тексте каких-либо зверей. Подобные явления представляют собой подробности, которые могут входить в состав более сложных образов (например, в состав образа-пейзажа) или фигурировать как уточняющие элементы. Образ животного – смысловое образование, приближающееся по своей значимости и функциям в произведении к образу персонажа, играющее существенную роль в сюжете или общей образной системе произведения (например, в рассказах А. П. Чехова «Каштанка», Л. Н. Толстого «Лев и собачка», А. И. Куприна «Белый пудель», в повестях Дж. Лондона «Белый Клык», Г. Н. Троепольского «Белый Бим Черное Ухо»). Стоит заметить, что животные как отдельный вид образов почему-то крайне редко становятся предметом теоретического осмысления (хотя анализ конкретных образов в определенных произведениях – явление довольно распространенное). Насколько известно автору настоящей статьи, ни в одной литературоведческой энциклопедии терминов и понятий они не имеют самостоятельного определения. Животных как особый вид образов упоминают, к примеру, такие исследователи, как Г. Л. Абрамович, Т. И. Шамякина, В. П. Рагойша.

³Тмарченко Н. Д. Герой литературный // Лит. энцикл. терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М. : Интелвак, 2003. С. 176–178.

Образ растения имеет характеристики, сходные с образом животного. Автор настоящей статьи относит образы растений к типу одушевленных образов, так как растения и с научной точки зрения относятся к живой природе, и в художественной литературе очень часто наделяются соответствующими характеристиками живых существ. В некоторых литературных произведениях присутствуют описания растений, которые слишком значимы для того, чтобы считать их художественными деталями или подробностями, и при этом четко отграничены от других природных явлений, что не позволяет классифицировать их как элемент образа-пейзажа (например, дуб, с которым сравнивает себя Андрей Болконский, в романе-эпопее Л. Н. Толстого «Война и мир»; старая груша, с описания которой начинается роман В. С. Короткевича «Колосья под серпом твоим»; божественные деревья Тельпериион и Лаурелин в сборнике мифов и легенд Дж. Р. Р. Толкина «Сильмариллион», аленький цветочек в одноименной сказке С. Т. Аксакова и др.). С. Г. Горбовская предлагает специальные термины для обозначения разного рода растительных образов в художественной литературе: фитонимы, флоротропы, флорообразы [9, с. 309]. К рассматриваемому виду образов, вероятно, лучше всего подходит последний из названных терминов.

Образ народа – собирательный образ, отражающий значимые психологические, культурные, исторические и другие характеристики какого-либо этноса. В произведении образ народа может фигурировать как образ общества (например, в стихотворении Янки Купалы «А хто там ідзе?») или складываться из множества образов-персонажей, отражающих различные черты национального характера (например, в поэме Якуба Коласа «Новая зямля»). О. И. Федотов отмечает, что «человеческие образы фигурируют в литературных произведениях не только в единственном, но и во множественном числе, как некое ассоциированное сообщество. Здесь наиболее типичны два случая. В небольших по числу участников коллективах каждый из его членов более или менее индивидуализирован, сохраняя тем самым статус персонажа и значимо соотносясь с другими действующими лицами... В многочисленных суперсообществах, со значительным или неопределенным числом участников, наоборот, индивидуальные характеристики подавляются общей, коллективной... Во втором случае правильнее говорить не о персонажах, пусть и во множественном числе, а о собирательном образе народной массы...» [10, с. 116–117]. Несмотря на крайне обобщенный характер, образ народа описывает совокупность людей, в связи с чем, по мнению автора настоящей статьи, он должен быть отнесен к одушевленным образам.

Пространственные образы являются составными элементами художественного пространства литературного произведения. К данному типу литературных художественных образов относятся образ-пейзаж, образ-локус, образ-топос.

Образ-пейзаж – описанный в литературном произведении панорамный рисунок природы или открытого городского пространства, состоящий из множества деталей, ни одна из которых по отдельности, как правило, не имеет самостоятельного значения. Автор настоящей статьи подчеркивает, что образом-пейзажем не являются конкретные явления природы, которые мыслятся автором произведения и читателями как единые неделимые объекты. Образ-пейзаж должен включать в себя описания ограниченного множества природных явлений или сооружений (в некоторых случаях также дополняющих их рукотворных предметов), которые состоят в специфических дискретно-синтетических отношениях, т. е. воспринимаются читателями как отдельные детали, прерывистая картина некоей области пространства, но при этом только в совокупности складываются в целостный образ ландшафта.

Еще одна характеристика образа-пейзажа, позволяющая отграничить его от других видов пространственных образов, заключается в том, что образ-пейзаж во многих случаях не влияет на развитие сюжета. Его наиболее востребованные функции – создание фона действия и определенного настроения у читателей, а также дополнительная характеристика психологического и эмоционального состояния персонажа путем ассоциативных связей с ним.

Образ-локус (от лат. *locus* – место) – описанный в литературном произведении отдельный локализованный объект замкнутого пространства со стабильным местонахождением, который имеет особую смысловую нагрузку и в большинстве случаев влияет на развитие сюжета. Термин «локус» как пространственный образ ввели в фольклористику и литературоведение С. Ю. Неклюдов и Ю. М. Лотман. Долгое время данное понятие не было широко востребовано, однако в последние годы интерес к нему значительно возрос. В частности, наблюдаются попытки дать четкое определение этому виду пространственного образа и отграничить его от других видов пространственных образов, прежде всего от образа-топоса и образа-пейзажа.

Можно выделить два основных критерия, по которым проводится подобное размежевание. Во-первых, многие исследователи понимают локус как образ закрытого, замкнутого пространства, имеющего четкие границы в представлении автора и читателей. Так, В. Ю. Прокофьева отмечает, что «понятие “локус” применяется в основном к закрытым культурным фрагментам пространства», а «сам термин “локус”... предполагает в качестве референта ограниченное пространство» [11, с. 89–90]. Автор настоящей статьи также придерживается данной трактовки.

Во-вторых, значимые характеристики образов-локусов – их связь с сюжетом, конфликтом и персонажами, способность влиять на развитие действия. Иными словами, образами-локусами следует считать особенно значимые для сюжета образы замкнутого пространства, которые влияют на развитие событий. Попадание персонажа в такое пространство означает его вступление в новую перипетию. Ю. М. Лотман отмечает, что «по отношению к герою эти “места” являются функциональными полями, попадание в которые равнозначно включению в конфликтную ситуацию, свойственную данному locus’у» [3, с. 253].

Яркими примерами образов-локусов являются образы необычных мест в народных волшебных сказках. Пространство в этих произведениях является дискретным и состоит из нескольких особо значимых в сюжетном отношении образов явственно замкнутых объектов (избушка Бабы-яги, Хрустальная гора, Калинов мост и т. п.). Приход героя в каждое из данных мест связан с новым поворотом сюжета: встречей со значимым персонажем, нахождением магического предмета и т. п.

Образ-топос (от др.-греч. τόπος – место) – образ открытого пространства, некоей незамкнутой природной среды, которая не воспринимается читателями как среда, имеющая четкие границы, однако обладает некими определенными общими характеристиками, позволяющими читателю формировать о ней целостное представление. В отличие от образа-локуса образ-топос в последнее время стали трактовать как образ открытого незамкнутого пространства. Так, В. Ю. Прокофьева отмечает, что топос – это «значимое для художественного текста... “место разворачивания смыслов”, которое может коррелировать с каким-либо фрагментом (или фрагментами) реального пространства, как правило, открытым» [11, с. 89]. Исследовательница полагает, что степь и море с их открытыми как в референциальном, так и в смысловом плане границами являются образами-топосами [11, с. 90]. Г. В. Михеева считает образами-топосами море, лес и Север [13]. Автор настоящей статьи поддерживает подобную трактовку, так как она позволяет провести более четкую классификацию пространственных образов.

В отличие от образа-пейзажа образ-топос должен восприниматься как некий единый объект пространства, а не как совокупность природных и других элементов. Соответственно, в современном литературоведении определение понятия «пейзаж» как «описания природы, шире – любого незамкнутого пространства внешнего мира» требует изменения и уточнения⁴.

Стоит также заметить, что некоторые исследователи объединяют в трактовке термина «топос» два плана: пространственный образ и клишированный, стереотипный, традиционный образ, устойчиво использующийся в литературе какой-либо эпохи или нации. Так, Ю. Г. Пыхтина указывает, что данное понятие «не сводится к текстуальной фиксации объектов “физического” художественного пространства, топос – это “общее место”» [14, с. 30]. Получается, что образы-топосы – это образы незамкнутого пространства, которые коррелируют с некими национальными символами и (или) устойчиво используются в литературе определенной эпохи (например, топос дворянской усадьбы в русской литературе XIX в.).

Автор настоящей статьи сомневается в целесообразности подобного толкования образа-топоса и полагает, что отмеченные планы данного термина следует разграничивать. В зависимости от того, как пространственные образы воспринимаются автором произведения и читателями, можно выделить панорамные картины незамкнутого пространства, конкретные области незамкнутого пространства и конкретные объекты замкнутого пространства.

Панорамные картины незамкнутого пространства (соответствуют образам-пейзажам) представляют собой группу элементов, причем читатель внутренним зрением переходит от одного из них к другому, как будто созерцая реальную область пространства или изображение природы на живописном полотне. В. М. Хамаганова указывает, что в процессе формирования образа-пейзажа в литературном произведении важна точка отсчета при разворачивании поля зрения: «Точка отсчета существует как начальная позиция восприятия предметного мира, она представлена в описательном тексте. Точка отсчета определяет содержание и перспективу расположения воспринятых пространственных параметров объекта описания...» [15, с. 135]. При чтении литературных произведений адресат отталкивается в своем восприятии образа от подобной точки отсчета (первой детали пейзажа) и строит в воображении развернутую картину природы и т. п.

Конкретные области незамкнутого пространства (соответствуют образам-топосам) воспринимаются как некие единые целостные объекты, несмотря на отсутствие у них четких границ. Их, как правило, невозможно нарисовать в воображении целиком, но при этом возникает ощущение, что данный элемент пространства отличен по своему местоположению и характеристикам от других. Дремучий лес и море-океан в народных сказках, галактики в космической фантастике, моря

⁴Щемелёва М. Н. Пейзаж // Лит. энцикл. словарь... С. 272

в приключенческой литературе о мореплавателях, несомненно, являются пространственными образами, однако назвать их образами-пейзажами невозможно.

Конкретные объекты замкнутого пространства (соответствуют образам-локусам) имеют четкие границы. Их обычно вполне возможно вообразить как некое целостное явление, несмотря на то что оно может состоять из множества деталей.

Стоит отметить, что различные виды пространственных образов способны входить в состав друг друга. Подобная иерархическая организация характерна для реального пространства физического мира, так что логично, что литературные произведения воспроизводят ее. Так, образ-пейзаж может входить в состав образа-локуса или образа-топоса, а образ-локус, в свою очередь, может быть частью образа-топоса. Например, в повести В. С. Короткевича «Дикая охота короля Стаха» Н-ский уезд, куда прибывает главный герой, является образом-топосом, так как читателю неизвестны границы данной территории, но знакомы ее характеристики. Внутри этого образа-топоса находится образ-локус – имение Болотные Ялины, которое имеет четкие границы (их очерчивает ограда, которой обнесено имение) и оказывает решающее влияние на развитие сюжета. В состав же данного образа-локуса входит образ-пейзаж – описание парка, окружающего дом.

Вещные образы (образы вешнего мира) – описанные в литературных произведениях рукотворные предметы или их совокупное множество, а также отдельные природные объекты, которые не имеют стабильного местонахождения в пространстве. К данному типу литературных художественных образов относятся образ-вещь, образ-интерьер и образ-экстерьер.

Образ-вещь – конкретный предмет, который отделяется от других предметов по смыслу, не имеет стабильного местонахождения в пространстве, несет особую смысловую нагрузку и, как правило, влияет на развитие сюжета. Вслед за А. П. Чудаковым автор настоящей статьи относит к образам-вещам как рукотворные предметы культуры, так и отдельные экземпляры природных явлений [16]. Молодильное яблоко из народных сказок представляет собой образ-вещь (отдельный экземпляр природных явлений) и не может быть рассмотрено как образ растения (растением является яблоня, а не отдельный ее плод) или как художественная деталь (данный образ слишком значим для сюжетов сказок, чтобы считать его микрообразом). К тому же художественные детали чаще всего являются составными частями более сложных образов (вроде образа-персонажа или образа-пейзажа).

Автор настоящей статьи выступает против трактовки образов-вещей как художественных деталей, которая наблюдается у некоторых исследователей (например, у А. Б. Есина [17]). Нужно ограничивать предметные и бытовые детали от образов-вещей, которые несут на себе большую смысловую нагрузку, влияют на развитие сюжета и часто приближаются по своей значимости к персонажам. Так, Е. Б. Борисова отмечает, что «иногда образы вещей выдвигаются на первый план и становятся центральным звеном повествования» [18, с. 25]. Вокруг образа Кольца Всевластия в романе Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец» вращаются важнейшие события произведения. Оно несет в себе глубокий символический смысл, выражает главную идею произведения (о пагубном влиянии власти на человека). В произведении авторская оценка персонажей также выстраивается в зависимости от их отношения к Кольцу Всевластия. Абсурдно было бы считать настолько важный, центральный для произведения образ художественной деталью.

В качестве других примеров образов-вещей можно привести магические предметы фольклорных волшебных сказок (меч-кладенец, шапка-невидимка и др.) и романов-фэнтези (камень судьбы в серии романов Р. Желязны «Хроники Амбера», платяной шкаф в цикле повестей К. С. Льюиса «Хроники Нарнии» и др.), предметы, которые являются целью преступников в детективах (лунный камень в одноименном романе У. Коллинза и др.), и т. п.

Образ-интерьер – панорамная картина внутреннего пространства определенного помещения, которая складывается из множества предметов-деталей, ни одна из которых по отдельности, как правило, не имеет самостоятельного значения. В отношении образа-интерьера справедливы наблюдения, сделанные касательно образа-пейзажа. По мнению автора настоящей статьи, данные виды образов похожи по своей внутренней структуре и механизму рецепции читателей. Образ-интерьер складывается из множества вещных деталей (в отличие от образа-пейзажа, который складывается из пространственных деталей), воспринимаемых не как единый материальный предмет (что характерно для образа-вещи), а как набор предметов, отражающих некий смысл (дающих характеристику месту действия или персонажу – обитателю помещения, внушающих читателю некое настроение и т. п.). Как и образ-пейзаж, образ-интерьер рисуется перед внутренним взором не сразу, а постепенно разворачивается, как если бы читатель созерцал обстановку реальной комнаты и т. п. И. С. Судосева указывает на это в определении образа-интерьера: «Интерьер можно определить как фокализацию домашнего жизненного пространства героев литературного произведения. Фокализация... является одним из уровней объектной организации текста, состоящей в упорядочивании вербальных кадров внутреннего зрения» [19, с. 91].

На близость образа-пейзажа и образа-интерьера указывает также А. И. Николаев, отмечавший, что «эти образы, как правило, имеют еще более сложное строение (в сравнении с образами-детальюми. – С. III.): и словесные образы, и образы-детали органично входят в их структуру. В ряде случаев эти образы не носят самостоятельного характера, являясь частью образа человека... В других ситуациях эти образы могут быть совершенно самостоятельными» [4, с. 29].

Образ-экстерьер – описанный в литературном произведении внешний вид определенного пространственного образа, чаще всего здания. Образ-экстерьер идентичен по своей структуре и особенностям образу-интерьеру и образу-пейзажу, однако отличается от образа-интерьера с точки зрения оппозиции внешнее – внутреннее. Стоит заметить, что образ-экстерьер часто может являться составной частью образа-локуса. Так, здание как целостный объект представляет собой образ-локус, а описание его стен, окон, дверей и других элементов строения – образ-экстерьер (например, собор Парижской Богоматери в одноименном романе В. М. Гюго).

Полипредметные образы – синтетические художественные явления, состоящие из образных структур различного характера, включающие в себя образы с разными предметами изображения. К подобному типу литературных художественных образов можно отнести образ страны, хронотоп, образ мира и картину мира.

Образ страны – отображение в литературном произведении семантически значимых характеристик реальной или воображаемой страны, включающее в себя географические, исторические, культурные, этнические и иные параметры. По мнению автора настоящей статьи, образ страны, как и образ народа, может иметь две разновидности. В первом случае (обычно в лирике, например в песне «Святая война» на стихи В. И. Лебедева-Кумача) образ страны представляет собой некий умозрительный целостный объект с высокой долей абстракции. Во втором случае (как правило, в эпосе) образ страны складывается из многих других образов, в частности включает в свой состав различные пространственные образы, а также образ народа (который, в свою очередь, может являться совокупностью образов-персонажей произведения). В некоторых случаях в образ страны могут также входить образы растений и животных и образы вещного мира, если своими характеристиками они влияют на создание в восприятии читателей некоего климатического, национального и другого колорита. Поскольку образ страны включает в себя иные виды образов, каждый из которых имеет особый предмет изображения, автор настоящей статьи относит данный вид литературных художественных образов к типу полипредметных.

Хронотоп – образ, являющийся совокупностью пространственных и временных параметров художественного мира литературного произведения. М. М. Бахтин, вводя данный термин в литературоведение, дал ему следующее определение: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом» [20, с. 234]. Поскольку хронотоп объединяет две характеристики художественного мира произведения – пространство и время, – то, по определению автора настоящей статьи, данный вид литературно-художественных образов относится к типу полипредметных. Стоит заметить, что в состав хронотопа могут входить пространственные образы. В. С. Вахрушев отмечает, что «хронотоп по природе своей не только лежит в основе художественных образов... но и сам является особого типа образом, прообразом (совкупностью прообразов) данного произведения» [21, с. 36]. Но если образы пространства, из которых складывается хронотоп, уже были выделены исследователями как отдельные семантические структуры, обозначенные соответствующими терминами, то о выделении особого образа (или даже образов) времени в литературоведении речь пока не ведется.

Образ мира – наиболее глобальный предметный литературный образ, изображающий весь вторичный художественный мир произведения. Подобный образ конструируется в сознании автора и читателей на основе остальных образов произведения, однако не равняется их совокупности. Образ мира – это описание его пространства, времени, отдельных стран, мест, народов, личностей, растений, животных и других явлений, а также некая смысловая надстройка, позволяющая воспринимать то, что описано в произведении, как определенную целостную реальность, близкую к материальной действительности либо отличающуюся от нее в различной степени. Д. С. Лихачёв ввел в литературоведение понятие «внутренний мир художественного произведения». По мнению ученого, «внутренний мир произведения словесного искусства (литературного или фольклорного) обладает известной художественной цельностью. Отдельные элементы отраженной действительности соединяются друг с другом в этом внутреннем мире в некоей определенной системе, художественном единстве» [22, с. 74]. Д. С. Лихачёв перечислил некоторые элементы внутреннего мира произведения. Так, в художественном тексте «писатель создает определенное пространство, в котором происходит действие. <...> Писатель в своем произведении творит и время, в котором протекает действие произведения. <...> В произведениях может быть и свой психологический мир, не психология отдельных

действующих лиц, а общие законы психологии, подчиняющие себе всех действующих лиц, создающие “психологическую среду”, в которой разворачивается сюжет. Эти законы могут быть отличны от законов психологии, существующих в действительности... <...> Можно также изучать мир истории в некоторых литературных произведениях... И в этой сфере обнаружатся не только точные или неточные воспроизведения событий реальной истории, но и свои законы, по которым совершаются исторические события, своя система причинности или “беспричинности” событий, – одним словом, свой внутренний мир истории» [22, с. 76–77]. Можно заключить, что Д. С. Лихачёв имеет в виду различные параметры образного мира литературного произведения. Представляется целесообразным использовать для данного явления обобщающий термин «образ мира». Следует отметить, что некоторые исследователи используют понятие «художественный мир произведения» в других значениях, не совпадающих с содержанием термина «образ мира».

Автор настоящей статьи считает, что наиболее явно с точки зрения читательской рецепции образ мира прослеживается в произведениях фантастического характера, особенно в таких текстах, где действие происходит в реальности, вымышленной автором (на другой планете в космической фантастике, в параллельном мире в фэнтези и т. п.). Даже неискушенный читатель обычно понимает, что в подобных произведениях создан образ некоего иного мира, т. е. осознает наличие рассматриваемой семантической структуры (в то время как в реалистических произведениях читатели, не осведомленные о переплетающей сущности искусства, могут не задумываться об описанной реальности как об отдельном художественном мире, считая ее копией действительности).

А. И. Николаев трактует данный образ еще более широко: «Наиболее сложной образной гиперсистемой является *образ мира* у того или иного автора, складывающийся из взаимодействия всех образов всех произведений» [4, с. 31].

Картина мира – близкая к образу мира смысловая конструкция, которую часто смешивают или путают с ним. Однако, по мнению автора настоящей статьи, данные понятия следует разделять. Анализ различных трактовок термина «картина мира» [23] позволяет говорить о том, что если образ мира – это образ вторичной реальности, складывающейся в литературном произведении из всех остальных образов, то картина мира – понятие, относящееся, скорее, к восприятию данного мира, его отражению в мировоззрении и влиянию на него. Этот образ может носить в литературе как интертекстуальный (связанный с персонажами), так и экстратекстуальный (соотносящийся с автором и читателями) характер. Соответственно, в мировоззрении персонажей произведения прослеживается определенная картина мира – понимание и оценка ими той реальности, в которой они живут (к примеру, довольны ли они этой реальностью или считают, что она устроена неправильно и несправедливо и подлежит исправлению). В сознании писателя существует его личная картина мира, которая влияет не только на образную структуру произведения, но и на его идейную сторону, систему авторских оценок и т. д. Наконец, читатели не только воспринимают художественный мир произведения как совокупность образов, но и оценивают его в соответствии с уже существующим у них мировоззрением либо меняют мировоззрение под влиянием данного произведения.

Картина мира – нечто, связанное с культурным контекстом, идеологией и системой ценностей. Можно сказать, что картина мира – это образ мира, а также система знаний, представлений, мнений о нем и оценок его в сознании персонажей, автора или читателей. Р. М. Ковалёва и Т. В. Лукьянова определяют художественную картину мира как «систему взаимосвязанных синтезированных и эмоционально окрашенных образов, которые складываются в цельное панорамное представление о мире (определенной части реальности) и месте человека в нем (включая и образы взаимоотношений человека с реальностью: природой, обществом и самим собой)» [24, с. 11].

Заключение

В литературоведении выделено довольно большое количество видов художественных образов, существуют различные их классификации. Представленная в настоящей статье классификация предлагает систематизировать различные виды литературных образов, выделяемых на основании специфических предметов изображения, в определенные обобщенные типы. Рассматриваемые виды образов, выделяемые на основании специфических предметов изображения, соотносят содержание литературных произведений с определенными типами объектов реальной действительности. По сути, можно сказать, что у подобных образов есть конкретный денотат. Логично при этом выделять в подобной классификации много различных видов образов в соответствии с разнообразием реального мира. Виды образов, представляющие собой разновидности одного класса объектов, закономерно можно объединить в определенные типы: одушевленные образы, пространственные образы, вещные образы (имеют

один конкретный предмет изображения), полипредметные образы (сочетают в себе несколько предметов). Некоторые из рассмотренных в настоящей работе видов образов представлены в научных исследованиях достаточно хорошо, другие же требуют более углубленного изучения.

Библиографические ссылки

1. Токарев ГВ. Семиотический аспект образности художественного текста. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*. 2018;4(4):187–196.
2. Кубракова ЕА. Типология художественных образов в лирике М. Цветаевой и проблема их перевода. *Новый филологический вестник*. 2016;2(37):140–154.
3. Валгина НС. *Теория текста*. Москва: Логос; 2003. 280 с.
4. Николаев АИ. *Основы литературоведения*. Иваново: ЛИСТОС; 2011. 255 с.
5. Рыбальченко ТЛ. *Анализ художественного текста*. Москва: Издательство Юрайт; 2020. 147 с.
6. Сухих ИН. *Структура и смысл: теория литературы для всех*. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус; 2018. 544 с.
7. Прозоров ВВ. Автор. В: Чернец ЛВ, редактор. *Введение в литературоведение*. Москва: Академия; 2010. с. 7–14.
8. Ильин ИП, Цурганова ЕА, редакторы. *Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины*. Москва: Интрада; 1996. 320 с.
9. Горбовская СГ. Фитоним как литературно-художественный образ (от флоротропа к субъективно-ассоциативному флорообразу). *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*. 2015;9:309–311.
10. Федотов ОИ. *Основы теории литературы. Часть 1*. Москва: ВЛАДОС; 2003. 272 с.
11. Прокофьева ВЮ. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2005;11:87–94.
12. Лотман ЮМ. Художественное пространство в прозе Гоголя. В: Лотман ЮМ. *В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Книга для учителя*. Москва: Просвещение; 1988. с. 251–292.
13. Михеева ГВ. Специфика художественного пространства сказок С. Г. Писахова. *Litera*. 2018;4:168–174.
14. Пыхтина ЮГ. К проблеме использования пространственной терминологии в современном литературоведении. *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2013;11:29–36.
15. Хамаганова ВМ. Функции текста типа «Описание» в художественном произведении. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2012;S1:132–135.
16. Чудаков АП. *Слово – вещь – мир: от Пушкина до Толстого*. Москва: Современный писатель; 1992. 320 с.
17. Есин АБ. *Принципы и приемы анализа литературного произведения*. Москва: Флинта; 2003. 246 с. Совместно с издательством «Наука».
18. Борисова ЕБ. О содержании понятий «художественный образ» и «образность» в литературоведении и лингвистике. *Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение*. 2009;35:20–26.
19. Судосева ИС. Функции литературного интерьера. *Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Литературоведение. Языкознание. Культурология*. 2013;20:89–99.
20. Бахтин ММ. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике. Вопросы литературы и эстетики. Москва: Художественная литература; 1975. с. 234–407.
21. Вахрушев ВС. Время и пространство как метафора в «Тропике рака» Г. Миллера (к проблеме хронотопа). *Диалог. Карнавал. Хронотоп*. 1992;1:35–43.
22. Лихачёв ДС. Внутренний мир художественного произведения. *Вопросы литературы*. 1968;8:74–87.
23. Исаев ГГ, редактор. *Картина мира в художественном произведении. Материалы Международной научной интернет-конференции; 20–30 апреля 2008 г.; Астрахань, Россия*. Астрахань: Астраханский университет; 2008. 180 с.
24. Кавалёва РМ, Лук'янова ТВ. *Жанравы код фальклорнай карціны свету. Нязказкавая проза. Дзіцячы фальклор. Загадкі. Казкі*. Мінск: Беллпрынт; 2012. 122 с.

References

1. Tokarev GV. Semiotic aspect of imagery of literary text. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences*. 2018;4(4):187–196. Russian.
2. Kubrakova E. The typology of literary images in M. Cvetaeva's poems and problems of their translation. *The New Philological Bulletin*. 2016;2(37):140–154. Russian.
3. Valgina NS. *Teoriya teksta* [Text theory]. Moscow: Logos; 2003. 280 p. Russian.
4. Nikolaev AI. *Osnovy literaturovedeniya* [Fundamentals of literary criticism]. Ivanovo: LISTOS; 2011. 255 p. Russian.
5. Rybal'chenko TL. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Literary text analysis]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait; 2020. 147 p. Russian.
6. Sukhikh IN. *Struktura i smysl: teoriya literatury dlya vseh* [Structure and meaning: a theory of literature for all]. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus; 2018. 544 p. Russian.
7. Prozorov VV. [Author]. In: Chernets LV, editor. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to literary studies]. Moscow: Akademiya; 2010. p. 7–14. Russian.
8. Il'in IP, Tsurganova EA, editors. *Sovremennoe zarubezhnoe literaturovedenie (strany Zapadnoi Evropy i SShA): kontseptsii, shkoly, terminy* [Contemporary foreign literary criticism (Western European countries and the USA): concepts, schools, terms]. Moscow: Intrada; 1996. 320 p. Russian.
9. Gorbovskaya SG. Phytonym as literary and art image (from florotrope to subjective and associatively flower poetics). *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*. 2015;9:309–311. Russian.
10. Fedotov OI. *Osnovy teorii literatury. Chast' 1* [Fundamentals of the theory of literature. Part 1]. Moscow: VLADOS; 2003. 272 p. Russian.

11. Prokofieva VYu. The category of space in the artistic refraction: locus and topos. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2005;11:87–94. Russian.
12. Lotman YuM. [Artistic space in Gogol's prose]. In: Lotman YuM. *V shkole poeticheskogo slova: Pushkin, Lermontov, Gogol'. Kniga dlya uchitelya* [In the school of the poetic word: Pushkin, Lermontov, Gogol. The book for the teacher]. Moscow: Prosveshchenie; 1988. p. 251–292. Russian.
13. Miheeva GV. Specific features of the art space in Stepan Pisakhov's fairy-tales. *Litera*. 2018;4:168–174. Russian.
14. Pykhtina YuG. To the problem of use of spatial terminology in modern literary criticism. *Vestnik of the Orenburg State University*. 2013;11:29–36. Russian.
15. Khamaganova VM. The functions of the text type «description» in fiction. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Philosophiya*. 2012;S1:132–135. Russian.
16. Chudakov AP. *Slovo – veshch' – mir: ot Pushkina do Tolstogo* [Word – thing – world: from Pushkin to Tolstoy]. Moscow: Sovremennyyi pisatel'; 1992. 320 p. Russian.
17. Esin AB. *Printsipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya* [Principles and techniques for analysing a literary work]. Moscow: Flinta; 2003. 246 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
18. Borisova EB. On the content of the concepts «artistic image» and «imagery» in literary criticism and linguistics. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2009;35:20–26. Russian.
19. Sudoseva IS. [Functions of the literary interior]. *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kulturologiya*. 2013;20:89–99. Russian.
20. Bakhtin MM. [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. *Questions of literature and aesthetics*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura; 1975. p. 234–407. Russian.
21. Vakhrushev VS. Time and space as a metaphor in G. Miller's «Tropic of Cancer» (on the problem of the chronotope). *Dialogue. Carnival. Chronotope*. 1992;1:35–43. Russian.
22. Likhachev DS. [The inner world of a work of art]. *Voprosy literatury*. 1968;8:74–87. Russian.
23. Isaev GG, editor. *Kartina mira v khudozhestvennom proizvedenii. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi internet-konferentsii; 20–30 aprelya 2008 g.; Astrakhan', Rossiya* [Picture of the world in a work of art. Proceedings of the International scientific Internet conference; 2008 April 20–30; Astrakhan, Russia]. Astrakhan: Astrakhan State University; 2008. 180 p. Russian.
24. Kavaljova RM, Luk'janava TV. *Zhanravy kod fal'klornaj karciny svetu. Njakazkavaja proza. Dziejachy fal'klor. Zagadki. Kazki* [Genre code of the folklore picture of the world. Unfabulous prose. Children's folklore. Riddles. Fairy tales]. Minsk: Belprint; 2012. 122 p. Belarusian.

Статья поступила в редколлегию 10.03.2022.
Received by the editorial board 10.03.2022.

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ ЕВДОКИМА РОМАНОВА НА РАЗВИТИЕ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В КОНЦЕ XIX в.

И. Н. ЗАПРУДСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируются мировоззрение, деятельность и та часть творческого наследия Евдокима Романова (1855–1922), которая еще мало изучена в белорусском литературоведении. Как публицист, писатель, критик, текстолог и издатель художественных произведений на белорусском языке, в основном анонимных, он проявил себя активным участником литературного процесса в Беларуси конца XIX – начала XX в. Его литературные обработки с использованием монтажа народных легенд «Кара в сто лет. Белорусская легенда» (1894), «Милостивый Осип, или Милости прошу, а не жертвы. Быль» (1896) способствовали жанровому разнообразию национальной литературы и демонстрировали стремление Е. Романова максимально использовать сокровища белорусского народного творчества для обогащения национальной литературы, традиции которой только закладывались в этот период. Е. Романов был ярким сторонником идеологии западнорусизма, его памфлет «Плач белорусской земли» (1894) вызвал негативную реакцию в обществе. Ученый выступал одним из самых активных исследователей и популяризаторов поэмы «Тарас на Парнасе». Его отношение как рецензента к творчеству Ф. Богусевича было неоднозначным. Эволюции идейно-эстетических взглядов Е. Романова на оригинальные произведения на белорусском языке способствовали различные факторы: частные, культурные, мировоззренческие, религиозные и др. В начале 1890-х гг. ученый настороженно относился к «искусственным» белорусским произведениям. В преддверии XX в. он составил и издал антологию белорусских художественных произведений, ставшую толчком к развитию национальной литературы.

Ключевые слова: идейно-художественная эволюция; литературный монтаж; западнорусизм; жанровое своеобразие; литературная легенда; антология.

ЭВАЛЮЦЫЯ ІДЭЙНА-ЭСТЭТЫЧНЫХ ПОГЛЯДАЎ ЕЎДАКІМА РАМАНАВА НА РАЗВІЦЦЁ БЕЛАРУСКАЙ ЛІТАРАТУРЫ Ў КАНЦЫ XIX ст.

І. М. ЗАПРУДСКІ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуюцца светапогляд, дзейнасць і тая частка творчай спадчыны Еўдакіма Раманава (1855–1922), якая дагэтуль застаецца маладаследаванай у беларускім літаратуразнаўстве. Як публіцыст, пісьменнік, крытык, тексталаг і выдавец мастацкіх твораў на беларускай мове, пераважна ананімных, ён праявіў сябе актыўным удзельнікам літаратурнага працэсу ў Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. Яго літаратурныя апрацоўкі з выкарыстаннем прыёму мантажу народных легенд «Кара ў сто гадоў. Беларуская легенда» (1894), «Міласцівы Восіп, або Міласці

Образец цитирования:

Запрудский И. М. Эволюция идейно-эстетических взглядов Евдокима Раманава на развитии белоруской литературы в конце XIX ст. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2022;2:17–30.

For citation:

Zaprudski I. N. Evolution of Evdokim Romanov's ideological and aesthetic views on the development of Belarusian literature in the late 19th century. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;2:17–30. Belarusian.

Автор:

Игорь Николаевич Запрудский – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры истории белорусской литературы филологического факультета.

Author:

Igor N. Zaprudski, PhD (philology), docent; postdoctoral researcher at the department of history of Belarusian literature, faculty of philology.
zaprudski@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-4232-7610>

хачу, а не ахвяры. Быль» (1896) спрыялі жанравай разнастайнасці айчыннай літаратуры і дэманстравалі інтэнцыі Е. Раманава максімальна выкарыстаць скарбы беларускай народнай творчасці для ўзбагачэння нацыянальнай мастацкай літаратуры, традыцыі якой толькі закладаліся ў той перыяд. Е. Раманаў быў заўзятым прыхільнікам ідэалогіі заходнерусізму, яго памфлет «Плач беларускай зямлі» (1894) выклікаў негатыўную рэакцыю ў грамадстве. Вучоны з'яўляўся адным з найбольш дзейных даследчыкаў і папулярызатараў паэмы «Тарас на Парнасе». Яго стаўленне як рэцэнзента да творчасці Ф. Багушэвіча было неадназначным. На эвалюцыю ідэйна-эстэтычных поглядаў Е. Раманава на арыгінальныя творы на беларускай мове паўплывалі розныя фактары: прыватныя, культуралагічныя, ідэалагічныя, рэлігійныя і інш. У пачатку 1890-х гг. вучоны ставіўся да «штучных» беларускіх твораў насцярожана. Напярэдадні XX ст. ён выступіў складальнікам і выдаўцом анталогіі беларускіх мастацкіх твораў, што стала імпульсам для развіцця нацыянальнага прыгожага пісьменства.

Ключавыя словы: ідэйна-мастацкая эвалюцыя; літаратурны мантаж; заходнерусізм; жанравая адметнасць; літаратурная легенда; анталогія.

EVOLUTION OF EVDOKIM ROMANOV'S IDEOLOGICAL AND AESTHETIC VIEWS ON THE DEVELOPMENT OF BELARUSIAN LITERATURE IN THE LATE 19th CENTURY

I. N. ZAPRUDSKI^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article is devoted to the analysis of the worldview, activity and that part of the creative heritage of Evdokim Romanov (1855–1922), which is still not widely studied in Belarusian literary criticism. As a publicist, writer, critic, textologist and publisher of texts in Belarusian language, mostly anonymous, the scientist proved to be an active participant of the literary process in Belarus in the late 19th and early 20th centuries. His literary adaptations with the use of the montage of folk legends «Punishment in a hundred years. Belarusian legend» (1894), «Merciful Osip, or I want mercy, not sacrifice. Bylit» (1896) contributed to the genre enrichment of national literature and demonstrated E. Romanov's intentions to use maximally the treasures of Belarusian folk art to enrich national literature, its traditions were only laid down in that period. As an ardent supporter of the ideology of Western Russianism, E. Romanov was the author of the pamphlet «Cry of the Belarusian land» (1894), which provoked a negative reaction in society. The scientist was one of the most energetic researchers and popularisers of the poem «Taras on Parnassus». His attitude as a reviewer to the work of F. Bogushevich was ambiguous. The evolution of E. Romanov's ideological and aesthetic views on the original works in the Belarusian language was influenced by various factors: private, cultural, ideological, religious and others. In the early 1890s the scientist was wary to artificial Belarusian works. In the early 20th century he compiled and published an anthology of Belarusian works, which became the impetus for the development of national writing.

Keywords: ideological and artistic evolution; literary montage; Western Russianism; genre distinctiveness; literary legend; anthology.

Уводзіны

Дзейнасць Еўдакіма Раманава (1855–1922), вядомага прадстаўніка айчыннай гуманітарнай навукі памежжа XIX–XX стст., якой ён аддаў 50 гадоў жыцця, па меркаванні В. Бандарчыка, «складае цэлую эпоху ў гісторыі беларускай этнаграфіі» [1, с. 5]. Аднак на працягу ўсяго перыяду вывучэння яго творчай спадчыны перадусім даследаваліся здабыткі вучонага ў галіне этнаграфіі, фалькларыстыкі і археалогіі. Значна менш акцэнтавалася ўвага на яго дзейнасці як публіцыста, пісьменніка і выдаўца мастацкіх твораў на беларускай мове. Між тым пад літаратурным псеўданімам Радзіміч ён апублікаваў асобнымі кніжкамі арыгінальныя творы «Кара ў сто гадоў. Беларуская легенда» (1894, далей – «Кара ў сто гадоў...») і «Міласцівы Восіп, або Міласці хачу, а не ахвяры. Быль» (1896, далей – «Міласцівы Восіп...»), якія назваў вопытамі «папулярных народных легенд» [2, с. 148–149]. Гэтыя творы лічацца апрацоўкамі народных легенд і сёння.

З рэцэнзіямі на асобныя працы і з водгукамі на вынікі навуковай дзейнасці Е. Раманава выступалі многія даследчыкі. Таму звернем увагу толькі на найбольш істотныя публікацыі, карысныя для дасягнення пастаўленай мэты – акрэсліць стаўленне вучонага да так званых штучных і псеўданародных твораў і даследаваць эвалюцыю яго ідэйна-эстэтычных поглядаў на арыгінальную мастацкую творчасць на беларускай мове ў кантэксце асаблівасцей літаратурнага працэсу канца XIX – пачатку XX ст.

Пачнём агляд літаратуры з высокай ацэнкі, што атрымала дзейнасць Е. Раманава ў даследаванні А. Пыпіна «Гісторыя рускай этнаграфіі. Т. IV. Беларусь і Сібір» (1892). Званне «руплівага дзеяча

беларускай этнаграфіі» [3, с. 234] было істотнай падтрымкай падзвіжніцтва 36-гадовага правінцыяльнага энтузіяста. Важкасць яго навукова-літаратурных дасягненняў і прафесіяналізм прызнаваліся на самым высокім узроўні ўжо пры жыцці вучонага. У справаздачы аб прысуджэнні прэміі П. М. Бацюшкава¹ «Разгляд гісторыка-этнаграфічных прац Е. Р. Раманава па Паўночна-Заходнім краі...» (1904) Я. Карскі канстатаваў, што, маючы нязначныя недахопы, працы вучонага з'яўляюцца істотным укладам у вывучэнне гісторыі і этнаграфіі заходнерускага края і ўяўляюць надзейны матэрыял, на які могуць абавірацца вучоныя [4, с. 43]. У 1916 г. у фундаментальным даследаванні «Беларусы» Я. Карскі назвае Е. Раманава выдатным беларускім этнографам [5, с. 540].

З публікацый 1920-х гг. па разглядаемай тэме згадаем наступныя: праца М. Гарэцкага «Гісторыя беларускае літаратуры» [6], працулы некралог А. Луцкевіча, у якім упамінаецца легенда «Кара ў сто гадоў...»² [7, с. 369–371], нарыс-партрэт А. Шлюбскага «Этнаграфічная дзейнасць Е. Р. Раманава» [8, с. 363], манаграфія А. Цьвікевіча «“Западно-руссизм”: нарысы з гісторыі грамадзкай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в.» [9]. Аднак у сувязі з рэпрэсіямі напрацоўкі названых даследчыкаў надоўга трапілі пад забарону.

Спатрэбіўся значны прамежак часу для з'яўлення манаграфіі В. Бандарчыка «Еўдакім Раманавіч Раманаў» (1961), якая стала падвядзеннем вынікаў па вывучэнні спадчыны вучонага ў савецкім айчыназнаўстве. На высокім для свайго часу ўзроўні разглядаўся шырокі комплекс пытанняў, звязаных з жыццём і даследчыцкай дзейнасцю вучонага, яго метадычныя падыходы да аналізу народнага матэрыялу. Аўтар не абмінуў творы Е. Раманава: мастацка-публіцыстычны памфлет «Плач беларускай зямлі», рэцэнзію на зборнік Мацея Бурачка (Ф. Багушэвіча) «Дудка беларуская», літаратурна апрацаваную легенду «Кара ў сто гадоў...». Аднак В. Бандарчык не патлумачыў прычыны з'яўлення ў адзін час трох артэфактаў, што ілюструюць працэсы, якія адбываліся ў свядомасці іх аўтара. Таксама В. Бандарчык ахарактарызаваў легенду «Міласцівы Восіп...» як твор з рэлігійнымі матывамі і канстатаваў, што, змяшчаючы ў выданні тэксты ананімных мастацкіх твораў, «Раманаў карыстаўся любой магчымасцю, каб будзіць нацыянальную свядомасць беларускага народа» [1, с. 103]. У манаграфіі быў закладзены падмурак раманазнаўства, але заставалася неабходнасць спецыяльнага вывучэння яго літаратурнай спадчыны і ўплыву на развіццё літаратуры.

Тым не менш у акадэмічнай працы «История белорусской дооктябрьской литературы» (1977) Е. Раманаў згадваецца толькі побач з іншымі збіральнікамі і выдаўцамі фальклорных помнікаў, аўтары падкрэсліваюць навуковую каштоўнасць дзевяці выпускаў выдання «Беларускі зборнік», матэрыяламі якога цікавіўся М. Горкі [10, с. 356–357].

Літаратуразнаўцамі А. Александровічам і Г. Кісялёвым была пашырана крыніцазнаўчая база раманазнаўства: апублікаваны рэцэнзія Е. Раманава на зборнік Ф. Багушэвіча «Дудка беларуская» і забароненая да друку беларускамоўная прадмова «Спроба п'яра» да віцебскага выдання паэмы «Тарас на Парнасе» (1896) [11, с. 91–92; 12, с. 15–19]. К. Хромчанка ў манаграфіі «Беларуская мастацкая проза» (1979) высока ацэньваў зварот вучонага да апрацоўкі легенд, падаўшы кароткую ахарактарыстыку твораў «Кара ў сто гадоў...» і «Міласцівы Восіп...» і падкрэсліўшы іх дыдактычны характар, а таксама літаратурную скіраванасць [13, с. 17–18]. На хрысціянскім пафасе твораў увага не акцэнтавалася, гэта было выклікана атмасферай тагачаснага грамадскага жыцця.

У канцы XX ст. у літаратуразнаўчых публікацыях канстатавалася, што Е. Раманаў прымаў актыўны ўдзел у папулярызацыі мастацкіх твораў XIX ст. на беларускай мове, праявіў сябе не толькі як выдавец скарбаў народнай творчасці, але і як літаратар, публіцыст, тэкстолаг і рэцэнзент. Змешчаная інфармацыя пра Е. Раманава ў біябібліяграфічным слоўніку «Беларускія пісьменнікі» была прызнаннем яго ролі ў літаратурным працэсе [14, с. 142–143].

Аднак аб'ектам спецыяльнага навуковага аналізу творы літаратурна-публіцыстычнага характару сталі толькі ў XXI ст., дзякуючы серыі міжнародных навуковых канферэнцый «Раманаўскія чытанні». У зборніках матэрыялаў гэтых мерапрыемстваў пабачылі свет публікацыі В. Валжанкова [15], Г. Сакалова [16]. У згаданых працах ставілася пытанне аб недастатковай вывучанасці як асаблівасцей светапогляду Е. Раманава, так і яго літаратурнай спадчыны.

Вынікі і іх абмеркаванне

Звернемся да першапачатковага стаўлення вучонага да так званых штучных твораў на беларускай мове. У 1885 г. у прадмове да першага і другога выпускаў выдання «Беларускі зборнік» Е. Раманаў крытыкаваў сваіх папярэднікаў П. Гільтэбранта, М. Дзмітрыева, І. Насовіча, П. Шэйна і іншых навукоўцаў за публікацыю тэкстаў яўна штучнага паходжання, падробак і перапрацовак, што не з'яўляюцца творами

¹Прэмія П. М. Бацюшкава (1811–1892), аднаго з асноўных праваднікоў палітыкі русіфікацыі ў Беларусі, заснавана ў 1894 г. Яна павінна была стымуляваць даследаванні рэгіянальнага характару. На яе атрыманне маглі прэтэндаваць аўтары прац, прысвечаных розным аспектам вывучэння Паўночна-Заходняга краю.

²Тэкст твора «Кара за сто год. Беларуская легенда» ў перакладзе П. Станіча з рускай мовы на беларускую быў надрукаваны ў 1920 г. у мінскай газеце «Беларусь».

народнай паэзіі. У пурэсцкім запале, які выклікаўся залішне суровым імкненнем захаваць чысціню аўтэнтычных фальклорных твораў, ён сцвярджаў: «Што датычыць твораў псеўданародных, штучных, то яны рашуча адсутнічаюць у нашым зборніку, пры ўсім іх мностве» [17, с. X]. Аднак ужо ў той час Е. Раманаў не адмаўляў саму магчымасць публікацыі ў наступных выпусках зборніка адзінкавых неаўтэнтычных твораў, але толькі ў якасці выключэння.

У чацвёртым выпуску выдання «Беларускі зборнік» (1891), якое ўтрымлівала тэксты казак, Е. Раманаў змясціў гутарку «Бай», не прылічыўшы яе да твораў народнай слаvesнасці. У каментарыі ён патлумачыў сваё рашэнне: «Гэтая гутарка пададзена нам рэдактарам “Вит. Губ. Вед.” В. С. Сафонавым, які атрымаў яе з г. Енісейска ад п. Маркса, што жыў у 20–40 гады ў Віцебску і запісаў яе нібыта ад беларускага гутарніка Філіпа Смурага ў 1829 годзе. Лічачы гэты твор псеўданародным, даём яму ў якасці выключэння месца ў зборніку як арыгінальнаму вопыту генеалогіі беларускіх прозвішчаў. Рукапіс на рускай мове; пераклад на беларускую, дрысенскага павета, зроблены намі» [18, с. 175]. Прытрымліваючыся пурэсцкіх поглядаў, Е. Раманаў разглядаў гутарку «Бай» як унікальны для айчынай культуры твор, таму і змясціў яе ў зборніку ва ўласным перакладзе з рускай мовы на дрысенскую гаворку. Прынцыпова ўзводзячы ў прадмет своеасаблівага культу толькі здабыткі вуснай народнай творчасці, ён адступіў ад сваіх прынцыпаў, разумеючы каштоўнасць артэфекта.

У 1933 г. А. Луцкевіч апублікаваў артыкул «Беларускі гутарнік Піліп Смуры». У ім ішла гаворка пра пісьмо М. Маркса, які даслаў у рэдакцыю газеты «Витебские губернские ведомости» цікавы рукапіс – «створаны народнай фантазіяй вывад беларускіх родаў» [7, с. 308]. Аднак пра тое, што твор быў перакладзены на беларускую мову і надрукаваны ўпершыню яшчэ ў 1891 г. Е. Раманавым, А. Луцкевіч не згадаў.

Л. Кісялёва даследавала разглядаемы твор і акрэсліла яго тэксталагічную гісторыю: «Як цяпер можна зразумець, М. Маркс адмыслова для меркаванай публікацыі пераклаў гутарку, даслаў у “Ведомости”, рэдактар газеты пераправіў атрыманы матэрыялы Е. Раманаву, той зрабіў зваротны пераклад тэксту на беларускую мову з рускамоўнага перакладу і надрукаваў у сваім зборніку, а пазней частка архіва Е. Раманавы, у тым ліку ліст М. Маркса з гутаркай П. Смурага, трапіла ў Беларускі музей у Вільні. <...> Такім чынам, за 31 год да В. Брухнальскага гутарку П. Смурага апублікаваў Е. Раманаў. Праўда, у моцна скарачаным выглядзе. <...> І гэта не адзінае адрозненне паміж публікацыямі. Князь Бой у версіі з раманаўскага зборніка ператвараецца ў Бая. <...> Ёсць і іншыя, больш дробныя, разыходжанні ў дзвюх публікацыях гутаркі. Да таго ж пераклад з перакладу – гэта, мякка кажучы, не зусім аўтэнтычны тэкст» [19, с. 61]. Вынікае, што ўжо ў пачатку 1890-х гг. Е. Раманаў дапускаў не толькі пераклад, але і рэдагаванне, перапрацоўку канкрэтнага тэксту, выдаваемага за народны.

У пятым выпуску выдання «Беларускі зборнік» (1891) вучоны паведамляў пра пашырэнне ў Беларусі «штучных» вершаў рэлігійнага характару, якіх толькі на Магілёўшчыне ён запісаў больш за паўсотні. Але збіральнік лічыў іх скажонай, недасканалай па форме і змесце, чужой для народа па мове спадчынай уніяцкага перыяду, таму так акрэсліў сваю пазіцыю: «Змяшчэнне іх у такім скажоным выглядзе ў зборніку было б, па маім крайнім разуменні, бязмэтна і склала б непатрэбны баласт, якога я ўсяляк стараюся пазбегнуць...» [20, с. 443]. Тым не менш на старонках пятага выпуску Е. Раманаў вылучыў асобны раздзел «Навейшыя вершы». У ім сярод іншых былі надрукаваны два спісы верша «Праўда» з наступным каментарыем: «Відаць, абодва варыянты – скажэнне аднаго і таго ж твора, які, па заяве спевака, цяпер выйшаў з ужытку, але “даўнія ўбогія спявалі яго ў нашай губерні”» [20, с. 437]. Падрэдагаваны тэкст гэтага твора трапіў пазней у раздзел «Ананімныя вершы на сацыяльна-бытавыя тэмы» зборніка «Беларуская літаратура XIX стагоддзя» [21, с. 35–36] і іншыя хрэстаматыі. У духу часу В. Бандарчык убачыў у творы і «пратэст народа супраць сацыяльна-палітычнага ладу царскай Расіі» [1, с. 232–233], і нават «рашучасць народа шукаць справядлівы грамадскі лад» [1, с. 233]. Ідэалагізаваныя ацэнкі былі выкліканы тэндэнцыйнасцю, скіраванай на пошук твораў з адмаўленнем сацыяльнай рэчаіснасці.

«Ігнараванне» Е. Раманавым псеўданародных твораў не было падтрымана А. Пыпіным, які падкрэсліў: «Для... паўнаты ўяўлення аб складзе народнай песні збіральнік павінен звярнуць увагу і на гэты бок справы, і ў дадзеным выпадку шкада, што ён не вызначае дакладней тых псеўданародных твораў, пра мноства якіх у яго ідзе гаворка» [3, с. 237]. А. Пыпін не меў на ўвазе папулярнасць беларускіх мастацкіх твораў, але засцерагаў ад грэбавання імі.

З 1886 па 1895 г. Е. Раманаў працаваў інспектарам вучылішчаў Віцебскай губерні, да выхаду ў адстаўку ў 1906 г. ён служыў на аналагічных пасадах у Гродзенскай і Магілёўскай губернях. Для героя вядомага рамана Ф. Салагуба «Дробны бес» (1905), настаўніка правінцыяльнай гімназіі Ардальёна Перадонова, ад прозвішча якога ўтвораны тэрмін «перадонаўшчына», што сімвалізуе мяшчанскі побыт перыферыяльнай Расіі, месца інспектара было мяжой жаданняў.

У Віцебску ў 1890-я гг. віравала інтэнсіўнае інтэлектуальнае жыццё, рухавікамі якога сталі гісторыкі А. Сапуноў і У. Стукаліч, археограф Д. Даўгяла, этнограф і фалькларыст М. Нікіфароўскі і інш. В. Бан-

дарчык сцвярджае, што ўжо ў віцебскі перыяд «этнаграфічныя зборнікі Е. Раманава паспелі заваяваць вядомасць; карыстаюцца ім не толькі выдатныя рускія вучоныя (А. А. Патэбня, акад. А. М. Весаляўскі, А. М. Пыпін і інш.), але і вучоныя заходнеславянскія (напр., Поліўка)» [1, с. 116]. Праява цікавасці чэшскага славіста, аўтара работ па параўнанні казачных сюжэтаў славянскіх народаў, сведчыць пра прызнанне заслуг і па-за межамі Расіі.

У выданні «Журнал Министерства народного просвещения» ў маі 1893 г. быў надрукаваны артыкул А. Весаляўскага «З уводзін у гістарычную паэтыку» [22, с. 619], які стаў першым у серыі публікацый пра развіццё паэтычных жанраў і гістарычныя асновы сюжэтнасці. Даследчык адзначаў існаванне перыядаў, калі ў літаратуры актывізуецца цікавасць да мінуўшчыны, фальклору, археалогіі і ўзрастае роля крэатыўнай асобы. А. Весаляўскі разважаў: «Надыходзяць эпохі грамадскай стомленасці, і... чалавека цягне да непасрэднай прыроды, да апрашчэння – хоць бы ў стылі паненкі-сялянкі, да народнай песні і народнай даўніны: гэта эпохі аповесцей з сялянскага побыту і археалагічных густаў» [22, с. 68–69]. Навуковец падкрэсліваў, што ўсё вызначаецца попыткам і прапановай. Як нешараговы чыноўнік Міністэрства народнай асветы, фалькларыст, які кантактаваў са сталічнымі навуковымі коламі, Е. Раманаў сачыў за публікацыямі ў згаданым часопісе і, напэўна, быў знаёмы з артыкулам А. Весаляўскага, ідэі якога, на нашу думку, істотна паўплывалі на карэкціроўку поглядаў вучонага на каштоўнасць мастацкай творчасці. Бібліяграфічны паказчык прац Е. Раманава ўтрымлівае пазіцыю «О волотах и о Герсике, письмо к академику А. Н. Веселовскому. “Журнал М. Н. Пр.” авг. [1896]» [2, с. 149]. На старонках часопіса гэтай публікацыі мы не выявілі. Можна меркаваць, што рукапіс артыкула дасылаўся ў рэдакцыю, але не быў надрукаваны. У жніўні 1893 г. у Вільні адбыўся IX археалагічны з’езд, якому папярэднічала падрыхтоўчая работа ў розных рэгіёнах Паўночна-Заходняга краю. У рабоце форуму прымалі ўдзел каля 400 даследчыкаў з розных галін навукі. Е. Раманаў меў дачыненне да падрыхтоўкі і працы з’езда.

На працягу 1890-х гг. стаўленне Е. Раманава да літаратурных твораў на беларускай мове кардынальна змянілася. У сярэдзіне дзесяцігоддзя ён пачынае выступаць як актыўны выдавец беларускамоўных мастацкіх тэкстаў. І пераломным у гэтым плане стаў 1894 г. На змену адносін паўплывалі крытыка А. Пыпіна, наватарскія ідэі А. Весаляўскага пра ўзрастанне цікавасці да народнай даўніны і існаванне эпох аповесцей з сялянскага побыту і археалагічных густаў, а таксама знаёмства з першым вершаваным зборнікам Ф. Багушэвіча «Дудка беларуская» (1891).

Прасочым храналогію з’яўлення публікацый, цікавых у рэчышчы нашага даследавання. У 1894 г. былі надрукаваны творы «Кара ў сто гадоў...» пад псеўданімам Е. Радзіміч³ (асобнае выданне з цэнзурным дазволам ад 3 лютага 1894 г.), «Плач беларускай зямлі» (асобнае выданне без пазначэння аўтара з цэнзурным дазволам ад 25 сакавіка 1894 г.), рэцэнзія на зборнік М. Бурачка (Ф. Багушэвіча) «Дудка беларуская» [2, с. 148–149].

Да першай спробы апрацоўкі легенды «Кара ў сто гадоў...» Е. Раманаў напісаў прадмову, звернутую да інтэлігентнага чытача. У ёй называецца імя М. Кастамарава, які апублікаваў апрацоўку легенды «Сорок год (маларасійская легенда)». Гэта аповед пра жыццё беднага закаханага юнака-сіраты, які ажаніўся праз забойства купца. Не дачакаўшыся ў прызначаны час смерці, ён так і не зразумеў, што пакараннем стала яго пажыццёвае адлучэнне ад Бога. Е. Раманаў адзначае, што ўкраінскі аўтар развіў «тэму выключна з тэалагічнага пункту гледжання, прымусіў дзейных асоб імкнуцца, хоць, зразумела, марна, да здзяйснення нябеснага правосуддзя праз справы хрысціянскай дабрачыннасці» [23, с. 5]. Маючы магчымасць абаперціся на вопыт украінскага пісьменніка, Е. Раманаў, аднак, пайшоў шляхам не наследавання, а адштурхоўвання ад яго. Падзеі ў кастамараўскай апрацоўцы разгортваюцца ў пачатку XIX ст., жыццёвыя калізіі галоўнага героя апісваюцца маляўніча і падрабязна. Е. Раманаў пераносіць дзеянне ў X ст., у дахрысціянскую эпоху, цалкам белетрыстычная форма выкарыстання папярэднікам фавулы легенды яго не задавальняе. У прадмове дэкларуецца: «Я жадаў у лёгкай форме апавядання даць чытачу больш ці менш выразнае і дакладнае ўяўленне пра некаторыя рысы нашай даўніны, часткова пашыранай і ў наш час, і з якою мы, на жаль, злучылі мала знаёмы. Таму ў выкладзе маім чытач амаль не знойдзе вымыслу» [23, с. 5]. Аўтар апелюе выключна да адукаваных чытачоў, пазіцыяніруе сябе прыхільнікам дакументалізму і аўтэнтычнасці, а не мастацкага вымыслу, адначасова ён мае намер выкарыстаць лёгкаю форму апавядання, з мэтай самапрэзентацыі ўласных даследчых здабыткаў ідзе на містыфікацыю, хаваючы сваё аўтарства пад псеўданімам Радзіміч, характарызуе свае намеры як асветніцка-прапагандысцкія, гаворыць пра старажытнасць заходнерускага народа. Е. Раманавым выкарыстаны літаратурны прыём хавання ўласнага аўтарства пад выдуманым прозвішчам. Прадмова напісана ў публіцыстычным стылі, эмацыянальна і ацэначна, з намерам

³Радзіміч Е. Кара ў сто гадоў. Беларуская легенда // Витеб. губ. ведомости. 1894. № 73–78, 81.

заахваціць да дзеяння і выказаць сваю грамадска-палітычную пазіцыю (аўтар выкарыстоўвае словы «даць», «прабудзіць», «прымусяць» і г. д.).

Экспазіцыя твора цалкам адпавядае рамантычнай эстэтыцы. У пустынной мясцовасці Беларусі ў бяздонным возеры Святое няма рыбы, сюды не прылятаюць дзікія птушкі, тут не купаюцца дзеці, вакол толькі маркотны шум, журботная песня беларуса, мёртвая цішыня. Але некалі тут квітнела жыццё. У сярэдзіне X ст. у гэтай мясцовасці віравалі шэкспіраўскія страсті. Княжна-прыгажуня Хоць выпрабавала жаніхоў-асілкаў. На турніры Лада вераломна забіў Ірвідуба, а сам уцёк з месца забойства. Бог паабяцаў пакараць вінаватага праз сто гадоў. Пахавалі Ірвідуба з песнямі, справілі трызну, насыпалі над яго магілай курган. Хоць выйшла замуж за Ладу. Маладыя жылі шчасліва і багата, пастарэлі, «жылі ўжо ўнукі іх унукаў» [23, с. 31], заможнасць і сіла рода раслі. Каб бараніцца ад кіеўскага князя Уладзіміра, Лада пабудавала новы ўмацаваны горад, які не спазнаў разарэння, але стаў даннікам кіеўскага князя. Хутка з Кіева прыходзяць весткі аб пашырэнні хрысціянскай праваслаўнай веры, «з якой пазнаёміліся ў Грэцыі» [23, с. 32]. Аўтар інтрыгуе: «Чула Хоць, што новы князь Яраслаў Мудры рассылае паўсюль прапаведнікаў новай веры» [23, с. 32]. Яна пажадала пазнаёміцца з гэтай верай, каб «усімі сіламі душы сваёй маліць Нябеснага Суддзю аб прабачэнні Ладзе» [23, с. 32]. На стогадовыя ўгодкі смерці Ірвідуба паселішча Лады было знішчана з усімі жыхарамі. На яго месцы ўтварылася возера. Так здзейснілася накіраванае – усемагутны бог хрысціян пакараў злачынцу і ўвесь яго род.

Ідэяна-мастацкая адметнасць легенды не пацвярджае паведамленне, што ў творы «чытач амаль не знойдзе вымыслу» [23, с. 5]. У творы прапануецца не легенда, якая стала толькі асновай сюжэта, а адметнае маральна-філасофскае адлюстраванне айчынай гісторыі. У легендзе згадваюцца імёны гістарычных дзеячаў (князёў Уладзіміра і Яраслава Мудрага), а галоўнымі героямі выступаюць выдуманых персанажы, дэталёва апісваюцца іх знешнасць, вопратка, рэчы, якія знаходзіліся ў карыстанні і інш. Падрабязна пададзены абрады (купальскі, пахавальны, вясельны, радзінны і інш.) з прывядзеннем на беларускай мове тэкстаў адпаведных ім песень, запісаных у канцы XIX ст. У аўтарскай трактоўцы гэта выступае як атрыбут культурна-побытавага жыцця людзей X ст. Твор павінен быў не толькі маральна выходзіць чытачоў у плане хрысціянскіх каштоўнасцей, але меў ідэалагічна-эстэтычнае прызначэнне: асветніцтва, прапаганду нашай даўніны, пра якую мала ведаюць сучаснікі, абуджэнне цікавасці да свайго заходнерускага народа з яго тысячагадовымі вераваннямі, заахвочванне да збіральніцкай фальклорна-этнаграфічнай дзейнасці.

Прывядзём адзіны ва ўсім творы сказ на беларускай мове, якім Е. Раманаў заканчвае сваю прадмову, з захаваннем асаблівасцей арфаграфіі арыгінала: «Ніякой большае нагады мне й не треба...» [23, с. 6]. Аўтар так тлумачыць здольнасць сваіх сацыяльна розных рэцыпіентаў: «Пра народ я не кажу. Ён цудоўна зразумее маю кніжку і без прадмоў» [23, с. 6]. Е. Раманаў, прапануючы спецыфічную жанравую мадыфікацыю літаратурнай апрацоўкі народнай легенды, разлічваў на самую шырокую чытацкую аўдыторыю.

Праціраў Г. Сакалоў, які адзначыў вялікую колькасць беларускіх лексем у рускамоўным тэксце твора, прыйшоў да такіх высноў: «Адной з першых па часе спроб на літаратурнай ніве з’яўляецца апрацоўка Е. Р. Раманавым (псеўданім Радзіміч) народных паданняў і этнаграфічнага матэрыялу пад назвай “Кара ў сто гадоў” (“Кара праз сто гадоў”), выдадзеная ў Віцебску ў 1894 г. У 1909 годзе Е. Р. Раманаў вярнуўся да гэтай былі і апублікаваў яе варыянт пад назвай “Божая кара”. Тое, што аўтарам твор выпускаўся ў свет двойчы і з перапрацоўкаю праз 15 гадоў, сведчыць аб невыпадковасці яго ў пісьмовай спадчыне вучонага і неабыхавасці да таго, каб сучаснікі і нашчадкі правільна зразумелі Е. Р. Раманава. У сувязі з гэтым першае выданне (віцебскае) суправаджалася прадмовай» [16, с. 132–133].

Штуршком для напісання і публікацыі твора паслужылі розныя фактары: прыватныя, культуралагічныя, ідэалагічныя, рэлігійныя і інш. Яны паўплывалі на яго змест і ідэяна-мастацкую спецыфіку. Е. Раманаў імкнуўся прыцягнуць увагу да сваіх фальклорна-этнаграфічных зборнікаў. Выступаючы пад псеўданімам Радзіміч, у прадмове да легенды «Кара ў сто гадоў...» ён сцвярджаў, што асновай для твора сталі фальклорныя запісы, змешчаныя ў выпусках выдання «Беларускі зборнік», і іншыя рукапісныя матэрыялы Е. Раманава. Такі ход быў самарэкламай, разлічанай на папулярызаванне ўласных імені і творчых здабыткаў.

Па меркаванні даследчыка беларускіх легенд М. Грынבלата, толькі з 1880-х гг., у тым ліку і Е. Раманавым, пачынаюць друкавацца запісы беларускіх легенд непасрэдна на народнай мове, а не ў пераказах на польскай і рускай мовах, як гэта практыкавалася раней. «Тут варта прыгадаць таксама пераказы народных легенд і своеасаблівыя “мантажы” з іх, якія былі зроблены этнографам Е. Р. Раманавым, добрым знаўцам беларускай народнай творчасці, асабліва казак і легенд. У апошнія дзесяцігоддзі XIX ст. “мода” на літаратурныя апрацоўкі беларускіх легенд і паданняў набывае новую сілу. З’яўляецца рад літаратурных твораў, асноўным зместам якіх паслужылі беларускія легенды сацыяльнага гучан-

ня» [24, с. 8], – канстатуе даследчык. У зноскы ўказваюцца творы «Кара ў сто гадоў...» і «Міласцівы Восіп...», апублікаваныя ў газеце «Витебские губернские ведомости». Пра існаванне асобных выданняў не згадваецца.

Акцэнтуюем увагу на тым, што легенда «Кара ў сто гадоў...» пабачыла свет у перыяд росту папулярнасці літаратурных апрацовак легенд і стымулявала пашырэнне ў грамадскім асяроддзі пэўных літаратурных густаў. У 1877 г. у часопісе «Вестник Европы» І. Тургенеў апублікаваў пераклад на рускую мову паэмы ў прозе Г. Флабера «Легенда пра святога Юльяна Міласцівага», даўшы прадмову да тэксту. Публікацыя стала рэзананснай, паколькі выклікала нападкі крытыка В. Бурэніна, які абвінаваціў І. Тургенева ў тым, што ён «уразіўся разнастайнымі прыгожасцямі легенды, “гарманічна стройнай яе паэзіяй”», не паказваючы, у чым заключаюцца гэтае хараство і гэтая паэзія»⁴ [25, с. 530].

Каштоўнай з’яўляецца і заўвага М. Грынבלата пра мантаж. Легенда «Кара ў сто гадоў...» у значнай ступені складзена з разнажанравых фрагментаў тэксту (празаічных і паэтычных): апісанняў абрадаў, вынікаў археалагічных раскопак, фальклорных вусна-паэтычных адзінак, кароткіх пераказаў вядомых гістарычных фактаў і інш. Усе яны аб’яднаны тэматычна ў адно мастацкае цэлае. Чытачам прапаноўваўся прыклад так званага літаратурнага мантажу, метадыка якога, нягледзячы на фактаграфічную прыроду тэксту, не выключае аўтарскага суб’ектывізму. Ён прасочваецца ў пафасе прадмовы, тэндэнцыйным падборы матэрыялу, кампазіцыі, сэнсавых акцэнтах і інш. Гісторыка-літаратурная каштоўнасць твораў, напісаных з выкарыстаннем прыёмаў літаратурнага мантажу, залежыць ад таленту аўтара. У сувязі з гэтым прывядзём заўвагу Г. Сакалова ў аднас легенды «Кара ў сто гадоў...»: «Развіццё сюжэта падаецца шырокай, гістарычнай і этнаграфічнай панарамай. Часам Раманаў-этнограф і Раманаў-археалаг зацямяе сабою Раманава-пісьменніка. Пры гэтым літаратурны тэкст пераўтвараецца ў навуковы трактат ці справаздачу з археалагічных раскопак і этнаграфічных экспедыцый» [16, с. 133]. Кантамінацыйная жанравая форма легенды магла быць абумоўлена рэалізацыяй ідэй нямецкага тэарэтыка рамантызму Ф. Шлегеля (1772–1829), які з’яўляўся прыхільнікам сумяшчэння ў адным творы фрагментаў розных літаратурных жанраў, «мастацкай і прыроднай» паэзіі і нават уключэння ў яго дасягненняў прыродазнаўчых, гуманітарных, сацыяльных і іншых навук. Менавіта яму належыць наступны афарызм: «Чым больш паэзія становіцца навукай, тым больш яна становіцца і мастацтвам» [26, с. 305]. Ф. Шлегель маніфеставаў: «Рамантычная паэзія – гэта прагрэсіўная ўніверсальная паэзія. Яе прызначэнне не толькі наноў аб’яднаць усе адасобленыя роды паэзіі і прывесці паэзію ў судакрананне з філасофіяй і рыторыкай. Яна імкнецца і павінна то змешваць, то зліваць разам паэзію і прозу, геніяльнасць і крытыку, мастацкую і прыродную паэзію, рабіць паэзію жыццёвай і грамадскай, а жыццё і грамадства – паэтычнымі...» [26, с. 294]. Нямецкі пісьменнік, знаходзячыся пад уплывам хрысціянскіх уяўленняў пра Страшны суд, размяжоўваў антычнае разуменне «сляпога лёсу» і павучальную сутнасць ідэі Бога-суда, звязанага з традыцыямі еўрапейскай хрысціянскай літаратуры, дзе адказнасць за злачынства ўскладалася на чалавека, які такім чынам караўся справядліва.

Значэнне наватарства Е. Раманава заключаецца ў тым, што ён у канцы XIX ст. напісаў адметны па паэтыцы мастацкі твор, прысвечаны беларускай мінуўшчыне.

Легенда мае сімвалічную назву, семантыка якой становіцца зразумелай пры супастаўленні яе зместу з гісторыка-палітычнымі ідэямі, выказанымі ў іншых тагачасных выданнях і чарговым творы самога Е. Раманава. Даследаванне У. Стукаліча «Беларусь і Літва. Нарысы з гісторыі гарадоў у Беларусі» (цэнзурны дазвол ад 2 сакавіка 1894 г., што на месяц пазней у параўнанні з легендай «Кара ў сто гадоў...») пачынаецца такім пасагам: «Сто гадоў прайшло з той пары, як змучанае доўгай польскай няволяй беларускае племя зноў злучылася палітычна і культурна з Усходняй Руссю і атрымала магчымасць дыхаць свабодна і свабодна развіваць свае разумовыя і маральныя сілы. Сто гадоў – адносна невялікі прамежак часу ў жыцці цэлага народа... Таму пры вывучэнні сучаснага стану Беларусі не варта забываць пра гістарычную перспектыву» [27, с. 1]. Аўтар быў аднадумцам Е. Раманава, выкрывальнікам «беларусаў польскай культуры ў суцэльным занябданні гісторыі Беларусі і свайго ўласнага паходжання і ролі» [27, с. 2], прыхільнікам «адраджэння Беларусі як рускай краіны» [27, с. 3]. У кнізе У. Стукаліча малюецца вобраз «няшчаснай Беларусі» [27, с. 12] і рускай народнай масы, народа, прыгнечанага ў Рэчы Паспалітай як спаланізаванай шляхтай, так і ненавіснай яўрэйскай гандлёвай сілай. Адзін з ключавых пастулатаў ідэалогіі заходнерусізму – беларусы як інтэгральная частка рускага народа, найбольш блізкая да велікарусаў, – утварае пафас выдання.

У ананімным творы «Плач беларускай зямлі» Е. Раманаў таксама прапануе заходнерусісцкае разуменне айчыннай гісторыі. Выкрываючы так званых рэнегатаў і адшчапенцаў (апалячаных беларусаў), ён імкнецца сцвердзіць культ пакрыўджанай Беларусі, ахвяры несправядлівых гістарычных акалічнасцей, культурнага і канфесіянальнага ўціску. Уяўленне Е. Раманава пра палітычныя рэаліі знаходзіць

⁴Тут і далей пераклад наш. – І. 3.

эмацыянальна-публіцыстычнае выражэнне ў названым творы ў вобразе гаротнай, пакінутай дзецымі Радзімы. Думаецца, аўтар быў знаёмы не толькі з кнігай М. Смярэцкага «Трэнас», але і з вобразам Плачкі са зборніка Я. Баршчэўскага «Шляхціц Завальня». Узорам Е. Раманаву мог паслужыць і «народны верш “Плач зямлі” ... запісаны... [Е. Раманавым] у Віцебску па рукапісным зборніку» [28, с. 86].

Лірычны герой твора «Плач беларускай зямлі» паўсюль – у беларускім лесе, на ніве, дняпроўскім лузе, даўніх могілках, крывавым Чашніцкім полі, дне прыдзвінскага яра, беразе Дзвіны, вяршыні Полацкага замка – чуе плач і стогны забытай, пакінутай дзецымі-зdraднікамі Беларусі. Ён звяртаецца да апалячаных беларусаў-католікаў з нараканнямі і праклёнамі, прарочыць ім пагібель: «Рэнегаты, рэнегаты... Здрадзіўшыя сваёй радзіме і перадаўшыя яе ў рукі найзласнейшых ворагаў яе! Вярніцеся ва ўлонне маці сваёй Белае Русі, пакуль яшчэ не позна. Інакш разам з наноснай палышчызнай і жыдоўствам загінецеся вы незваротна» [29, с. 9]. Раманаўская варыяцыя вобраза пакінутай Беларусі ўключае шэраг новых момантаў: апалячаныя беларусы выступаюць у ролі грэшнікаў, але яны яшчэ маюць магчымасць пакаяцца, да чаго і заклікае аўтар.

Даследчык В. Валжанкоў адзначае, што ў разглядаемым творы дакладна адлюстраваліся погляды Е. Раманавы, які быў салідарны з ідэямі М. Каяловіча і яго заходнерускіх паслядоўнікаў. У выніку здрады апалячаных беларусаў радзіме і народу, роднай мове і праваслаўнай рэлігіі гарады запаланіла яўрэйскае насельніцтва і краіна заняпала эканамічна і культурна. Нягледзячы на радыкалізм меркаванняў вучонага, В. Валжанкоў аднёс яго да ліку ўмераных заходнерусаў, у светапоглядзе якіх паядналіся мясцовыя беларускія і агульнарасійскія інтэнцыі [15, с. 67].

Памфлет «Плач беларускай зямлі» быў непрыхільна сустрэты многімі сучаснікамі. Нават стрыманы ў стаўленні да заходнерусізму Я. Карскі раскрыў аўтара і даў негатыўную ацэнку твору ў лісце да П. Шэйна ад 21 мая 1896 г.: «“Плач Беларускай зямлі” сапраўды даволі бязглуздая рэч і, несумненна, твор [Е. Р.] Раманавы» [30, с. 170]. У артыкуле «Беларускія нацыяналісты (з жыцця правінцыяльнай інтэлігенцыі)» аўтар, жыхар Віцебска, які падпісаў тэкст крыптанімам С. Г-ч, даў такую ацэнку твору «Плач беларускай зямлі»: «Адзін з пецярбургскіх часопісаў, мімаходам назваўшы гэту брашуру, залічае яе да дэкадэнцкіх твораў і лічыць, што яна – “гарачкавае трызненне ў прамым сэнсе слова”. Такому водзіву не даводзіцца, канешне, здзіўляцца, але нельга ў той жа час не прызнаць яго памылковым. Дэкадэнцкага ў “Плачы беларускай зямлі” нічога няма: змест яго цалкам зразумелы. Увогуле, наўрад ці варта і дарэчы было разглядаць гэту брашуру. Як літаратурны твор і з боку яе формы – задужа яна для гэтага нікчэмная» [31, с. 25–26]. Аднак у артыкуле невядомы аўтар памфлета «Плач беларускай зямлі» сурова асуджаецца і абвінавачваецца ў многіх грахах: агрэсіўнасці, запальчывасці, раз’юшанасці, ашалеласці, узбуджэнні непрыязні да іншародцаў і іншаверцаў, а таксама іншых праявах нецярпімасці. У артыкуле, змешчаным у выданні «Энцыклапедычны слоўнік Брокгаўза і Ефрона» (1899), Е. Раманаў называўся аўтарам «публіцыстычных артыкулаў з рэзкімі выбрыкамі супраць беларусаў-католікаў» [32, с. 47]. Аўтарам артыкула быў вядомы фалькларыст М. Сумцоў. Ён палічыў неабходным адзначыць гэту акалічнасць нават у энцыклапедычным выданні. Гэта сведчыць аб рэзанансе, у тым ліку ў асяроддзі навуковай супольнасці, падобных раманаўскіх публікацый. Паказальна, што вучоны не змясціў памфлет у сваім бібліяграфічным паказчыку.

Твор «Плач беларускай зямлі» ўтрымлівае рысы народнага галашэння і аратарскіх інтанацый:

Я в Белорусской столице, на вершине Полоцкого замка.
Высоко, высоко вознесся он над Двиною.
Грозной твердыней стоял он на страже Православной Руси. Безграничны были
ее пределы. Доходили они до Варяжского моря.
Но не вижу я здесь Белорусса! Заполонен Полоцк жидом поганым... Погиб он
от своих же детей ренегатов.
И нашла громовая туча. Загрелела гроза над Двиною. Раздается удар за
ударом.
Чу... вдали проклиняют кого-то и
анафемой предают грозной
Ополячившийся Белорусс-католик!
Жид-ли это презренный проклиняет ожившего *гоя*, пархатый анафему шлет Белоруссу?
О, нет, ренегат:
Это ожившая Белая Русь, своими собственными детьми бесстыдно проданная
Польше, шлет проклятья на голову низких предателей, предает анафеме вечной ренегатов безчестных...
Ренегаты, ренегаты!.. [29, с. 10–11]

У прыведзеным урыўку перададзены ўзрушанасць і гнеў лірычнага героя, якія падкрэсліваюцца рытміка-інтанацыйнай структурай тэксту. Сінтаксічная кампаноўка фраз, кароткія сказы, паўзы, рэфрэны, радкі рознай даўжыні, парадак слоў і пунктуацыя ствараюць эмацыянальны фон выказвання. У памфлеце «Плач беларускай зямлі» Е. Раманаў злоўжывае лозунгавымі словамі (рэнегаты, адшчапенцы), стварае адмысловыя слоганы. У жанравых адносінах твор трэба аднесці да такога віду сатыры, як інвектыва. Выкрывальны пафас памфлета, скіраваны супраць беларусаў-католікаў, зафіксаваў суб'ектыўныя перакананні аўтара, якія ў цэлым толькі адносна, як сведчыць крытыка, карэліравалі з пануючымі ў грамадстве меркаваннямі. Гэты невялікі прازیчны твор лірычнага характару, дзе пераважае суб'ектыўна-ацэначны элемент з выключна эмацыянальна афарбаваным маўленнем, заклікавасцю і павучальнасцю, выразнай рытміка-інтанацыйнай структурай, можна аднесці і да такой жанравай формы, як верш у прозе. Выкарыстання ў ім вострасатырычных сродкі ацэнкі і абагульнення, выражаныя ў аўтарскай іроніі, гіпербалізацыі і іншых прыёмах мастацкага асэнсавання матэрыялу, дазваляюць лічыць твор яркім прыкладам маніфестацыйна-публіцыстычнага твора.

Пры супастаўленні з памфлетам «Плач беларускай зямлі» больш выразна акрэсліваецца пазіцыя Е. Раманава-крытыка ў яго рэцэнзій на зборнік «Дудка беларуская». У прадмове да першага зборніка Ф. Багушэвіча сцвярджалася, што Беларусь «з Польшчай з'ядналася дабравольна» [33, с. 34]. Інтэрпрэтацыя айчыннай гісторыі Е. Раманава супярэчыла гэтаму. У адносінах да беларускай мінуўшчыны названыя дзеячы знаходзіліся на процілеглых пазіцыях. Аднак Е. Раманаў у рэцэнзій палічыў выданне зборніка не толькі станоўчай, але і паказальнай з'явай: «З'яўленне гэтага зборніка, здаецца нам, сведчыць аб тым, што прабудзілася-такі, нарэшце, руская самасвядомасць у нашых апалечаных беларусаў... Страціўшы веру ў пераманіўшую іх продкаў польскую культуру, яны пачалі імкнуцца да зліцця са сваёй старой радзімай – Бelay Руссю і перш за ўсё пачалі гаварыць і пісаць на сваёй роднай мове. Уцешная з'ява гэта не павінна застацца незаўважанай намі. Скажу больш: усведамляючы свае сілы, мы павінны дапамагчы ім развіцца; павінны падтрымаць нядужых і тых, хто вагаецца, і па-сяброўску працягнуць руку аблудным братам, якія зноў стукаюцца ў дзверы прытулку роднай маці Русі» [11, с. 91]. У трактоўцы рэцэнзента аўтар зборніка паўстае ў іпастасі раскаянага грэшніка, аблуднага брата, якому патрэбна дапамога.

Пад крыптанімам Ё у 1894 г. Е. Раманаў двойчы апублікаваў рэцэнзію на зборнік «Дудка беларуская»: у красавіку ў газеце «Витебские губернские ведомости», а затым у верасні ў газеце «Гродненские губернские ведомости». Па меркаванні рэцэнзента, зборнік меў тры істотныя недахопы: сацыяльную ангажаванасць аўтара ў творах на грамадскую тэматыку, выкарыстанне паланізмаў і «нявытрыманасць беларускай гаворкі, прынятай... за ўзор» [11, с. 92]. Разам з тым прызнавалася, што «ўвогуле зборнік усё ж уяўляе немалую цікавасць і паказвае ў аўтары як паэтычную жылку, так і неабходную назіральнасць» [11, с. 92]. Толькі часткова можна пагадзіцца з гіпотэзай С. Александровіча, што ў дадзеным выпадку рэцэнзент пайшоў на пэўны кампраміс і крытыка яго выклікалася выключна жаданнем надрукаваць рэцэнзію [11, с. 92]. Відавочна, заўвагі ў публікацыі былі народжаныя яго светапогляднымі арыенцірамі.

Адчуваецца, што зборнік «Дудка беларуская» стаў нечаканасцю для Е. Раманава і змяніў яго стаўленне як да «штучных» твораў у прыватнасці, так да мастацкай творчасці на беларускай мове ў цэлым. Ён пераканаўся, што развіццё мясцовай літаратуры будзе карысным для нацыянальнага самавызначэння землякоў. Няма фактычных звестак, якія маглі б даць адказ на пытанне аб уплыве зборніка Ф. Багушэвіча на ідэйную скіраванасць твора «Плач беларускай зямлі». Несумненна, Е. Раманаў цешыў сябе думкай, што ў сваім памфлеце ён прадугадаў вяртанне да нацыянальнага пачатку апалечаных беларусаў. Не маючы асабістага інтарэсу, ён стаў актыўным папулярызатарам зборніка ў краёвай перыёдыцы.

У далейшым вучоны выступіў у ролі выдаўца і прапагандыста паэмы «Тарас на Парнасе». Вядомы даследчык Г. Кісялёў устанавіў, што Е. Раманаў на аснове шматлікіх спісаў склаў і апублікаваў тэкст зводнай рэдакцыі паэмы (гэта стала значным дасягненнем маладой беларускай тэксталагічнай навукі) і напісаў прадмову да яе. У акадэмічным выданні «Гісторыя беларускай літаратуры» сцвярджаецца: «Прапанаваны Е. Раманавым тэкст вытрымаў выпрабаванне часам. Гэтым тэкстам, з невялікімі зменамі, мы карыстаемся і цяпер. Паказальна, што Е. Раманаў намерваўся даць да першага асобнага выдання паэмы (Віцебск, 1896) прадмову на беларускай мове, якую побач з аўтарскімі прадмовамі да кніг Ф. Багушэвіча і А. Ельскага трэба лічыць адной з найбольш ранніх беларускамоўных літаратуразнаўчых прац новага часу. Аднак у тагачасны друк гэты артыкул, з характэрнай назвай “Спроба пярэ”, не прайшоў...» [34, с. 486]. Згаданы артыкул прааналізаваны ў манаграфіі Г. Кісялёва «Жылі-былі класікі...» [35, с. 286–298]. Застаецца толькі адзначыць, што ў ім Е. Раманаў выступіў не толькі як тэкстолаг і літаратуразнаўца, але і як перакладчык. У тэксце ёсць фрагмент байкі І. Крылова «Слон і Моська» ў перакладзе на беларускую мову: *Нехай жа, ка[ж]а, дейкаюць собаки; / Ну, моська! знать силна і яна, / Што брэша на слона!* [12, с. 16]. Тэкст арыгінала ў перакладзе перададзены дастаткова адэкватна.

У 1896 г. Е. Раманаў пад псеўданімам Е. Радзіміч двойчы надрукаваў твор «Міласцівы Восіп...». На тытуле асобнага выдання пазначана: «Са свету рускіх народных паданняў. № 2». Таму можна гаварыць пра намер Е. Раманава стварыць цыкл мастацкіх літаратурна апрацаваных легенд. У прадмове да «Міласцівага Восіпа...» ідзе гаворка аб чытацкім поспеху папярэдняга твора: «Гады два назад выйшла пералажэнне беларускай легенды “Кара ў сто гадоў”. Увага, з якой была сустрэта гэтая кніжка, пераўзышла чаканні аўтара і прымусіла яго працягваць будзіць у грамадстве цікавасць да побыту беларускага народа, знаёміць з яго паэзіяй, светапоглядам, абрадамі, звычаямі. На гэты раз аўтар выкарыстаў тэму легенды “Бог у гасцях”, змешчанай у IV выпуску *Беларускага зборніка* Е. Р. Раманава, і паданняў пра камяні, змешчаных у тым жа выданні. Як вядома, гэтая легенда звярнула на сябе ўвагу адразу пасля выхаду ў свет названага выпуску. Цалкам яе пераклад быў змешчаны ў “Московских ведомостях”... У некаторых цэрквах яна была прачытана з кафедры як у вышэйшай ступені павучальнае настаўленне» [36, с. V]. Е. Раманаў імкнуўся прыцягнуць увагу да сваёй асобы як да фалькларыста і літаратара, для чаго выкарыстаў адпаведны даўні прыём. Нагадаем, што М. Сервантэс у другой частцы рамана «Хітрамудры гідальга Дон Кіхот Ламанчскі» апавядае пра поспех першай часткі свайго твора.

У творы «Міласцівы Восіп...» расказваюцца гісторыі жыцця добрага чалавека Сцяпана Пестуна і яго двух сыноў – грэшніка Аўдзейкі і праведніка Восіпа. Падзеі адбываюцца ў XVI ст., апісваюцца вясельны і пахавальны абрады з прывядзеннем фальклорных тэкстаў, у тым ліку замоў. Новым стала ўключэнне пры дапамозе літаратурнага мантажу ў тэкст шасці ананімных беларускіх вершаваных твораў: «Казанне», «Панскае ігрышча», «Жаніцьба Сапрона», «Сава вясёлая галава», «Вясна гола перапала», «Тарас палясоўшчык» («Тарас на Парнасе»). Назвы гэтых твораў пададзены ў змесце. У прадмове спецыяльна падкрэсліваецца: «Тэксты штучных твораў узяты таксама з рукапісаў п. Раманава» [36, с. VI].

Гэта было ўнікальнае выданне, недаацэненае як у гісторыі беларускай літаратуры, так і ў гісторыі беларускай кнігі і культуры. Характарызуючы перыяд, калі была апублікавана кніга Е. Раманава, М. Доўнар-Запольскі, які тады рабіў спробы сабраць беларускі гурток, падкрэсліваў, што «праходжанне праз цензуру літаратуры на беларускай мове было справай цяжкай» [37, с. 408]. Каб пераадолець цензурныя перашкоды, неабходны быў сінтэтычны тып выдання, якое завулявана актуалізавала б новыя сігніфікатыўныя гарызонты, пашыраючы камунікатыўныя магчымасці чытачоў. Мэту выдання аўтар акрэсліў адназначна: «Працягнуць будзіць у грамадстве цікавасць да побыту беларускага народа, знаёміць з яго паэзіяй, светапоглядам, абрадамі, звычаямі» [36, с. V]. Вучоны выказаў захапленне легендамі, народнай рэлігійнасцю, адлюстраванай у іх. Такія тэндэнцыі не назіраліся ў адукаваных пластах грамадства таго часу: «Але колькі шчырасці, колькі любові, колькі глыбокай веры ў тым сваім! Міжвольнае адчуванне глыбокай, чыстай, супакаяльнай паэзіі ахоплівае чалавека пры знаёмстве з народнымі легендамі пасля таго, як у адукаваным грамадстве яму даводзіцца і чуць, і бачыць выказванні скептыцызму, індывідуальнасці і да т. п.» [36, с. VI]. Абодва творы – «Кара ў сто гадоў...» і «Міласцівы Восіп...» – былі прасякнуты рэлігійнай павучальнасцю.

У прадмове да легенды «Міласцівы Восіп...» Е. Раманаў таксама акрэсліў адрасную аўдыторыю і ахарактарызаваў мову літаратурных апрацовак: «Прызначаючы сваю кніжку галоўным чынам для жыхароў заходняга краю, аўтар, як і ў “Кары ў сто гадоў”, не бачыў неабходнасці пазбягаць слоў заходнерускіх, народных і старажытных, тым больш, што яны амаль усе і да нашага часу выкарыстоўваюцца ці ў жывой беларускай мове, ці ў творах беларускай народнай слаvesнасці. Таму даю тлумачэнне толькі некаторых» [36, с. VII]. Прадмова завяршаецца невялікім беларуска-рускім слоўнікам. У разглядаемым творы шмат увагі надаецца побыту беларускага сялянства, яго звычаям і абрадам. Па ўяўленні аўтара, такі характар павінна была мець нацыянальна-этнаграфічная проза.

З восені 1897 г. Е. Раманаў стаў рэдактарам неафіцыйнага аддзела газеты «Могилевские губернские ведомости». Пра інтэнсіўнасць яго працы ў той перыяд сведчыць колькасць публікацый: у 1898 г. іх было 17, у 1899 г. – 18, у 1900 г. – 14. Асобна адзначым публікацыі Баркулабаўскага летапісу (упершыню надрукаваны П. Кулішом у 1877 г.), арыгінальнага помніка беларускага пісьменства XVII ст., які стаіць каля вытокаў жанру беларускай гісторыка-мемуарнай літаратуры, і народнай драмы «Цар Максiмiльян».

У 1900 г. Е. Раманаў выдаў зборнік «Тарас на Парнасе і іншыя беларускія вершы», змест якога склалі ананімныя творы, апублікаваныя ў легендзе «Міласцівы Восіп...». Другое выданне (1902) было дапоўнена: побач з ананімнымі творамі былі надрукаваны верш С. Рэўкі (Ф. Багушэвіча) «Адказ на “Панскае ігрышча”» і два фрагменты з вершаванай аповесці В. Дуніна-Марцінкевіча «Гапон» («Шум, крык, гоман у карчме...», «У магілёўскім прыёме»). Е. Раманаў выступіў папулярызатарам твораў названых паэтаў, а таксама ўкладальнікам і выдаўцом адной з першых літаратурных анталогій у новым пісьменстве Беларусі.

Змест невялікай прадмовы да другога выдання легенды пераконвае, што яна была разлічана на атрыманне цэнзурнага дазволу. Складальнік падкрэслівае, што большая частка твораў зборніка ўжо была надрукавана ў першым выданні. Пра верш С. Рэўкі са зборніка «Смык беларускі» паведамляецца, што яго фрагменты публікаваліся ў газеце «Могилевские губернские ведомости», а «тут мы маем магчымасць змясціць гэты адказ цалкам» [36, с. 4]. Фрагменты з вершаванай аповесці В. Дуніна-Марцінкевіча «Гапон» заслугоўваюць увагі, паколькі былі надрукаваны даўно і сталі «вялікай бібліяграфічнай рэдкасцю» [36, с. 4]. У выніку цэнзурны дазвол быў атрыманы 1 снежня 1901 г., і чытачы інфармаваліся аб выданні паэтычнага зборніка «Смык беларускі» (1894). Тое, што 32-старонкавая брашура пабачыла свет, было дасягненнем у тагачасных умовах. Е. Раманаў абуджаў цікавасць да літаратуры на роднай мове і прапагандаваў яе здабыткі.

У энцыклапедычным артыкуле «Анталогія» адной «з першых беларускіх анталогій новага часу» [38, с. 125] называецца зборнік «Дыяменты беларускага прыгожага пісьменства» (1919). Аднак выданню папярэднічалі наступныя зборнікі анталагічнага характару: «Песні» (1903), «Тарас на Парнасе і іншыя беларускія вершы» (1902) і «Расказы на беларускай гаворцы» (1863). Гэта пытанне патрабуе спецыяльнага даследавання, а зробленае Е. Раманавым павінна атрымаць належную ацэнку.

Заклучэнне

Такім чынам, жыццё і чыннасць Е. Раманава звязаны не толькі з развіццём у канцы XIX – пачатку XX ст. навуковага беларусазнаўства і такіх яго магістральных напрамкаў, як фалькларыстычныя і гісторыка-этнаграфічныя даследаванні, але і з істотным уплывам яго дзейнасці на асаблівасці тагачаснага літаратурнага працэсу ў Беларусі. Літаратурная спадчына Е. Раманава ўяўляе сабой з’яву адзінаковую ў сваім родзе.

Даследаванню жыцця і творчасці Е. Раманава прысвечаны манаграфія В. Бандарчыка «Еўдакім Раманавіч Раманаў» (1961) і дзясяткі публікацый у розных выданнях. Яго ўклад у беларускую фалькларыстыку і этнаграфію вывучаны дастаткова грунтоўна, акрэслены здабыткі Е. Раманава ў галіне гісторыі, археалогіі, мовазнаўства, у святле ўзрастаючай цікавасці да асобы вучонага толькі ў апошні час з’явіліся некаторыя публікацыі, дзе аналізуюцца творы з яго літаратурна-публіцыстычнай спадчыны.

На пачатковым этапе навуковай дзейнасці погляды Е. Раманава на творы славеснага мастацтва вызначаліся пурысцкімі падыходамі. Неаўтэнтчныя псеўданародныя артэфакты знаходзіліся на перыферыі навуковых інтарэсаў збіральніка фальклорных скарбаў. У публікацыях вучоны імкнуўся сфармуляваць уласны даследчыцкі імідж знаўцы народнай аўтэнтцы і яе апалагета, прынцыповага праціўніка падробак, пераробак, стылізацый і фальсіфікацый, каштоўнасць якіх можна прызнаць толькі ў выключных выпадках.

Аднак з 1894 г. пурыстычныя тэндэнцыі ў дзейнасці вучонага пачынаюць слабець, у выніку чаго Е. Раманаў толькі на першы погляд нечакана выступае ў ролі літаратара, публіцыста і рэцэнзента паэтычнага зборніка мастацкіх твораў на беларускай мове. На тое былі розныя прычыны: пашырэнне моды на літаратурныя апрацоўкі народных легенд, крытыка пурысцкіх установак А. Пышным, уплыў літаратуразнаўчых публікацый А. Весялоўскага, удзел у працы IX археалагічнага з’езда ў Вільні, дзе самавук з няпоўнай сярэдняй адукацыяй мог непасрэдна кантактаваць з высокаадукаванымі спецыялістамі, знаёмства са зборнікам Мацея Бурачка (Ф. Багушэвіча) «Дудка беларуская» і інш.

Е. Раманаў сапраўды добра ўяўляў ступень сваёй прафесійнай і навуковай кампетэнтнасці, камплексаваў з гэтай нагоды, але таксама быў перакананы, што захопленая ідэямі атэізму тагачасная інтэлігенцыя нічога не разумее ў народным жыцці, і яе можна і належыць вучыць у духу хрысціянскіх каштоўнасцей. Тлумачальны, маралізуючы пафас дамінуе ў тэксце твора «Кара ў сто гадоў...», што ўяўляе сабой літаратурную апрацоўку народнай легенды, у мастацкую тканіну якой уплечены фальклорныя тэксты іншых жанраў (песні, галашэнні і інш.).

Некаторыя творчыя ініцыятывы Е. Раманава выклікалі значны рэзананс у свядомасці чытачоў і негатыўныя ацэнкі на старонках расійскай рускамоўнай перыёдыкі. Так здарылася з лірыка-публіцыстычным памфлетам «Плач беларускай зямлі», які выйшаў асобным выданнем без пазначэння аўтара ў 1894. У ім у маніфестацыйнай форме прапануецца заходнерусісцкае разуменне айчынай гісторыі з падзелам усіх землякоў на дзве антаганістычныя катэгорыі: з аднаго боку, праваслаўныя, а з другога – апалчаныя католікі і яўрэйскае насельніцтва. Аўтар названага твора не быў у баку ад палітычных катаклізмаў і з’яўляўся прапагандыстам ідэй заходнерусізму.

Двойчы апублікаваны Е. Раманавым водгук на зборнік «Дудка беларуская» сведчыць аб тым, што фалькларыст меў аўтарытэт і адчуваў сябе сваім чалавекам у рэдакцыях краёвых правінцыяльных газет. Ён убачыў у невядомым аўтары паэтычнага зборніка самабытную творчую асобу, аднак не адчуў, што гэта сціплая кніжка стане асновай для стварэння новай літаратурнай школы і ў будучым кардынальна

паўплывае на напрамак развіцця ўсяго беларускага прыгожага пісьменства. Рэцэнзуючы зборнік, вучоны выступаў апалагетам слушнасці сваіх палітычных перакананняў.

Усведамляючы далучанасць да развіцця айчыннага прыгожага пісьменства, жанравы склад якога патрабаваў узбагачэння, Е. Раманаў прапанаваў уласную мадыфікацыю літаратурнай апрацоўкі народнай легенды «Міласцівы Восіп...» (1896). Пазнака на тытуле асобнага выдання («Са свету рускіх народных паданняў. № 2») сведчыць аб намеры стварыць цыкл мастацкіх твораў, аб'яднаных агульным жанрам. Прапанаваная Е. Раманавым спецыфіка жанру літаратурнай апрацоўкі народных легенд мела выразны адметнасці. Легенда напісана на рускай мове з вялікай колькасцю беларусізмаў. Прыёмам літаратурнага мантажу ў тэкст уводзіліся беларускія ананімныя творы, закліканыя вызначаць нацыянальную адметнасць і вектар духоўных пошукаў аўтара, які імкнуўся асэнсаваць перспектывы далейшага літаратурнага развіцця. «Міласцівы Восіп...» – твор сінтэтычнага жанру, у аснове якога ляжыць сумяшчэнне паэзіі і прозы. Аднак трэба прызнаць, што асаблівай эстэтычнай каштоўнасцю тэксты літаратурных твораў Е. Раманава не вызначаліся.

Як паслядоўны прапагандыст і папулярызатар твораў новай беларускай літаратуры Е. Раманаў праявіў сябе ў надзвычай зацікаўленым стаўленні да тэксталагічных і атрыбуцыйных пытанняў, звязаных з паэмай «Тарас на Парнасе».

Выданне Е. Раманавым зборніка «Тарас на Парнасе і іншыя беларускія вершы» (1900, 1902) стала фактам, які сцвердзіў з'яўленне новай беларускай літаратуры. Складаная творчая эвалюцыя вучонага ад асцярожнага стаўлення да тэкстаў аўтарскага паходжання ў пачатку 1890-х гг. да складання і выдання напярэдадні ХХ ст. анталогіі беларускіх твораў сведчыць аб тым, што аб'ектыўныя акалічнасці могуць кардынальна ўплываць на індывідуальнае пераўвасабленне адэкватнай асобы, змену яе ідэйна-эстэтычных поглядаў.

Перад сучасным літаратуразнаўствам стаіць задача аднавіць цэласную карціну развіцця роднай літаратуры ў другой палове ХІХ ст. Пры даследаванні гісторыі, яе поступу плённым бачыцца далейшае вывучэнне ролі і значэння чыннасці і творчай спадчыны Е. Раманава ў кантэксце агульных заканамернасцей літаратурнага працэсу.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Бандарчык ВК. *Еўдакім Раманавіч Раманаў*. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР; 1961. 306 с.
2. Романов ЕР. Библиографический указатель трудов Е. Р. Романова. В: Романов ЕР, редактор. *Могилёвская старина: сборник статей «Могилёвских губернских ведомостей»*. Выпуск II. 1900 и 1901 годы. Могилёв: Типография Губернского правления; 1901. с. 146–156.
3. Пыпин АН. *История русской этнографии. Том 4. Белоруссия и Сибирь*. Минск: Белорусская энциклопедия имени П. Бровки; 2005. 256 с.
4. Карский ЕФ. *Разбор историко-этнографических трудов Е. Р. Романова по Северо-Западному краю, вышедших в течение 1898–1901 годов*. Санкт-Петербург: Типография Императорской академии наук; 1904. 43 с.
5. Карский ЕФ. *Белорусы. Книга 1. Очерки словесности белорусского племени*. Минск: Белорусская энциклопедия имени П. Бровки; 2007. 584 с.
6. Гарэцкі М. *Гісторыя беларускае літаратуры*. Мінск: Мастацкая літаратура; 1992. 478 с.
7. Луцкевіч А. *Выбраныя творы: праблемы культуры, літаратуры і мастацтва*. Мінск: Кнігазбор; 2006. 460 с.
8. Шлюбскі А. Этнаграфічная дзейнасць Е. Р. Раманава. У: Некрашэвіч С, рэдактар. *Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кніга 2. Працы класы філалёгіі. Том 1*. Мінск: [Інбелульт]; 1928. с. 338–364.
9. Цьвікевіч А. «Западно-руссизм»: нарысы з гісторыі грамадскай думкі на Беларусі ў ХІХ і пачатку ХХ в. Мінск: Навука і тэхніка; 1993. 352 с.
10. Борисенко ВВ, Пширков ЮС, Чемерицкий ВА, редакторы. *История белорусской дооктябрьской литературы*. Минск: Наука и техника; 1977. 636 с.
11. Б. Дудка белорусская. У: Александровіч СХ, Александровіч ВС. *Беларуская літаратура ХІХ – пачатку ХХ ст.: хрэстаматыя крытычных матэрыялаў*. Мінск: Выдавецтва БДУ; 1978. с. 91–92.
12. Раманаў ЕР. Спроба п'яра. У: Барысенка ВВ, Мальдзіс АІ, рэдактары. *Пачынальнікі. 3 гісторыка-літаратурных матэрыялаў ХІХ ст.* Мінск: Беларуская навука; 2003. с. 16–19.
13. Хромчанка КР. *Беларуская мастацкая проза (канец ХІХ – пачатак ХХ ст.)*. Мінск: Выдавецтва БДУ; 1979. 189 с.
14. Цішчанка ІК. Раманаў Еўдакім. У: Мальдзіс АВ, рэдактар. *Беларускія пісьменнікі: біябібліяграфічны слоўнік. Том 5: Пестрак – Сяўрук*. Мінск: Беларуская энциклопедія імя П. Броўкі; 1995. с. 142–145.
15. Волженков ВВ. Историко-политические воззрения Е. Р. Романова по работе «Плач Белорусской земли». В: Марзалюк ИА, редактор. *Романовские чтения – 3. Сборник трудов Международной научной конференции; 23–24 ноября 2006 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова; 2007. с. 67.
16. Сакалоў Г. 3 літаратурнай спадчыны Е. Р. Раманава: «Кара ў сто гадоў». В: Воробьев АА, редактор. *Романовские чтения – 7. Сборник статей Международной научной конференции; 26 ноября 2010 г.; Могилёв, Беларусь*. Могилёв: Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова; 2011. с. 132–134.
17. Романов Е. Предисловие. В: Романов ЕР, составитель. *Белорусский сборник. Выпуск первый и второй. Песни, пословицы, загадки*. Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина; 1891. с. I–XI.

18. Романов ЕР, составитель. *Белорусский сборник. Выпуск четвертый. Сказки космогонические и культурные*. Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина; 1891. 450 с.
19. Кісялёва Л. На «трэціх абшарах» беларускай літаратуры: Піліп Смуры і іншыя. *Acta Albaruthenica*. 2012;12:57–66.
20. Романов ЕР, составитель. *Белорусский сборник. Выпуск пятый. Заговоры, апокрифы и духовные стихи*. Витебск: Типо-литография Г. А. Малкина; 1891. 450 с.
21. Пшыркоў ЮС, рэдактар. *Беларуская літаратура XIX стагоддзя. Зборнік тэкстаў*. Мінск: Выдавецтва АН Беларускай ССР; 1950. 340 с.
22. Веселовский АН. *Историческая поэтика*. Жирмунский ВМ, редактор. Москва: Издательство ЛКИ; 2017. 648 с.
23. Радимич [Романов ЕР]. *Кара в сто лет. Белорусская легенда*. Витебск: Губернская типография; 1894. 35 с.
24. Грынблат МЯ. Легенды і паданні. У: Фядосік АС, рэдактар. *Легенды і паданні*. Мінск: Навука і тэхніка; 1983. с. 5–34.
25. Тургенев ИС. *Сочинения. Том 10*. Москва: Наука; 1982. 607 с.
26. Шлегель Ф. Фрагменты. В: Шлегель Ф. *Эстетика. Философия. Критика. Том I*. Москва: Искусство; 1983. с. 290–316.
27. Стукалич ВК. *Белоруссия и Литва. Очерки из истории городов в Белоруссии*. Витебск: Губернская типография; 1894. 62 с.
28. Романов ЕР. Из старообрядческой литературы. В: Романов ЕР, редактор. *Могилёвская старина. Сборник статей «Могилёвских губернских ведомостей»*. Выпуск II. 1900 и 1901 годы. Могилёв: Типография Губернского правления; 1901. с. 79–86.
29. [Романов ЕР]. Плач белорусской земли. Витебск: Губернская типография; 1894. 12 с.
30. Унучек АВ, Бондарь ЛД, Глеб МВ, Карский АА, Поникаровская МВ, Сокольский ЕЭ и др., редакторы. *Жизнь и деятельность академика Е. Ф. Карского: сборник документов и материалов. Часть I*. Минск: Беларуская навука; 2020. 442 с.
31. Г-чъ С. Белорусские националисты (из жизни провинциальной интеллигенции). *Северный вестник*. 1897;10:19–27.
32. С-в Н. [Сумцов НФ]. Романов Евдоким Романович. В: Арсеньев КК, Петрушевский ФФ, редакторы. *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXVII. Розавен – Рена*. Санкт-Петербург: Типография общества «Издательское дело»; 1899. с. 47.
33. Багушэвіч Ф. *Выбраныя працы*. Мінск: Беларуская навука; 2015. 445 с.
34. Мархель УІ, Чамярыцкі ВА, рэдактары. *Гісторыя беларускай літаратуры XI–XIX стагоддзяў. Том 2. Новая літаратура: другая палова XVIII – XIX стагоддзя*. Мінск: Беларуская навука; 2007. 582 с.
35. Кісялёў ГВ. *Жылі-былі класікі: хто напісаў паэмы «Энеіда навыварат» і «Тарас на Парнасе»*. Мінск: Беларуская навука; 2005. 549 с.
36. Радимич [Романов ЕР]. *Милостивый Осип, или Милости хочу, а не жертвы. Быль*. Витебск: Губернская типо-литография; 1894. 85 с.
37. Довнар-Запольский МВ. *История Белоруссии*. Минск: Беларусь; 2011. 591 с.
38. Дубянецкі МФ. Анталогія. У: Шамякін ІП, рэдактар. *Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. Том I. А капэла – Габелен*. Мінск: Беларуская савецкая энцыклапедыя; 1984. с. 125–126.

References

1. Bandarchyk VK. *Ewdakim Ramanavich Ramanaw*. Minsk: Vydavectva Akadzemii navuk BSSR; 1961. 306 p. Belarusian.
2. Romanov ER. [Bibliographic index of works of E. R. Romanov]. In: Romanov ER, editor. *Mogilevskaya starina: sbornik statei «Mogilevskikh gubernskikh vedomostei»*. Vypusk II. 1900 i 1901 gody [Mogilev antiquity: collection of articles «Mogilev gubernskie vedomosti». Issue II. 1900 and 1901]. Mogilev: Tipografiya Gubernskogo pravleniya; 1901. p. 146–156. Russian.
3. Pypin AN. *Istoriya russkoi etnografii. Tom 4. Belorussiya i Sibir* [The history of Russian ethnography. Volume 4. Belarus and Siberia]. Minsk: Belorusskaya entsiklopediya imeni P. Brovki; 2005. 256 p. Russian.
4. Karskii EF. *Razbor istoriko-etnograficheskikh trudov E. R. Romanova po Severo-Zapadnomu krayu, vyshedshikh v techenie 1898–1901 godov* [Analysis of the historical and ethnographic works of E. R. Romanov about the Northwestern land, published during 1898–1901]. Saint Petersburg: Tipografiya Imperatorskoy akademii nauk; 1904. 43 p. Russian.
5. Karskii EF. *Belorusy. Kniga 1. Ocherki slovesnosti belorusskogo plemeni* [Belarusians. Book 1. Essays on the literature of the Belarusian tribe]. Minsk: Belorusskaya entsiklopediya imeni P. Brovki; 2007. 584 p. Russian.
6. Garjecki M. *Gistoryja belaruskaj litaratury* [The history of Belarusian literature]. Minsk: Mastackaja litaratura; 1992. 478 p. Belarusian.
7. Luckevich A. *Vybranyja tvory: prablemy kul'tury, litaratury i mastactva* [Selected works: problems of culture, literature and art]. Minsk: Knigazbor; 2006. 460 p. Belarusian.
8. Shljubski A. [Ethnographic job of E. R. Romanov]. In: Nekrashjevič S, editor. *Zapiski addzelu humanitarnyh navuk. Kniga 2. Pracy kljasy filjoljogii. Tom 1* [Notes of humanities' department. Book 2. The works of philological class. Volume 1]. Minsk: [Inbelkul't]; 1928. p. 338–364. Belarusian.
9. C'vikevič A. «Zapadno-russizm»: narysy z gistoryi gramadzkaj mys'li na Belarusi w XIX i pachatku XX v. [«Western-Russianism»: the essays from the history of public thought in Belarus in the 19th and in the beginning of the 20th century]. Minsk: Navuka i tjechnika; 1993. 352 p. Belarusian.
10. Borisenko VV, Pshirkov YuS, Chemeritskii VA, editors. *Istoriya belorusskoi dooktyabr'skoi literatury* [History of Belarusian pre-Soviet literature]. Minsk: Nauka i tekhnika; 1977. 636 p. Russian.
11. '. [Belarusian pipe]. In: Alexandrovich SKh, Alexandrovich VS. *Belaruskaja litaratura XIX – pachatku XX st.: hrjestamatyja krytychnyh matjeryjalaw* [Belarusian literature of the 19th – the beginning of the 20th century: chrestomathy of critical materials]. Minsk: Publishing house of the Belarusian State University; 1978. p. 91–92. Russian.
12. Ramanaw ER. [Pen test]. In: Barysenka VV, Mal'dzis AI, editors. *Pachynal'niki. Z gistoryka-litaraturnyh matjeryjalaw XIX st.* [The beginners. From historical and literature materials of the 19th century]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2003. p. 16–19. Belarusian.
13. Khromchanka KR. *Belaruskaja mastackaja proza (kanec XIX – pachatku XX st.)* [Belarusian art prose (late 19th – early 20th century)]. Minsk: Publishing house of the Belarusian State University; 1979. 189 p. Belarusian.

14. Cishchanka IK. [Ramanaw Ewdakim]. In: Mal'dzis AV, editor. *Belaruskija pis'menniki: bijabiblijagrafichny slownik. Tom 5: Pestrak – Sjawruk* [Belarusian writers: biobibliographical dictionary. Volume 5: Pestrak – Sjawruk]. Minsk: Belaruskaja jencyklapedyja imja P. Browki; 1995. p. 142–145. Belarusian.
15. Volzhenkov VV. [Historical and political views of E. R. Romanov in the work «The lament of the Belarusian land»]. In: Marzalyuk IA, editor. *Romanovskie chteniya – 3. Sbornik trudov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 23–24 noyabrya 2006 g.; Mogilev, Belarus'* [Romanov readings – 3: collection of works of the International scientific conference; 2006 November 23–24; Mogilev, Belarus]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University; 2007. p. 67. Russian.
16. Sakalow G. [From the literary heritage of E. R. Romanov: «Punishment in hundred years»]. In: Vorob'ev AA, editor. *Romanovskie chteniya – 7. Sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 26 noyabrya 2010 g.; Mogilev, Belarus'* [Romanov readings – 7. Collection of works of the International scientific conference; 2010 November 26; Mogilev, Belarus]. Mogilev: Mogilev State A. Kuleshov University; 2011. p. 132–134. Belarusian.
17. Romanov E. [Preface]. In: Romanov ER, compiler. *Belorusskii sbornik. Vypusk pervyi i vtoroi. Pesni, posloviцы, zagadki* [Belarusian collection. Issue one and two. Songs, proverbs, puzzles]. Vitebsk: Tipo-litografiya G. A. Malkina; 1891. p. I–XI. Russian.
18. Romanov ER, compiler. *Belorusskii sbornik. Vypusk chetvertyi. Skazki kosmogonicheskie i kul'turnye* [Belarusian collection. Issue four. Cosmogonic and cultural tales]. Vitebsk: Tipo-litografiya G. A. Malkina; 1891. 450 p. Russian.
19. Kisialiova L. «Third areas» of Belarusian literature: Pilip Smury and others. *Acta Albaruthenica*. 2012;12:57–66. Belarusian.
20. Romanov ER, compiler. *Belorusskii sbornik. Vypusk pyatyi. Zagovory, apokryfy i dukhovnye stikhi* [Belarusian collection. Issue five. Spells, apocryphal stories and spiritual verses]. Vitebsk: Tipo-litografiya G. A. Malkina; 1891. 450 p. Russian.
21. Pshyrkow JuS, editor. *Belaruskaja litaratura XIX stagoddzja. Zbornik tjekestav* [Belarusian literature of the 19th century. Collection of texts]. Minsk: Publishing house of Academy of Science of the BSSR; 1950. 340 p. Belarusian.
22. Veselovskii AN. *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics]. Zhirmunskii VM, editor. Moscow: Izdatel'stvo LKI; 2017. 648 p. Russian.
23. Radimich [Ramanov ER]. *Kara v sto let. Belorusskaya legenda* [Punishment in hundred years. Belarusian legend]. Vitebsk: Gubernskaya tipografiya; 1894. 35 p. Russian.
24. Grynblat MJa. [Legends and myths]. In: Fjadosik AS, editor. *Legendy i padanni* [Legends and myths]. Minsk: Navuka i tjechnika; 1983. p. 5–34. Belarusian.
25. Turgenev IS. *Sochineniya. Tom 10* [Essays. Volume 10]. Moscow: Nauka; 1982. 607 p. Russian.
26. Schlegel F. [Fragments]. In: Schlegel F. *Estetika. Filosofiya. Kritika. Tom I* [Aesthetics. Philosophy. Criticism. Volume 1]. Moscow: Iskustvo; 1983. p. 290–316. Russian.
27. Stukalich VK. *Belorussiya i Litva. Oчерки iz istorii gorodov v Belorussii* [Belarus and Lithuania. Essays of the history of towns in Belarus]. Vitebsk: Gubernskaya tipografiya; 1894. 62 p. Russian.
28. Romanov ER. [From old-rites' literature]. In: Romanov ER, editor. *Mogilevskaya starina. Sbornik statei «Mogilevskikh gubernskikh vedomosti»*. Vypusk II. 1900 i 1901 gody [Mogilev antiquity. Collection of articles of the «Mogilev gubernskie vedomosti». Issue II. 1900 and 1901 years]. Mogilev: Tipografiya Gubernskogo pravleniya; 1901. p. 79–86. Russian.
29. [Romanov ER]. *Plach belorusskoi zemli* [The lament of the Belarusian land]. Vitebsk: Gubernskaya tipografiya; 1894. 12 p. Russian.
30. Unuchek AV, Bondar' LD, Gleb MV, Karskii AA, Ponikarovskaya MV, Sokol'skii EE, et al, editors. *Zhizn' i deyatel'nost' akademika E. F. Karskogo: sbornik dokumentov i materialov. Chast' I* [Life and work of academician E. F. Karski: the collection of documents and materials. Part 1]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2020. 442 p. Russian.
31. G-ch S [Belarusian nationalists (from the life of the provincial intellectuals)]. *Severnyi vestnik*. 1897;10:19–27. Russian.
32. S-v N [Sumtsov NF]. [Romanov Evdokim Romanovich]. In: Arsen'ev KK, Petrushevskii FF, editors. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. Tom XXVII. Rozaven – Repa* [Brockhaus and Efron's encyclopaedic dictionary. Volume 27. Rozaven – Repa]. Saint Petersburg: Tipografiya obshchestva «Izdatel'skoe delo»; 1899. p. 47. Russian.
33. Bagushjevich F. *Vybranyja pracy* [Selected works]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2015. 445 p. Belarusian.
34. Marhel' UI, Chamjarycki VA, editors. *Gistoryja belaruskaj litaratury XI–XIX stagoddzjav. Tom 2. Novaja litaratura: drugaja palova XVIII – XIX stagoddze* [The history of Belarusian literature of the 11th – 19th centuries. Volume 2. New literature: the second half of the 18th – 19th century]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2007. 582 p. Belarusian.
35. Kisjaljow GV. *Zhyli-byli klasiki: hto napisaw pajemy «Jeneida navyvarat» i «Taras na Parnase»* [There were classics: who wrote the poems «Aeneid reversed» and «Taras on Parnassus»]. Minsk: Belaruskaja navuka; 2005. 549 p. Belarusian.
36. Radimich [Romanov ER]. *Milostivyi Osip, ili Milosti khochu, a ne zhertvy. Byl'* [Merciful Osip, or I want mercy, not sacrifice. Bylit]. Vitebsk: Gubernskaya tipo-litografiya; 1894. 85 p. Russian.
37. Dovnar-Zapolskii MV. *Istoriya Belorussii* [The history of Belarus]. Minsk: Belarus; 2011. 591 p. Russian.
38. Dubjanecki MF. [Anthology]. In: Shamjakin IP, editor. *Jencyklapedyja litaratury i mastactva Belarusi. Tom 1. A kapjela – Gabelen* [Encyclopedia of literature and art of Belarus. Volume 1. Akapela – Gabelen]. Minsk: Belaruskaja Saveckaja encyklopedyja; 1984. p. 125–126. Belarusian.

Артыкул нацынтй у рэдкалегію 21.04.2022.
Received by the editorial board 21.04.2022.

УДК 821.161.1.09(092)

КОНФЛИКТ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «В ОВРАГЕ»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Н. Ф. КАЛЮТЧИК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
ул. Советская, 18, 220030, г. Минск, Беларусь

Конфликт в повести А. П. Чехова «В овраге» рассматривается в аксиологическом аспекте как ценностная поляризация идейно-образной системы художественного произведения. Эксплицируется христианская семантика конфликта в повести. В соответствии с принципом изоморфизма (А. П. Чудаков) конфликт прослеживается на таких уровнях художественной системы произведения, как пространство, система персонажей, сюжет, внутренний мир героя. Новизна исследования определяется раскрытием особой музыкально-лирической природы конфликта в повести «В овраге»: поэтика открытых оппозиций в чеховской индивидуально-авторской модели конфликта подчинена принципу кумуляции антиномических мотивов, вследствие чего обнаруживается несовпадение дискурсивных границ конфликта и текста. Над конфликтной ситуацией в эмпирической жизни надстраиваются цепочки образов и мотивов, представленных вне событийного ряда. Впервые в качестве смыслового фокуса конфликта рассматривается внутренний мир протагониста, сюжетно неактивного, не выступающего за одну из сторон в конфликте Липы и Аксиньи.

Ключевые слова: проза Чехова; конфликт; аксиология; бинарная оппозиция; изоморфизм; мотив; пасхальность.

КАНФЛІКТ У АПОВЕСЦІ А. П. ЧЭХАВА «У ЯРЫ»: АКСІЯЛАГІЧНЫ АСПЕКТ

Н. Ф. КАЛЮТЧЫК^{1*)}

^{1*)}Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя Максіма Танка,
вул. Савецкая, 18, 220030, г. Мінск, Беларусь

Канфлікт у аповесці А. П. Чэхава «У яры» разглядаецца ў аксіялагічным аспекце як каштоўнасная палярызацыя ідэйна-вобразнай сістэмы мастацкага твора. Эксплікуецца хрысціянская семантыка канфлікту ў аповесці. У адпаведнасці з прынцыпам ізамарфізму (А. П. Чудакоў) канфлікт прасочваецца на такіх узроўнях мастацкай сістэмы твора, як прастора, сістэма персанажаў, сюжэт, унутраны свет героя. Навізна даследавання вызначаецца раскрыццём асаблівай музычна-лірычнай прыроды канфлікту аповесці «У яры»: паэтыка адкрытых апазіцый у чэхаўскай індывідуальна-аўтарскай мадэлі канфлікту падпарадкавана прынцыпу кумуляцыі антынамічных матываў, у сувязі з чым выяўляецца несупадзенне дыскурсіўных межаў канфлікту і тэксту. Над канфліктнай сітуацыяй у эмпірычным жыцці надбудоўваецца шэраг матываў і вобразаў, пададзеных па-за сістэмай падзей. Упершыню ў якасці сэнсавага фокусу канфлікту разглядаецца ўнутраны свет пратаганіста, сюжэтна неактыўнага, які не выступае на баку Ліпы ці Аксінні – удзельніц канфлікту.

Ключавыя словы: проза Чэхава; канфлікт; аксіялогія; бінарная апазіцыя; ізамарфізм; матыв; пасхальнасць.

Образец цитирования:

Калютчик НФ. Конфликт в повести А. П. Чехова «В овраге»: аксиологический аспект. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;2:31–39.

For citation:

Kalyutchik NF. The conflict in the story by A. P. Chekhov «In the ravine»: axiological aspect. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;2:31–39. Russian.

Автор:

Наталья Фёдоровна Калютчик – аспирантка кафедры белорусской и зарубежной литературы филологического факультета. Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент О. Р. Хомякова.

Author:

Natalya F. Kalyutchik, postgraduate student at the department of Belarusian and foreign literature, faculty of philology.
kalyutchik@inbox.ru

THE CONFLICT IN THE STORY BY A. P. CHEKHOV «IN THE RAVINE»: AXIOLOGICAL ASPECT

N. F. KALYUTCHIK^a

^a*Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank,
18 Savieckaja Street, Minsk 220030, Belarus*

The conflict in the story by A. P. Chekhov «In the ravine» in its axiological aspect is examined as value polarisation within the fictional world of the literary work. Christian semantics of the conflict is explicated. In accordance with the principle of isomorphism (A. P. Chudakov) this conflict is found on such levels of the story as space, characters' system, plot, inner world of the character. The novelty of the article is to reveal specific lyrical nature of the story's conflict: in the Chekhovian individual conflict's model poetics of open oppositions is subduded by the principle of antinomian motifs cumulation. So there is an incongruity between discourse boundaries of the conflict and the text in the story. Series of images and motifs, which are out of event line, build higher the conflict in empirical life. For the first time the inner world of the protagonist inactive in regard to the plot, not being on the side of either Lipa or Aksinya, the conflict parties, is examined as a semantic focus of the conflict.

Keywords: Chekhov's prose; conflict; axiology; binary opposition; isomorphism; motif; Easter nature.

Введение

Художественный конфликт – категория, которая несет повышенную аксиологическую нагрузку, так как выстраивается на борьбе ценностей и антиценностей [1, с. 107].

В. Е. Хализев полагает, что в конфликтах чеховского типа первостепенную роль играют отнюдь не перипетии сюжета, а разноименно заряженные подробности [2, с. 156]. Что же касается разноименно заряженных персонажей, то они чеховской модели конфликта чужды: они не столько противопоставляются, сколько уравниваются [3, с. 26]. Это связано с отсутствием в художественном мире писателя эталона оценки, характерного для русских романистов XIX в.

Несмотря на наличие отдельных литературоведческих работ, в которых тем или иным образом затрагиваются вопросы конфликтологии эпической прозы А. П. Чехова, следует отметить отсутствие системных исследований, посвященных очерченной проблеме. По мнению автора настоящей статьи, это объясняется тем, что в эпическом наследии писателя, с одной стороны, ослаблена фабула (В. Е. Хализев, А. П. Чудаков, В. Б. Шкловский) и, следовательно, редуцирована роль конфликта-казуса, а с другой стороны, нет ценностного противопоставления персонажей. Отсюда может возникнуть ложное представление о том, что конфликт как таковой не играет решающей роли в произведении. По этой причине остается неизученным ряд важных аспектов поэтики чеховской прозы: семантика и структура конфликта, ценностный характер динамики конфликта, лирический мотив как внесюжетное проявление конфликта.

В настоящей статье конфликт чеховской эпической прозы исследуется на материале повести «В овраге». Данное произведение избрано в связи со следующими его особенностями. Во-первых, этическая проблема добра и зла поставлена в нем с беспрецедентной для творчества писателя остротой, что должно свидетельствовать о высоком конфликтном потенциале повести. Во-вторых, это одно из немногих произведений А. П. Чехова, в котором противопоставление персонажей дано открыто. В-третьих, христианская аксиология повести [4, с. 183] предполагает, по мнению автора настоящей статьи, иную интерпретацию, нежели гуманистический персонализм, в русле которого выстраивается концепция чеховского конфликта как разрушения единства «характерного и личного в литературном образе человека» [5, с. 54].

Исследования, специально посвященные конфликту повести «В овраге», отсутствуют, при этом конфликт как категория, объединяющая аналитические ракурсы (концептуальный, аксиологический, сюжетно-структурный), так или иначе затрагивается в работах по проблематике и поэтике данного произведения.

Н. А. Дмитриева отмечает, что Липа и Аксинья играют в конфликте роль двух ценностных полюсов, «между которыми пролегает художественное пространство повести» [5, с. 52], однако раскрытие структурной роли конфликта не является задачей ее статьи. В свою очередь, М. М. Дунаев делает акцент на конфликте как испытании веры Липы, проводит параллель между сюжетной линией героини и библейской книгой Иова [7, с. 725–727]. Относительно динамики конфликта в повести «В овраге»

Н. В. Капустин отмечает, что на фабульном уровне побеждает зло, но значимость внутреннего плана отрицает однозначность этой победы [8].

Целью настоящей статьи является раскрытие аксиологического аспекта конфликта в повести А. П. Чехова «В овраге». Данная цель предполагает решение следующих задач: выявить особенности структуры и семантики конфликта произведения, проследить динамику внутреннего конфликта протагониста, эксплицировать средства выражения данного конфликта, определить роль лирического начала повести в конфликте, раскрыть ценностный характер динамики конфликта.

Теоретические основы исследования

Вопрос аксиологического содержания ключевого понятия настоящего исследования затрагивается в докторской диссертации Е. В. Поповой. Ведущую роль в образовании конфликта исследователь отводит этическим ценностям, которые «образуют сюжет, конфликт, мотивируя психологические глубины действий героев» [1, с. 105–106]. Этическая составляющая конфликта имплицитно связывает его с проблемой добра и зла. Специфика данной составляющей заключается в том, что «“нудительное” беспокойство этической заданности» передается герою, предстоящему в сознании автора (читателя) в качестве эстетического феномена [9, с. 165].

Е. В. Попова указывает на важнейшее значение внутреннего конфликта героя в ценностном противостоянии, присущем произведению [1, с. 137]. По замечанию Л. Ю. Фуксона, аксиологическое содержание внутреннего конфликта персонажа проявляется в его изоморфности ценностному напряжению художественного целого произведения: «круг художественного произведения как зона оценки представляется полем ценностного напряжения, которое может обнаружиться внутри человека, а не только между людьми» [9, с. 133]. Применительно к эпической прозе А. П. Чехова А. П. Чудаков утверждает «изоморфизм всех уровней – повествовательного, предметного, сюжетно-фабульного» и идейного [10, с. 292], что должно проявиться в конфликте.

Своеобразным показателем ценностных приоритетов А. П. Чехова является дальнейшая судьба героя. В ней можно наблюдать положительную динамику разрешения конфликта либо ее отсутствие. Развязка конфликта как положительное в ценностном отношении событие типична для финалов многих классических произведений XIX в. Поэтическим показателем события, отмеченного положительной авторской оценкой, выступает «просветляющая тональность финального эпизода» [2, с. 151].

Итак, теоретическую основу данного исследования составило представление о художественном произведении как о поле ценностного напряжения (Л. Ю. Фуксон). Это ценностное напряжение, согласно представлениям автора настоящей статьи, образует магистральный конфликт произведения. В соответствии с положением А. П. Чудакова об изоморфизме эпической прозы А. П. Чехова конфликт исследуется на различных уровнях художественного произведения (пространство, система персонажей, сюжет, внутренний мир героя).

При написании статьи использовался метод целостного анализа-интерпретации, осуществляемый с позиции аксиологического подхода.

Результаты и их обсуждение

В сильной позиции начала текста обозначено место действия повести: «Село Уклеево лежало в овраге, так что с шоссе и со станции железной дороги видны были только колокольня и трубы ситценабивных фабрик»¹ [11, с. 144]. Концептуальная значимость пространственного образа акцентируется за счет его вынесения в название произведения. Осмысление «оврага» повествователем и персонажами в духе народно-религиозных представлений позволяет видеть в нем символ греха, что прослеживается в лексическом и образном строе текста. О престольном празднике в селе говорится следующим образом: «...грех, казалось, сгустившись, уже туманом стоял в воздухе...» [11, с. 146]. Лексема *грех* встречается в повести семь раз [11, с. 146, 149, 153, 175, 179], в том числе трижды в речи повествователя [11, с. 146, 153].

В духе «оврага» выдержано и месторасположение дома Григория Цыбукина, промышленяющего преступной торговлей: «как раз *против церкви*» [11, с. 145]. Семантический эквивалент данной оппозиции намечен уже в начальном абзаце повести: трубы ситценабивных фабрик, загрязняющих природу вредными отходами, подтекстно противопоставляются колокольне. Выделенная семантическая рифма участвует в формировании евангельской идеи о несовместимости служения Богу и мамоне (Мф., 6:24; Лк., 16:13). Служение Богу и служение мамоне – ценностно-смысловые полюсы бинарной оппозиции, представляющей магистральный конфликт повести.

¹Здесь и далее курсив наш. – Н. К.

Выражение *жить как раз против церкви* применимо едва ли не ко всем обитателям «оврага». Живут так вышеупомянутые фабриканты, взяточники становой пристав и уездный врач [11, с. 144], волостной старшина и писарь, «служившие вместе уже четырнадцать лет и за все это время не подписавшие ни одной бумаги, не отпустившие из волостного правления ни одного человека *без того, чтобы не обмануть и не обидеть*» [11, с. 154–155], наконец, бедняки-пьяницы, несущие в заклад «косы, шапки, женины платки» [11, с. 146], чтобы потом «валяться в грязи, одурманенными плохой водкой» [11, с. 146]. Указанием на пространственное расположение дома повествователь выделяет Григория Цыбукина как главного проблемного героя повести, чей внутренний конфликт, по выражению Т. И. Сильман, лежит в основе подспудной сюжетной линии.

Пристальное внимание повествователя к дому неслучайно: будучи важнейшим средством характеристики своего хозяина, дом является своеобразной эманацией духа Григория Цыбукина. В соответствии со своим традиционным назначением этот топос – символ быта и частной жизни. В повести неоднократно упоминаются совместные трапезы и чаепития членов семейства и их гостей [11, с. 147, 151, 160, 163]. Дом служит укрытием от слухов и взглядов посторонних [11, с. 170–171]. Такие определения, как «порядочный», «каменный», «крытый железом» [11, с. 144], представляют собой знаки не только стяжательства сельского богача, но и его домовитости, основательности хозяина и надежности семьянина. Эти качества Григория Петровича находят подтверждение в семантике его имени (от греч. Γρηγόριος – бодрствовать²), и отчества (от греч. Πέτρος – скала, утес, каменная глыба³).

Хозяйственность главного героя неотделима от его семейности: «У старика всегда была *склонность к семейной жизни*, и он любил свое семейство больше всего на свете, особенно старшего сына-сыщика и невестку» [11, с. 145]. Григорий Петрович заботится о своих домашних, он ласков с ними: «Старик ни разу в жизни не бранил и не наказывал детей...» [11, с. 170]; «*Варварушка*, ежели тебе, матушка, – сказал он (Григорий Петрович своей жене. – Н. К.) *ласково*, – понадобится что в лавке, то ты бери. Бери себе на здоровье, не сомневайся» [11, с. 146]; «Ты, *Липынька*, если что нужно, спрашивай, – сказал он (Григорий Петрович своей младшей невестке. – Н. К.). – *И что захочешь, кушай, мы не жалеем, была бы здорова...*» [11, с. 170].

Старик Цыбукин является полновластным главой семейства: ему принадлежит последнее слово в распоряжении имуществом [11, с. 146, 160–161], он устанавливает правила торговли в лавке Цыбукиных [11, с. 157]. Главенство старшего в семье мужчины характеризует его как домостроителя – основоположника семейного уклада.

О духовно-нравственном характере цыбукинского домостроения говорит описание будней семьи, представленное в довольно обширном абзаце размером в 34 строки. В первом предложении абзаца обобщенно говорится о насыщенности времяпрепровождения Цыбукиных: «Дни в доме Цыбукиных проходили в заботах» [11, с. 146]. Последнее предложение абзаца отделено от предшествующего описания противительным союзом, семантически выделяющим венец дня – вечер, содержание которого составляет смысл дневных забот: «*А вечером считали выручку и записывали*, потом спали крепко» [11, с. 147]. Причина крепкого сна заключается, с одной стороны, в значимом результате дневных дел, а с другой стороны, в спокойной совести тех, кто привык «обижать» ближних [11, с. 147, 157].

Поклонение мамоне (полюс бинарной оппозиции конфликта) у Григория Петровича выражается в стремлении не только к тленному богатству, но и к тщетной славе, этим богатством питаемой. Предмет тщеславия Цыбукина – «хороший чистый сюртук», «громадный вороной жеребец, стоивший триста рублей» [11, с. 147]. В праздники старик выезжает, «чтобы *показать свою новую лошадь*» [11, с. 148], демонстрируя, что он не хуже фабрикантов Хрыминых Младших [11, с. 148]. Славолубие заставляет Цыбукиных выбирать себе «самых красивых невест» [11, с. 149], как бы покупая их. «Нет приданого – и мы без внимания» [11, с. 150], – обращается богач к тетке Липы – невесты Анисима, выказывая власть благодетеля. В этих словах усматривается сплав тщеславия с человекоугодием. После свадьбы Анисима Цыбукин считает своим долгом сообщить каждому гостю о том, что «свадьба две тысячи стоила» [11, с. 156], требуя воздать дань его честолюбию.

Вместе с тем жизнь Григория Цыбукина *против церкви* не лишена конфликтности. В его душе самодовольство уживается со скрытым чувством собственной нравственной неполноценности. Это чувство бессознательно прорывается в беспричинной, казалось бы, ненависти к мужикам-просителям: «...и в это время, когда на нем (на Григории Цыбукине. – Н. К.) был хороший, чистый сюртук и в дрожки был запряжен громадный вороной жеребец, стоивший триста рублей, старик не любил, чтобы к нему

²Петровский Н. А. Словарь рус. личных имен : более 3000 единиц. М. : Рус. словарь, 2005. С. 105.

³Там же. С. 226.

подходили мужики со своими просьбами и жалобами; он *ненавидел мужиков и брезговал ими*, и если видел, что какой-нибудь мужик дожидается у ворот, то *кричал гневно*: “Что стал там? Проходи дальше!”» [11, с. 147]. Противоречие между благополучием Григория Петровича и обездоленностью мужиков, обманываемых им, становится для протагониста источником внутреннего конфликта. Он не может по примеру своей жены Варвары избавиться от укоров совести милостынькой, в которой «было что-то веселое и легкое, как в лампадках и красных цветочках» [11, с. 146]. Ненависть, обращенная не туда, куда следует, имеет двойное значение: в ней содержится и глубина нравственного падения, и зерно духовного возрождения.

О том, что для А. П. Чехова Григорий Цыбукин является не законченным злодеем, а оступившимся человеком, говорит подтекстное противопоставление протагониста его жене. Если Григорий Петрович печется о своих домочадцах, то Варвара в финале повести выказывает равнодушие к престарелому мужу: «Он (Григорий Петрович. – *Н. К.*) стал как-то забывчив, и если не дать ему поесть, то сам он не спросит; уже привыкли обедать без него, и Варвара часто говорит: “А наш вчера опять лег не евши”. *И говорит равнодушно, потому что привыкла*» [11, с. 178].

Внутренний конфликт Григория Петровича задает ценностный вектор его движения от поклонения мамоне к поклонению Богу. Перемещение старика Цыбукина от одного конфликтного полюса к другому изоморфно его отношениям с невестками.

В экспозиции, когда сила успешного торговца еще не успела поколебаться, Аксинья пользуется особой любовью свекра: «...что бы она ни делала, ни говорила, *старик только умилялся и бормотал*: “Ай да невестушка! Ай да красавица, матушка...”» [11, с. 145]. Причина восхищения Григория Петровича девушкой заключается в той полноте и последовательности, с которой Аксинья осуществляет идеал мамоны. Ее служение мамоне проявляется в качестве, иронично обозначенном повествователем как «необыкновенная деловитость» [11, с. 145]. Рассказчик попутно, как бы невзначай отмечает, что главным применением этого качества была «тайная торговля водкой» [11, с. 147], ради которой Аксинья бодрствует днем и ночью. Эти неоднократно упоминаемые бдения невестки [11, с. 145, 146, 161, 170] деятельно воплощают семантику имени свекра – «старика оборотливого» [11, с. 145]. Аксинья преуспевает в осуществлении идеала Григория Петровича сверх его ожиданий. В то время как старик восхищается Аксиньей, А. П. Чехов намекает на ее коварство, акцентируя портретное сходство героини со змеей [5, с. 151, 155–156].

Ситуация изменяется благодаря главным сюжетобразующим событиям повести – преступлению Анисима и суду над ним. Эти происшествия не изображаются, а лишь упоминаются повествователем, что свидетельствует в пользу ведущей роли внутреннего конфликта. Роль эпизодов переживания стариком Цыбукиным тюремного заключения Анисима и суда над ним может быть прояснена христианско-эсхатологическими идеями о том, что второму пришествию Христа должна предшествовать великая скорбь. Душа Григория Петровича, поклонявшегося «зверю» мамоны, но не предавшегося ему окончательно, обречена на ту смерть, которая несет в себе возрождение.

Обращаясь к лирической природе конфликта в повести, важно отметить, что тревожное известие о преступлении любимого сына Григория Петровича сопровождается мотивом смерти, который обретает особую поэтическую силу в медитации повествователя. В ней намечается связь мотива смерти с мотивом ночи: «Прошли месяцы, прошло больше полугода, минула длинная зима, наступила весна, и к тому, что Анисим сидит в тюрьме, привыкли и в доме, и в селе. *И когда кто-нибудь проходил ночью мимо дома или лавки*, то вспоминал, что Анисим сидит в тюрьме; *и когда звонили на погосте*, то почему-то тоже вспоминалось, что он сидит в тюрьме и ждет суда» [11, с. 166]. Мотив смерти, сквозной в художественном мире повести, имеет как буквальное лексическое (например, в упоминании звона на погосте, в смерти и похоронах младенца Никифора [11, с. 172–177] и др.), так и иносказательное⁴ («Чьи-то года считала кукушка...» [11, с. 173], «Солнце уже совсем зашло...» [11, с. 180]) выражение.

В 4-й главе мотив смерти звучит в устах Варвары, выражающей Анисиму свое беспокойство по поводу того, что в торговле Цыбукиных «на всем обман» [11, с. 157]. Реплика героини «Да ведь *умирать* надо?» [11, с. 157] задает тон последующему звучанию мотива смерти, семантическим ядром которого выступает смертная память.

Близость смерти, пробуждение смертной памяти видится А. П. Чехову как то, что свойственно всем людям и по-разному сказывается на Варваре, плотнике Елизарове и Григории Цыбукине. Мысль о смерти заставляет плотника всхлипнуть: «И, уходя, он (плотник Елизаров. – *Н. К.*) сказал: “*Умирать, должно, пора!*”. И всхлипнул» [11, с. 164]. В данном эпизоде усматривается скрытая переключка

⁴Мотив захода солнца в финале [11, с. 180] говорит о близкой смерти ослабевшего старика Цыбукина [12, с. 24].

ситуаций: еще недавно счастливый Цыбукин молодцевато садился в повозку, а теперь к нему неумолимо приближается пора умирать. С этого момента мотив смерти не покидает произведение вплоть до его финала, придает повествованию элегический тон [11, с. 164, 166, 168, 169, 172–177, 179, 180].

Беда с Анисимом заставляет старика Цыбукина умалиться. Его скорбь и связанное с ней умаление передается с помощью психологического параллелизма: «Дом потемнел, крыша поржавела, дверь в лавке, обитая железом, тяжелая, выкрашенная в зеленый цвет, пожухла, или, как говорил глухой, “зашкорубла”; и сам старик Цыбукин потемнел как будто. Он давно уже не подстригал волос и бороды, оброс, уже садился в тарантас без подскока и не кричал нищим: “Бог дасць!”». *Сила у него пошла на убыль...*» [11, с. 166].

Сила главного героя, на уровне подтекста означающая энергичное служение мамоне, переходит к Аксинье: «В селе говорят про Аксинью, что она *забрала большую силу... и когда... распоряжается* на заводе, *чувствуется в ней большая сила*» [11, с. 178].

Синергизм невестки и свекра сменяется их антагонизмом⁵: чем сильнее становится Аксинья, тем бедственнее положение Григория Петровича, вплоть до полного изгнания его из цыбукинского дома в финале повести [11, с. 179–180]. Можно сказать, что основу взаимосвязи между отношениями старика Цыбукина с Аксиньей и его духовным состоянием составляет новозаветный тезис о том, что «дружба с миром есть вражда против Бога» (*Иак., 4:4*). Для Григория Петровича конец «дружбы с миром», или с Аксиньей, воплощающей «мир», который «лежит во зле» (*1Ин., 5:19*), подобно тому, как «село Уклееево лежало в овраге» [11, с. 144], означает окончание «вражды против Бога».

После того как Анисима осудили на сибирскую ссылку, душевное смятение Григория Петровича усиливается, что внешне выражается в его неспособности отличить настоящие деньги от фальшивых [11, с. 169, 178]. В подтексте эта деталь означает его ценностную дезориентацию. «И страшно мне. Должно, нездоров» [11, с. 169], – признается Григорий Петрович жене.

Следствием очищения протагониста от фальши прежних ценностей становится чуткость к духовному миру его младшей невестки Липы. Эпизоды общения старика Цыбукина с ней следуют после осуждения Анисима на ссылку в Сибирь. Каждый из трех эпизодов отмечен глубокой эмпатией между персонажами.

По возвращении из города после суда усталая душа Григория Петровича находит успокоение в общении с Липой и младенцем-внуком, родившимся перед Великим постом [11, с. 167]. Сын чеховской праведницы вызывает у старика не фамильную гордость, как некогда Анисим [11, с. 148, 151, 159], а тихое чувство умиления: «Он (Григорий Цыбукин. – *Н. К.*) перекрестил ребенка. <...> Слезы потекли у него по щекам; он всхлипнул и отошел. Немного погодя он лег спать и уснул крепко, после семи бессонных ночей» [11, с. 170].

В эпизоде возвращения Липы из больницы с мертвым младенцем на руках героев объединяет глубокое горе: «Когда Липа вернулась домой, то скотины еще не выгоняли; все спали. Она сидела на крыльце и ждала. Первый вышел старик; он сразу, с первого взгляда понял, что произошло, и долго не мог выговорить ни слова и только чмокал губами. “Эх, Липа, – проговорил он, – не уберегла ты внука...”» [11, с. 176]. О том, что виновницей смерти Никифора является Аксинья, Григорий Петрович не догадывается, но его реакция выражает не ропот и не укор Липе (в отличие от слов Варвары: «Один был мальчик, и того не уберегла, глупенькая...» [11, с. 176]), а сострадание ей. И молодая мать, и старик-отец по-своему теряют сыновей.

Показательным с позиции конфликтологии повести видится момент родственного сближения Григория Цыбукина с Липой. Идея женитьбы Анисима возникает во время его неожиданного приезда в деревню, обусловленного преступным обогащением и увольнением со службы. Таким образом, вхождение Липы в семейство Цыбукиных изоморфно сюжетно наметившемуся отдалению Григория Петровича от идеала мамоны, поскольку Липа всей своей жизнью выражает поклонение Богу, равно как синергетические отношения Григория Петровича с Аксиньей могут длиться до тех пор, пока в его душе не сокрушится страсть к богатству.

Возвращаясь к лирической природе конфликта произведения, необходимо остановиться на семантике мотивной триады смерть – ночь – заход солнца. Даная триада выражает присущую христианскому мироощущению антиномию скорби и надежды: «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир» (*Ин., 16:33*). Помимо уже упоминавшегося захода солнца в финале, данный мотив встречается в эпизоде пути Липы домой с мертвым ребенком [11, с. 172]. Но наиболее ярко обозначенная антиномия проявляется в эпизодах, следующих за возвращением Липы и ее матери Прасковьи с богомолья.

⁵Понятия «синергизм» и «антагонизм», употребляемые в настоящей статье, заимствованы из единой теории конфликта В. А. Светлова. Их определения раскрываются в ряде учебников и пособий данного автора (см., например, [13, с. 135–136]).

Когда в летние сумерки мать с дочерью приближаются к селу, им не хочется спускаться в «овраг», злу которого противостоят образы зашедшего солнца, церковной ограды и силы, живущей в этих простых женщинах вместе с чувством правды Божьей [11, с. 163]. В доме Цыбукиных Липа и Прасковья невольно узнают о преступлении Анисима, что вызывает у них смятение. Однако скорбь их разрешается умилением: «И чувство безутешной скорби готово было овладеть ими (Липой и Прасковьей. – Н. К.). Но казалось им, кто-то смотрит с высоты неба, из синевы, оттуда, где звезды, видит все, что происходит в Уклееве, сторожит. И как ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же *в Божьем мире правда есть и будет*, такая же тихая и прекрасная, и все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью. <...> И обе, успокоенные, прижавшись друг к другу, уснули» [11, с. 165–166].

Пафос этих поэтичных строк определяется христианским представлением о Боге как о любви. Слово «правда» означает не возмездие за зло, поскольку возмездие не может быть «тихим и прекрасным», а любовь Божью ко «всему на земле». Упование Липы и ее матери имеет эсхатологическую перспективу: «...*все на земле только ждет, чтобы слиться с правдой, как лунный свет сливается с ночью*». Возникает нестрогая аллюзия с новозаветным текстом: «*да будет Бог все во всем*» (1 Кор., 15:28).

Таким образом, художественная функция мотивной триады смерть – ночь – заход солнца заключается в том, чтобы внести просветление во мрак «оврага». Эта триада выражает эмоциональную реакцию героев и повествователя на этот мрак, в чем и проявляется лирическое начало конфликта повести.

Что касается сюжетной линии протагониста, то динамика его нравственного состояния и отношений с Богом подтекстно обозначена посредством пространственного перемещения героя. Если в начале 1-й главы Григорий Цыбукин жил «*как раз против церкви*», то в эпилоге старик «сидит с утра до вечера на лавочке *около церковных ворот*» [11, с. 178].

Раньше Григорий Петрович оправдывал свою преступную деятельность лицемерным присловьем «*Кто к чему приставлен*» [11, с. 157]. В эпилоге герою дается возможность оценить прежнее кредо с новой для него точки зрения. Когда из преуспевающего торговца Цыбукин превратился в голодного бездомного нищего, сидящего у ворот церкви, старик слышит вариацию крылатой фразы «Кто к чему приставлен» из уст плотника Елизарова. Школьный сторож Яков осуждает Аксинью, которая «выгнала свекра из цобственного дома» [11, с. 179], на что Елизаров отвечает: «*В ихнем деле без этого нельзя... без греха то есть...*» [11, с. 179].

Несмотря на некоторое изменение духовно-нравственного облика Григория Цыбукина, нельзя говорить о полном и окончательном перерождении героя. В эпилоге повествователь неслучайно сообщает о том, что старик «по-прежнему не любит мужиков» [11, с. 178]. Однако финальная сцена встречи Григория Петровича с Липой выдержана в духе просветляющей тональности (В. Е. Хализев), что позволяет утверждать положительную динамику конфликта.

«Третий день не евши» [11, с. 179], идет старик Цыбукин, «ступая нерешительно, точно по скользкому льду» [11, с. 180], навстречу крестьянской толпе, возвращающейся домой после трудового дня. В этой толпе идет и Липа: «Шли бабы и девки толпой со станции, где они нагружали вагоны кирпичом, и носы и щеки под глазами у них были покрыты красной кирпичной пылью. Они пели. Впереди всех шла Липа и пела тонким голосом, и заливалась, глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончился и можно отдохнуть» [11, с. 175].

Радость Липы, пережившей смерть сына, служит подтверждением ее веры в Промысл Божий, премудрость которого вполне откроется не здесь, а в вечной жизни, о чем в свое время сказал героине старик из Фирсанова в ответ на вопрос о смысле страданий младенца: «...человеку положено знать не все, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, столько и знает» [11, с. 175]. О победе Христа над смертью и ее следствии – победе чеховской праведницы над безысходностью – на уровне подтекста говорит семантика имени погибшего младенца Никифора (от греч. Νικηφόρος – победоносный; победитель⁶). Пасхальное преодоление смерти определяет пасхальный характер радости Липы. Состояние души Липы в финале перекликается с эпизодом летнего ночлега дочери и матери. Действие финального эпизода происходит в вечерние сумерки, благодаря чему мотивы поэтически усиливают друг друга.

Очередным витком развития мотива можно считать встречу Липы с Григорием Петровичем: «Костыль и Яков прошли дальше, и было слышно, как они разговаривали. Вот после них встретился толпе старик Цыбукин, и стало вдруг тихо-тихо. Липа и Прасковья немножко отстали, и, когда старик поравнялся с ними, Липа поклонилась низко и сказала: “Здравствуйте, Григорий Петрович!” И мать тоже поклонилась. Старик остановился и, ничего не говоря, смотрел на обеих; губы у него дрожали

⁶Петровский Н. А. Словарь рус. личных имен : более 3000 единиц. М. : Рус. словарь, 2005. С. 207.

и глаза были полны слез. Липа достала из узелка у матери кусок пирога с кашей и подала ему. Он взял и стал есть» [11, с. 180]. Общение героев выражает идею отношения к человеку как к ближнему, пафос которой заключается в милосердии. Эпизод встречи Липы и Григория Петровича семантически рифмуется с несобственно-прямой речью о правде, существующей вопреки царящему в мире злу. Липа своим поступком демонстрирует, что «в Божьем мире правда есть и будет» [11, с. 165].

Завершает художественное целое повести мотив захода солнца: «Солнце уже совсем зашло; блеск его погас и вверху на дороге. Становилось темно и прохладно. Липа и Прасковья пошли дальше и долго потом крестились» [11, с. 180]. Светлая грусть финального аккорда свидетельствует о неразрешимости в пределах земной жизни человека антиномии скорби и надежды. Слова *долго потом крестились* – способ существования, дающий силу «петь», «глядя вверх на небо, точно торжествуя и восхищаясь», при всей темноте и холоде жизни.

Заключение

Конфликт в повести А. П. Чехова «В овраге» несет в себе новозаветную семантику. В нем выражается идея о несовместимости служения Богу и мамоне. Данная бинарная оппозиция, полюса которой прослеживаются на таких уровнях, как пространство, система персонажей, сюжет, внутренний мир героя, играет в произведении структурообразующую роль.

Бескомпромиссность конфликта («не можете служить Богу и мамоне» (*Мф.*, 6:24)) художественно смягчается благодаря лиризму повествования. Рассказчик не столько изображает внешние противоречия, сколько выражает внутренние реакции персонажей на них. Редукция внешних конфликтов (преступление и наказание Анисима, неприязнь сельчан и батраков к Цыбукиным, ненависть Аксиньи к Липе) как бы высвобождает пространство для изображения внутреннего конфликта героя. Внутренний конфликт Григория Цыбукина передается средствами подтекстного психологизма, к которым относятся мотив, скрытые сопоставления и противопоставления персонажей.

Особое положение этой повести в творчестве А. П. Чехова состоит в том, что в жизни персонажей (прежде всего в жизни Липы и Прасковьи) присутствует сверхличная ценность, которая освещает их жизнь, а протагонист (Григорий Цыбукин) делает свой выбор в ценностном противостоянии Аксиньи и Липы.

Несмотря на неразрешенность в рамках повествования антиномии света и тьмы, просветляющий финал – знак положительной динамики главного конфликта повести.

Библиографические ссылки

1. Попова ЕВ. *Ценностный подход в исследовании литературного творчества* [диссертация]. Москва: МГУ имени М. В. Ломоносова; 2004. 326 с.
2. Хализев ВЕ. *Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование)*. Москва: Издательство Московского университета; 1986. 260 с.
3. Богданова ОВ. *Рассказ А. П. Чехова «Человек в футляре»: новое о структуре конфликта*. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет; 2016. 45 с.
4. Тарасов АБ. Праведники в системе образов А. П. Чехова. *Знание. Понимание. Умение*. 2006;2:181–185.
5. Тюпа ВИ. *Художественность чеховского рассказа*. Москва: ФЛИНТА; 2018. 196 с. Совместно с издательством «Наука».
6. Дмитриева НА. «В овраге»: опыт прочтения чеховской повести. *Истина и жизнь*. 2000;11:48–53.
7. Дунаев ММ. *Православие и русская литература. Часть 4*. Москва: Христианская литература; 2003. 784 с.
8. Капустин НВ. О двуплановости изображения в повести А. П. Чехова «В овраге». В: Морыганов АЮ, редактор. *Вопросы онтологической поэтики. Потаенная литература: исследования и материалы*. Иваново: Ивановский государственный университет; 1998. с. 74–75.
9. Фуксон ЛЮ. *Проблемы интерпретации и ценностная природа литературного произведения* [диссертация]. Кемерово: Кемеровский государственный университет; 2000. 283 с.
10. Чудаков АП. *Поэтика Чехова. Мир Чехова: возникновение и утверждение*. Санкт-Петербург: Азбука; 2016. 704 с.
11. Чехов АП. *Полное собрание сочинений и писем. Том 10*. Москва: Наука; 1986. 492 с.
12. Липке Ш. Интертекстуальность в повести А. П. Чехова «В овраге» и функции библейских текстов. *Вестник Томского государственного университета*. 2015;390:22–25. DOI: 10.17223/15617793/390/4.
13. Светлов ВА, Семенов ВА. *Конфликтология*. Москва: Юрайт; 2020. 351 с.

References

1. Popova EV. *Tsennostnyi podkhod v issledovanii literaturnogo tvorchestva* [Value approach in the study of literary creativity] [dissertation]. Moscow: Lomonosov Moscow State University; 2004. 326 p. Russian.
2. Khalizev VE. *Drama kak rod literatury (Poetika, genezis, funktsionirovanie)* [Drama as a literary genre (Poetics, genesis, functioning)]. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta; 1986. 260 p. Russian.
3. Bogdanova OV. *Rasskaz A. P. Chekhova «Chelovek v futlyare»: novoe o strukture konfliktka* [The story by A. P. Chekhov «The man in a case»: the new about the conflict structure]. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University; 2016. 45 p. Russian.

4. Tarasov AB. Just Men in the character system of A. P. Chekhov. *Knowledge. Understanding. Skill*. 2006;2:181–185. Russian.
5. Tyupa VI. *Khudozhestvennost' chekhovskogo rasskaza* [The art of Chekhov's story]. Moscow: FLINTA; 2018. 196 p. Co-published by the «Nauka». Russian.
6. Dmitrieva NA. [«In the ravine»: the experience of reading Chekhov's story]. *Istina i zhizn'*. 2000;11:48–53. Russian.
7. Dunaev MM. *Pravoslavie i russkaya literatura. Chast' 4* [Orthodoxy and Russian literature. Part 4]. Moscow: Khristianskaya literatura; 2003. 784 p. Russian.
8. Kapustin NV. [On the two-dimensionality of the image in the story of A. P. Chekhov «In the ravine»]. In: Moryganov AYU, editor. *Voprosy ontologicheskoi poetiki. Potaennaya literatura: issledovaniya i materialy* [Questions of ontological poetics. Hidden literature: research and materials]. Ivanovo: Ivanovo State University; 1998. p. 74–75. Russian.
9. Fukson LYU. *Problemy interpretatsii i tsennostnaya priroda literaturnogo proizvedeniya* [Problems of interpretation and value nature of a literary work] [dissertation]. Kemerovo: Kemerovo State University; 2000. 283 p. Russian.
10. Chudakov AP. *Poetika Chekhova. Mir Chekhova: vzniknovenie i utverzhdenie* [The poetics of Chekhov. The world of Chekhov: origin and assertion]. Saint Petersburg: Azbuka; 2016. 704 p. Russian.
11. Chekhov AP. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem. Tom 10* [Complete set of works and letters. Volume 10]. Moscow: Nauka; 1986. 492 p. Russian.
12. Lipke S. Intertextuality in A. P. Chekhov's «In the ravine» and functions of biblical texts. *Tomsk State University Journal*. 2015;390:22–25. Russian. DOI: 10.17223/15617793/390/4.
13. Svetlov VA, Semenov VA. *Konfliktologiya* [Conflictology]. Moscow: Yurait; 2020. 351 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022.
Received by the editorial board 10.03.2022.

КОМЕДИЯ В РУССКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ НАЧАЛА XXI В. (ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОЙ МОДИФИКАЦИИ)

С. Я. ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляется специфика жанровой модели комедии в русской и белорусской драматургии на современном этапе развития литературы. Констатируется факт поиска новых средств, приемов и механизмов создания комического в отражении действительности. Комедия стремится, с одной стороны, сохранить свои генетические качества (форму комического, обуславливающую типы персонажа и конфликта, эстетические принципы комедийных приемов), а с другой стороны, нарушить их. Сегодня по-прежнему доминирует комедия юмористического модуса, в которой продолжают традиции жанра, устоявшиеся в прошлом веке. Область юмора расширяет свои границы, затрагивает проблемы, относящиеся к области сатиры. Усиливается стирание грани между комедией и драмой, наблюдается процесс не только жанрового синтеза (комедия тяготеет к драме, драма – к комедии), но и жанровой мутации (комедия выходит за пределы жанра и обретает несвойственные ей от природы качества смежных жанров). Налицо разорванность драматической ткани, модификация комедийного сюжета. Микроструктура комедийного действия драматизируется, придает пьесе новый характер. Подвергаются трансформации жанровые показатели как семантического (типы персонажа и конфликта, характер смеха, авторская оценка), так и морфологического (сюжетосложение, интонационно-речевая организация текста) уровня. Объектом критики становятся проблемы социума, касающиеся кризиса частной жизни, что в большей степени свойственно драме. Художественная структура пьесы нетрадиционна для комедии (жанровая тональность стерта, отсутствует ярко выраженная внешняя комедийная основа). Однако автор облачает драматический сюжет в комическую форму, показывая реалии действительности. Об этом свидетельствуют такие драматические произведения, как «Бедные люди, блин» С. Решетникова, «Возвращение героя» А. Северского, «Рэп ми» И. Васьковской, «Солнечная линия» И. Вырыпаева, «Урожай» П. Пряжко, «Дожить до премьеры» Н. Рудковского, «Трикстер клуб» В. Ольховской и др.

Ключевые слова: комедия; русская и белорусская драматургия; модификация жанровой структуры; жанр; нарушение литературного канона.

КАМЕДЫЯ Ё РУСКАЙ І БЕЛАРУСКАЙ ДРАМАТУРГІІ ПАЧАТКУ XXI ст. (ПРАБЛЕМА ЖАНРАВАЙ МАДЫФІКАЦЫІ)

С. Я. ГОНЧАРОВА-ГРАБОВСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Выяўляецца спецыфіка жанравай мадэлі камедыі ў рускай і беларускай драматургіі на сучасным этапе развіцця літаратуры. Канстатуецца факт пошукаў новых сродкаў, прыёмаў і механізмаў камічнага ў адлюстраванні рэчаіснасці. Камедыя імкнецца, з аднаго боку, захаваць свае генетычныя якасці (форму камічнага, якая абумоўлівае тыпы персанажа і канфлікту, эстэтычныя прынцыпы камедыйных прыёмаў), а з другога боку, парушыць іх. Сёння

Образец цитирования:

Гончарова-Грабовская С.Я. Комедия в русской и белорусской драматургии начала XXI в. (проблема жанровой модификации). Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2022;2:40–51.

For citation:

Goncharova-Grabovskaya SYa. Comedy in Russian and Belarusian drama at the beginning of 21st century (the problem of genre modified). Journal of the Belarusian State University. Philology. 2022;2:40–51. Russian.

Автор:

Светлана Яковлевна Гончарова-Грабовская – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета.

Author:

Svetlana Ya. Goncharova-Grabovskaya, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology.
1291224sg@gmail.com

па-ранейшаму дамінуе камедыя гумарыстычнага модусу, што працягвае традыцыі жанру, якія ўсталяваліся ў мінулым стагоддзі. Галіна гумару пашырае свае граніцы, закранае праблемы, якія з'яўляюцца аб'ектам сатыры. Узмацнілася размыванне меж паміж камедыяй і драмай, назіраецца працэс не толькі жанравага сінтэзу (камедыя імкнецца да драмы, драма – да камедыі), але і жанравай мутацыі (камедыя выходзіць за межы жанру і набывае нетрадыцыйныя для яе якасці). Адбываюцца разрывы драматычнай тканіны, мадыфікацыя камедыйнага сюжэта. Мікраструктура камедыйнага дзеяння драматызуецца, надае п'есе новы характар. Падвяргаюцца трансфармацыі жанравыя паказчыкі як семантычнага (тыпы персанажа і канфілікту, характар смеха, аўтарская ацэнка), так і марфалагічнага (сюжэтааскладанне, інтанацыйна-моўная арганізацыя тэксту) узроўню. Аб'ектам крытыкі становяцца праблемы соцыуму, якія тычацца крызісу прыватнага жыцця, што ў большай ступені ўласціва драме. Мастацкая структура п'есы незвычайная для камедыі (жанравая танальнасць сціраецца, адсутнічае яскравая знешняя камедыйна высьнова). Аднак аўтар падпарадкоўвае драматычны сюжэт камічнай форме, паказваючы стан грамадства. Аб гэтым сведчаць такія драматычныя творы, як «Бедныя людзі, блін» С. Рашэтнікава, «Вяртанне героя» А. Северскага, «Рэйп мі» І. Васькоўскай, «Ураджай» П. Пяржко, «Дажыць да прэм'еры» М. Рудкоўскага, «Трыксцер клуб» В. Альхоўскай і інш.

Ключавыя словы: камедыя; руская і беларуская драматургія; мадыфікацыя жанравай структуры; жанр; парушэнне літаратурнага канона.

COMEDY IN RUSSIAN AND BELARUSIAN DRAMA AT THE BEGINNING OF 21st CENTURY (THE PROBLEM OF GENRE MODIFIED)

S. Ya. GONCHAROVA-GRABOVSKAYA^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezależnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The specificity of the comedy genre model in Russian and Belarusian dramaturgy at the present stage is revealed. The fact of the search for new means, techniques and mechanisms for creating the comic in the reflection of reality is stated. Comedy strives, on the one hand, to preserve its genetic qualities (the form of the comic, which determines the type of character and conflict, the aesthetic principles of comedy techniques), and on the other hand, to violate them. Today, comedy of a humorous mode still dominates, in which the traditions of the genre that have been established in the last century continue. The field of humour expands its boundaries, touches upon problems related to the field of satire. The blurring of the line between comedy and drama is intensifying, there is a process of not only genre synthesis (comedy tends to drama, drama to comedy), but also genre mutation (comedy goes beyond the genre and acquires the qualities of adjacent genres that are not inherent in it by nature). There is a rupture of the dramatic fabric, a modification of the comedy plot. The microstructure of the comedic action is dramatised, giving the play a new character. Genre indicators of both the semantic (types of character and conflict, the nature of laughter, the author's assessment) and morphological (plot structure and intonation-speech organisation of the text) levels undergo transformation. The object of criticism is the problems of society concerning the crisis of private life, which is more typical of drama. The artistic structure of the play is unconventional for comedy (genre tonality is erased, there is no pronounced external comedy basis). However, the author dresses the dramatic plot in a comic form, showing the realities of reality. This is evidenced by such dramatic works as «Poor people, damn it» by S. Reshetnikov, «Return of the hero» by A. Seversky, «Rape me» by I. Vaskovskaya, «Sun line» by I. Vyrypaev, «Harvest» by P. Pryazhko, «Live to see the premiere» by N. Rudkovsky, «Trickster club» by V. Olkhovskaya and others.

Keywords: comedy; Russian and Belarusian dramaturgy; modification of genre structure; genre; distortion of literary canon.

Введение

В новейшей русской и белорусской драматургии усилились процессы взаимодействия жанровых признаков драмы, комедии и трагикомедии, что привело к расшатыванию жанровой модели, утрате отчетливых жанровых границ. Происходит общее изменение устоявшихся жанровых признаков, обусловленное возникновением нетрадиционных жанровых образований, которые отражают новизну жанра, трансформируют жанровую структуру применительно к новому содержанию [1, с. 27]. Все чаще стали появляться пьесы жанрово пограничного характера, что затрудняет их атрибуцию и свидетельствует о стремлении авторов к открытости, эстетическим метаморфозам, вызвавшим переход драмы в новое качество, новую фазу развития. Утверждение Ю. Н. Тынянова о том, что «готовых

жанров нет» и «каждый из них меняется с течением времени, приобретая то большее, то меньшее значение» [2, с. 257–258], остается актуальным. Среди исследований по истории и теории комедии, появившихся в последней трети XX в., следует отметить работы Н. Н. Киселёва [3], В. В. Фролова [4], А. Л. Штейна [5], Н. М. Федя [6; 7] и Т. Г. Свербиловой [8], в которых проанализировано состояние комедии предшествующих эпох и XXI в. Однако недостаточно внимания уделено истории и теории отдельных жанров, их поэтике, практически не изучены особенности формирования жанровых структур и процесс модификации жанров в их развитии, без чего невозможно проследить основные тенденции и закономерности, которые наблюдаются в драматургическом процессе XXI в. Заполнить этот пробел попытались авторы кандидатских диссертаций. Так, Н. В. Нечаева [9] рассмотрела сатирическую комедию в тесной связи с художественным методом (критическим реализмом, социалистическим реализмом и модернизмом), отметив те существенные черты, которые комедия приобретает в зависимости от типа художественного творчества. Теоретические представления о трагикомедии углубил М. И. Кипнис [10], который акцентировал внимание на специфике этого жанра в драматургии XX в. В то же время нуждается в дальнейшей разработке вопрос о модификации комедии в новейшей драматургии. Частично данная проблема затрагивается в работе автора настоящей статьи [11], в которой отмечено изменение поэтики и стилистики комедии за счет активного влияния на нее драмы и за счет связи комедии с другими жанрами. Однако с момента создания упомянутого труда прошло около двадцати лет.

Цели данной статьи – выявить специфику комедии в новейшей русской и белорусской драматургии, проследить ее жанровую трансформацию с учетом тенденций развития драматургического процесса.

Результаты и их обсуждение

В начале XXI в. наблюдаются поиски новых средств, приемов и механизмов создания комического в отражении действительности. В развитии комедии происходит сложный, но закономерный процесс, демонстрирующий стремление этого жанра, с одной стороны, сохранить свои **генетические качества** (форму комического, обуславливающую типы персонажа и конфликта, эстетические принципы комедийных приемов), тот «минимум устойчивых структурных свойств, без которых жанров не бывает» [12, с. 337], а с другой стороны, нарушить их. Сегодня по-прежнему доминирует комедия **юмористического модуса**, в которой продолжают традиции жанра, устоявшиеся в прошлом веке. Так, в русской драматургии комедия юмористического модуса представлена пьесами «Дзинрикися» и «Новая аналитическая логика» А. Галина, «Шедевр» и «Полиглоты» Р. Белецкого, «Астрологический прогноз» и «Школа соблазна» В. Азерникова, «Фотоаппараты» и «Похищение Сабинянинова» П. Гладилина, «Палата бизнес-класса» А. Коровкина, «Баба Шанель» и «Всеобъемлюще» Н. Коляды, «Брильянты» А. Яхонтова, «Жизнь человека» А. Слаповского, «Нескромные желания, или Зойкина контора» А. Красногоорова и др., в белорусской драматургии – пьесами «Ана и ананас» и «Охота на клубнику» Н. Рудковского, «Яблочный спас», «Любовницы моего мужа» и «Женщины как средство от бессонницы» А. Делендика, «Столица Эраунд» С. Гиргеля, «Финт-круаз» Д. Богославского и В. Красовского и др. Стоит отметить, что в белорусской драматургии комедий юмористического модуса меньше, чем в русской драматургии.

Практика современной комедиографии свидетельствует о том, что «мера отрицания» нарушена, так как область юмора расширила свои границы. Юмор, как и сатира, отражает комические явления общественной жизни, но разница между юмором и сатирой заключается не столько в объекте смеха, сколько в эстетическом отношении к нему автора, в писательской позиции. В связи с этим утверждение Д. П. Николаева о том, что «отличие юмористического произведения от сатирического состоит в том, что в первом отображается главным образом “элементарно-комическое”, а во втором – “социально-комическое”, являющееся сущностью данного явления или типа» [6, с. 25], требует корректировки. Прежде всего нуждается в уточнении понятие «элементарно-комическое», которое, по мнению Д. П. Николаева, является главным объектом юмористической комедии. Автор настоящей статьи полагает, что элементарно-комическое содержание юмористического произведения может включать в себя социальные черты. Объектом сатирической комедии могут быть не только общие, но и частные явления. В свою очередь, юмористическая комедия обращается как к социальным, так и к частным или второстепенным проблемам. Сегодня, когда сатирическая комедия фактически исчезла, функцию критики взяла на себя драма («новая драма»), вследствие чего повысилась степень критики в юмористической комедии.

Юмор, будучи жанровой доминантой комедии, проявляется в этом жанре как на семантическом (идейно-ценностная ориентация), так и на морфологическом (системно-структурная организация текста) уровне. На семантическом уровне юмор определяет содержание конфликта и персонажа, авторскую оценку и характер смеха, а на морфологическом уровне он подчиняет себе сюжетосложение и интонационно-речевую организацию текста. В центре внимания юмористической комедии находятся,

как правило, случаи (ситуации) социально-бытового характера, которые сочетают в себе насмешку и сочувствие, имеют внешне комическую трактовку, несмотря на то что под маской смешного таится серьезное отношение к предмету смеха. Принципиально то, какими средствами автор высмеивает это явление. Было бы неверным утверждать, что смех в юмористической комедии только добродушный и безобидный. На почве родственной близости юмора и сатиры смех зачастую приобретает бинарный характер, аккумулирует в себе качества юмора и сатиры, причем сатирическая острота смеха снижается. Этим обусловлены оптимистические финалы данной разновидности комедии.

В качестве примера можно привести пьесы «Все, как вы хотели», «Ана и ананас», «Охота на клубнику» Н. Рудковского, в которых показано пространство сложного конфликта, происходящего в социуме, где герои воюют сами с собой и сталкиваются друг с другом. Их нравы раскрыты в художественном поле лирического, иронического и юмористического векторов. Так, в комедии «Охота на клубнику» (как и в других пьесах Н. Рудковского) художественное пространство выстроено по законам кинематографии. События происходят не только в салоне самолета, но и в номерах отеля, квартире, офисе, кафе. Драматург конструирует систему персонажей по правилам традиционного любовного треугольника, но демонстрирует возможности его трансформации в четырехугольник.

Н. Рудковский показывает обесценивание любви, которая становится игрой и предметом торговли. Подруги используют Серёгу как домработницу, любовника и *приходящего папашу*, оценивают его талант в рекламе. Он, в свою очередь, не страдает от этого, а извлекает из ситуации пользу. Автор вывел на сцену обновленный тип комического героя, готового быть *мужчиной по вызову, приходящим отцом* и сотрудником фирмы одновременно. В Серёге **социально-комическое начало сочетается с элементарно-комическим**, балансируют отрицательные и положительные качества. Подобный тип героя встречается в комедиях «Шедевр» Р. Белецкого, «Вокруг света на такси» В. Славкина и «Мишель» В. Азерникова.

В начале XXI в. появляются комедии, жанровая специфика которых явно отступает от канона («Бедные люди, блин» С. Решетникова, «Возвращение героя» А. Северского, «Рэйп ми» И. Васьковской, «Солнечная линия» И. Вырыпаева, «Урожай» П. Пряжко, «Дожить до премьеры» Н. Рудковского, «Трикстер клуб» В. Ольховской и др.).

Злой смех, свойственный пьесам сатирического характера, активно проникает в драму и комедию. Эту мысль можно объяснить на примере пьесы С. Решетникова «Бедные люди, блин» (2007). Корреляция комического и драматического начал в ней привела к тому, что комическое начало ушло в подтекст. Драма жизни становится грустной комедией. Неслучайно в жанровом подзаголовке пьесы С. Решетников написал: *Комедия, как моя жизнь, со всеми грамматическими, орфографическими и прочими ошибками, без ремарок* [14, с. 12]. Поиски молодым человеком своего места в жизни свелись к добыче денег. Он перечеркнул свой талант, предал мечту, любимого человека, стал торговать бананами. Этим герой заменил все: семью, дружбу, любовь. Налицо маленький человек с гамлетовской рефлексией, не противостоящий устройству мира. Рефлексия и саморефлексия движут действие пьесы, приводят персонажа к тому, чтобы не сопротивляться среде. Конфликт в комедии отсутствует, поскольку природа взаимодействия героя с миром иная. Человек не может сопротивляться среде, он аморфен в своем протесте и в то же время верит в то, что его положение временно: *Вся моя жизнь – временно. Я грузю вагоны – временно. Квартиры у меня нет – временно. Любимая женщина уезжает на год за границу – временно* [14, с. 28].

Однако, подсчитав прибыль за проданные бананы, герой успокоил себя тем, что бизнес важнее, чем «писательство», которое никому не нужно (*Блин, смешно, да* [14, с. 26]). Но это грустный смех. Внутренний голос уверял персонажа в том, что он обладает талантом и все сможет, но и здесь произошло предательство. Фраза *Иногда предательство приносит прибыль!* [14, с. 28] цинична, даже зло иронична. В то же время С. Решетников очередную ошибку в жизни Михаила переводит **из драматического русла в комическое**, дает шанс поверить в то, что все завершится хорошо. Оптимистический пафос спрятан в подтекст, финал пьесы открытый. Противоречие как **источник комического** раскрыто на содержательном уровне.

Ирония, выраженная уже в названии комедии, носит ярко выраженный оценочный характер, экстраполируется на современную действительность и вызывает ассоциации с романом «Бедные люди» Ф. М. Достоевского.

В комедии «Бедные люди, блин» нарушена структура. Пьеса состоит из отдельных маленьких частей, семантика названий которых («Общество анонимных алкоголиков», «Лиза», «Оля», «Старший брат», «Лопнули ботинки», «Котлета», «Бананы», «Удачливые люди», «161 рубль 50 копеек, Егорыч и Петрович», «Америка» и др.) связана с микросюжетными ситуациями, раскрывающими жизнь персонажа. Очевидно влияние на комедию С. Решетникова «новой драмы» (натуралистические зарисовки, анормативность, социальный негатив).

Усилилось **стирание грани между комедией и драмой**, наблюдается процесс не только **жанрового синтеза** (комедия тяготеет к драме, драма – к комедии), но и жанровой мутации (комедия выходит за пределы жанра и обретает несвойственные ей от природы качества смежных жанров). Налицо разорванность драматической ткани, модификация комедийного сюжета, который размывается, растворяется в рефлексии персонажей. Микроструктура комедийного действия **драматизируется** и придает пьесе новый характер. Подверглись трансформации жанровые показатели как семантического (типы конфликта и героя, характер смеха, авторская оценка), так и морфологического (сюжетосложение, интонационно-речевая организация) уровня. Объектом критики становятся проблемы социума, касающиеся кризиса частной жизни, что в большей степени стало присуще драме. Сюжетная основа такой пьесы, как правило, строится на драматической ситуации, но персонажи аккумулируют в себе признаки как комического, так и драматического героя. Драматическое начало сглаживает комическое изображение. Следуя такой художественной установке, автор использует особую систему средств и приемов выражения своей позиции, рассчитанной на сознательное и активное восприятие зрителя. По этой причине идейно-эмоциональная тональность текста разрушает устоявшееся жанровое восприятие. Сложно определить, является подобная пьеса комедией или драмой. Смех в произведении не исчезает, но приглушается, не выражается эмоционально.

Примером подобной пьесы является комедия И. Васьковской «Рэйп ми» (2019), в которой **комическое и драматическое начала синтезируются**. На сюжетном уровне противостояние между персонажами отсутствует. Они не вступают в конфликт ни с собой, ни с другими, не спорят, а всего лишь существуют в социуме, что присуще героям «новой драмы» (П. Пряжко). Конфликт проявляется на уровне подтекста, выраженном по линии **автор – изображаемое**, что свойственно сатирической комедии.

И. Васьковская выстраивает сюжет на драматической ситуации. В рамках трех любовных треугольников (Макс – Оля – Марина, Максим – Оля – Наташа, Макс – Света – Артем) раскрываются взаимоотношения молодых людей, их образ жизни, средний между западноевропейским и постсоветским. Они устраивают вечеринки с вином и наркотиками, хвастаются знанием заумных слов типа *политкорректность*, легко вступают в интимную связь, обладают такими качествами, как беспринципность и безответственность. Макс, Максим, Оля, Наташа, Света и Артем – носители комического противоречия, которые стремятся «казаться, а не быть», позиционируют себя *крутыми* людьми, а на самом деле являются духовно несостоятельными и морально ущербными. Их защитным механизмом становится инфантилизм как реакция на ощущение собственной незначительности («русское наследие»). Дух молодости требует от героев борьбы, но они способны только ругаться в магазине при выборе марки вина. И. Васьковская обнажает проблему молодежи, у которой отсутствуют моральные принципы и которая пытается приспособиться к абсурдному миру, его беспорядкам и несправедливости. Деструктивное поведение героев (алкоголизм, попытки суицида, нецензурная лексика) считается обычным. Сексуальное влечение выходит на первый план (молодые люди легкомысленно и беспорядочно вступают в интимную связь друг с другом), что не всегда приносит им удовольствие. Через телесность они пытаются восполнить недостаток духовности, но и это у них не получается. Любовь здесь неважна, даже брачные узы подвергаются осмеянию, так как они являются формальными, условными, хотя и юридически оформленными. Максим дарит Оле не обручальное кольцо, а Кольцо Всевластия, которое спасает их брак. И. Васьковская резко критикует такой образ жизни, достигает степени обличения, присущей сатире, не прибегая при этом к сатирическим средствам типизации. В комедии господствуют натурализм, черный юмор, заглушающий смех, в подкладке которого сокрыта трагедия.

Художественное пространство пьесы замкнутое (события происходят в квартире), а художественное время дискретное (события комедии происходят через неделю, а затем через месяц после первого эпизода). Структура произведения (11 частей) позволяет драматургу проследить жизнь героев не в динамике, а в статике. Встречи персонажей как бы повторяют друг друга, так как сводятся к вечеринкам, пьянкам, интимной близости. Герои пьют дорогое вино, едят деликатесы в ресторанах, ни в чем себе не отказывают, предпочитают съемное жилье, потому что их тяготят семейный быт и общепринятые человеческие ценности (рождение и воспитание детей). Они уходят от реальности в мир прострации. Это состояние подчеркивается в последней части пьесы, когда Оля приходит снимать квартиру, в которой она раньше жила с Максимом, но воспринимает это место как незнакомое. Хозяйка квартиры тоже не узнает девушку. Кольцевая композиция комедии (события первой и последней частей происходят в одном и том же месте) говорит о том, что все может повториться.

В комедии И. Васьковской тип героя тяготеет к драматическому, но отрицательному, подвергнутому острой критике со стороны автора. Для персонажей характерны апатичное отношение к жизни (отсутствие целей и мечты), желание получать удовольствие, отвлечение от тщетности бытия. Даже созвучные имена героев (Максим и Макс) неслучайны. Максим, в отличие от Макса, пытается быть

другим человеком, стремится к лучшему, но умирает. Драматург подчеркивает его недееспособность в этом обществе.

Название комедии отсылает к песне «Rare me» (от англ. *rape* – насиловать, насилие) группы *Nirvana*, в которой речь идет об антинасилии, потому что тот, кто совершает насилие, будет наказан. В пьесе И. Васьковской сексуальные фантазии Оли сводятся к изнасилованию. Герои видят в насилии возможность почувствовать себя живыми. Гипертрофированное чувство доводится до метафоры насилия (насилие общества над человеком, сексуальное и моральное насилие). Это зашифровано в финальной сцене пьесы, когда Оля говорит, что она была замужем дважды (обоих мужчин звали одинаково – Максим), овдовела и наконец-то осталась одна. Тот образ жизни (как страшный сон) уже окончен, было то, во что трудно поверить. Атмосфера комедии окрашивается трагической тональностью, уходящей в подтекст, что вызывает тревогу за будущее молодого поколения.

Подобное наблюдается в комедии белорусского драматурга Н. Рудковского «Дожить до премьеры» (2010), сюжет которой выстраивается на драматической ситуации, постепенно приобретающей комедийно-фарсовый характер. Драматург использует кумулятивный принцип нанизывания сцен, усиливая вхождение актрис в роль. Каждый из представленных эпизодов комедийно обыгрывается и заставляет читателя (зрителя) воспринимать происходящее через ассоциацию с реальными фактами войны. Драматург оригинально трансформирует прием *qui pro quo*, который часто используют комедиографы. Актрисы выдают себя за партизанок, окружающие принимают их за ненормальных, близкие (Леша, Инструктор) вступают в общую игру, осознавая себя участниками военных событий. Война как трагедия переводится в дискурсивное поле трагикомического, но не утрачивает своей значимости. Цель Н. Рудковского – показать девальвацию моральных и нравственных ценностей социума через призму исторической памяти о войне.

Нарушение жанрового канона комедии усматривается также в творчестве белорусского драматурга П. Пряжко, который выстраивает сюжет пьесы «Урожай» (2009) на бытовом материале. Характеристика мира и героев изначально не выглядит условной. Скорее, напротив, все (сад, деревья, яблоки) подчеркнуто обычно, почти реально. Место действия является локализованным и в то же время открытым. Художественное время конкретное (приближается зима). Реалистическая достоверность составляет только первый слой пьесы. Гораздо важнее подтекст, его метафоричность. Комедию П. Пряжко невозможно интерпретировать однозначно. Автор стремится универсализировать узнаваемую жизненную ситуацию (сбор урожая яблок), экстраполировать ее на модель социума, подать бытовые проблемы как бытийные. Драматург делает акцент на парадоксальности ситуации, в которую попадают герои: они знают, как правильно собирать яблоки, но делают все наоборот. Их работа сводится к тому, что вместо бережного отношения к яблокам персонажи прибегают к варварским методам их сбора: сбивают плоды ящиками, трясут деревья, ломают ветки. Процесс сбора яблок герои пьесы считают *прикольным*. Произведение заканчивается тем, что урожай собран, при этом объем собранных плодов превышает тот объем, который оставили предшественники персонажей. Герои пьесы покидают сад, считая, что все сделали *нормально*.

Сад является семантическим и структурообразующим началом пьесы, метафорой, расшифровать которую нетрудно. Дерево – мифологема, условно обозначающая жизнь и познание, а также фундаментальный культурный символ, репрезентирующий вертикальную модель мира, в которой аккумулированы бинарные оппозиции (земля – небо, добро – зло). Сад представляет собой символ гармонии, упорядоченности бытия. Его плоды – материальные и духовные блага, которыми распоряжается человек. Драматург в простом сюжете показал жестокое и потребительское отношение молодых людей к этому благу. Концепт «сад» ассоциируется с пьесой «Вишневый сад» А. П. Чехова, но в пьесе «Урожай» П. Пряжко он имеет другую коннотацию. В данном случае герои безразличны и к саду, и к собственному существованию. М. Давыдова называет молодежь в пьесе П. Пряжко одноклеточными организмами, простейшими людьми, для которых высокие материи недоступны, а жизненные потребности низменны. Драматург показывает деградацию индивида.

Конфликт в пьесе «Урожай» отличается от классического комедийного конфликта: он разрешается в подчеркнуто умозрительном плане, выстраивается на противопоставлении правильного и неправильного, нормального и парадоксального. В пьесе П. Пряжко конфликт заключается в попытке молодых людей справиться с поставленной задачей – сбором яблок. Естественно, данный тип конфликта не находит разрешения в рамках пьесы и допускает множество трактовок. Последнее тесно связано с пониманием абсурдизма человеческой истории как бесконтрольного слепого механизма (влияние философских взглядов А. Шопенгауэра) – цикличного явления, которое повторяется вновь и вновь и по этой причине является бессмысленным. В связи с этим в пространственно-временной структуре комедии «Урожай» важную роль играет мифологема круга, свойственная поэтике абсурда (пьесы

«В ожидании Годо» С. Беккета, «Фандо и Лис» Ф. Аррабаля). Круг выражает идею единства, бесконечности, выступает универсальной проекцией. Его внутренний простор ограничен и в то же время безграничен, он символизирует космогонию и эсхатологию. Очевидность иронического универсализма в пьесе П. Пряжко выражена буквально: яблоки, которые были собраны другими, тоже были сложены в ящики без дна.

В комедии П. Пряжко наблюдается **корреляция комического, драматического и трагического начал**, что приближает ее к трагикомедии. Комическое начало пьесы выражено в противоречии, заложенном в ее идейно-эстетической концепции, – несоответствии желаемого и истинного, логики и анти-логики. Трагическое начало пьесы скрыто в подтексте, оно вербализуется в заключительной ремарке. В ней указывается, что над истерзанным садом опускается ночь, всходит луна, идет снег. Приближается пора года, угрожающая яблокам. Трагическое начало в его традиционном понимании отсутствует, однако есть чувство «трагичности существования» [15, с. 387]. Финал свидетельствует о нарушении механизма жанрового ожидания, а также механизма ожидания зрителя (читателя). В этом ракурсе комедия «Урожай» может рассматриваться как драма абсурда, но вербальный уровень пьесы выражается средствами скорее комизма, чем абсурда. П. Пряжко не использует прием языкового абсурда, при котором язык становится метафорой человеческого существования, а «трагедия языка», соответственно, экзистенциальной трагедией, формальным выражением «эмоционального и когнитивного смятения» [15, с. 387]. В диалогах просматривается традиция С. Беккета, проявляющаяся в повторах (диалоги в пьесе «В ожидании Годо»). Повтор выполняет не сюжетообразующую, а смыслообразующую функцию, раскрывает отсутствие у молодых людей элементарных навыков, их беспомощность.

«Урожай» – постабсурдистская пьеса, в которой трансформируются минимализм и амбивалентность, что расширяет традиционные параметры комедии и придает ей высокий уровень условности. Драматург преобразует такое понятие философии абсурда, как самосознание, в соответствии с особенностями жизни и культуры XXI в., соединяет современную философию и художественную практику с реалиями повседневной жизни.

Комедия И. Вырыпаева «Солнечная линия» (2015) демонстрирует **жанровую бинарность комедии и драмы**. Хотя драматург склонен определять жанр своих пьес, как текст (сборник «13 текстов, написанных осенью»), что отмечает критика [16, с. 130], это не совсем так. Жанровую специфику и экспериментальный характер творчества И. Вырыпаева можно раскрыть на примере его комедии «Солнечная линия».

Эпиграф *Только то, от чего вы не можете избавиться, вы не можете потерять* [17, с. 507] – ключ к пониманию концепции комедии. В пьесе заключена квинтэссенция философской мысли, раскрывающей драму коммуникации между людьми, их неспособность понять друг друга. Об этом свидетельствует сюжет, который выстроен на ситуации спора мужа и жены, выясняющих отношения в 5 часов утра. То, как развиваются события, совсем не похоже на комедию. Диалог между Вернером и Барбарой демонстрирует кризис частной жизни, обремененной бытовыми (кредит) и моральными (отсутствие ребенка) трудностями, переходящими в общечеловеческие, философские проблемы. Межличностный конфликт, который развивается на сюжетном уровне пьесы, отражает несовершенство человека, заложенное в противоречии непонимания людьми друг друга. Замкнутый круг символизирует невозможность найти общий язык, неспособность пересечь «солнечную линию». В экспозиции пьесы идет речь о приближении весны как периода перемен в природе, что дает надежду на перемены в жизни (Вернер и Барбара погасят кредит, заведут ребенка), но это не происходит.

Художественное пространство пьесы замкнутое. Кухня (место, в котором герои могут искренне поговорить) наэлектризована эмоциями спора, который движет динамику действия, как бы намекает на то, что конфликт может продолжаться до бесконечности. Взаимные оскорбления уступают место танцу, который должен сблизить пару хотя бы на физическом уровне (поцелуй и объятия), молчанию, сменяющемуся новыми упреками, дракой и истерическим смехом. Спор отражает экспрессию оскорблений (*бактерия, бурундук, кабан, барсук*). Комизм пьесы И. Вырыпаева «Солнечная линия» состоит в том, что муж и жена, прожившие вместе семь лет, так и не поняли самого главного. Герои – духовные инвалиды, не находящие ответа на вопрос о смысле жизни. Их беседа похожа на разговор глухого со слепым. Только один раз в жизни, когда Вернер объяснился в любви Барбаре, мечтавшей услышать фразу *А ты, дорогая, просто брильянт*, персонажи прошли вместе по «мосту». Драматург пытается найти ответ на, что мешает людям быть другими: ни от кого не зависеть, быть смелыми, добрыми, благородными, самостоятельными, иметь собственное достоинство, ни на кого не надеяться.

Художественное время пьесы фактически линейное (действие происходит с 10 часов вечера до 5 часов утра), но оно застряло на пике 5 часов утра. Супружеской паре не спалось, однако эта ночь не помогла им найти новый импульс в отношениях. Солнечная линия, символически разделяющая про-

странство между мужем и женой, лишь подчеркнула утрату контакта между ними. Этой идее подчинена кольцевая композиция пьесы (начатый в завязке произведение спор продолжается в его финале), что свидетельствует о тотальном взаимонепонимании. Герои не могут сделать первый шаг навстречу друг другу, так как оба находятся «в лесу».

Барбара задумывается над тем, будто ее муж состоит из двух половин, причем с одной половиной она готова слиться в одно целое, а другая его половина несовместима с ней. Героиня убеждает Вернера в том, что они всегда будут по разные стороны, и в то же время осознает, что между ними есть притяжение, желание быть вместе. Так, она замечает: *Синяя бабочка взлетела с розового цветка и полетела ровно вдоль солнечной линии. И вот именно эта солнечная линия и была тем разделом, той чертой, той стеной, разделяющей на два абсолютно разных мира мою жизнь и его. И синяя бабочка полетела ровно, ровно вдоль солнечной линии. Ровно, ровно вдоль линии. Ровно, ровно* [17, с. 515].

Экспрессивный язык пьесы И. Вырыпаева насыщен метафорами (мост, лес, деревья) с явно выраженным подтекстом. Сквозной образ солнечной линии одновременно является метафорой грани, разделяющей героев, и метафорой непонимания ими друг друга. Автор приходит к выводу о том, что в кризисе семьи виноваты оба и не стоит искать кого-то, кто поможет паре, даже Бога. Только под маской двоюродных брата и сестры Вернер и Барбара делают шаг навстречу друг другу. Барбара наконец-то слышит от мужа фразу *А ты ведь, дорогая, просто брильянт*. Концовка пьесы оригинальная: по законам комедии произведение должно завершаться счастливым концом, но финал комедии является открытым. Ситуация кризиса частной жизни экстраполируется на современность, в которой актуальная проблема коммуникации отражается на уровне не только семьи, но и общества. И. Вырыпаев стремится возвести частное в плоскость общечеловеческого, придать ему философскую, моральную и нравственную значимость.

Стоит также отметить, что в парадигме сатира – юмор – ирония начала преобладать ирония, которая, как известно, проявляется тогда, когда рушатся устойчивые представления об отношении личности к миру, что наблюдалось в социокультурной ситуации постсоветского периода. Изменение социополитической и духовной ситуации в стране, поставившей общество перед необходимостью критической переоценки прежних социальных, идеологических, этических и эстетических идеалов, обусловило усиление иронического восприятия действительности, ставшего одним из эстетических принципов, которые реализуются в современной комедиографии. Ироническое восприятие действительности – закономерное явление. В русской драматургии интенции иронического модуса обозначились у драматургов «новой волны», в частности в комедиях «Три девушки в голубом» Л. Петрушевской и «Цапля» В. Аксенова. В этих произведениях смешное вступает в связь с серьезным, определяет чувство горечи и тревоги, продиктованное проблемами современной жизни (неустроенность быта, нравственная девальвация). Подобная корреляция смешного и серьезного влияет на жанровую структуру пьес Л. Петрушевской и В. Аксенова, нарушает нормы традиционной комедии. Комедийная ситуация в них достигается не через противоречие и несовместимость, а через иронию, которая определяет специфику пьес драматургов «новой волны».

Как известно, «ирония господствует в сфере сознания» [18, с. 78], основывается на рефлектирующей способности личности осмысливать явления действительности и давать им оценку. По этой причине ирония проявляется тогда, когда рушатся устойчивые представления об отношении личности к миру, что характерно для рубежа XX–XXI вв. В истории эстетической мысли относительно иронии существуют разные точки зрения. Одни исследователи считают иронию видом комического (Л. И. Болдина), другие рассматривают ее вне этой сферы (Г. Н. Пospelов), третьи относят ее к переходной форме между юмором и сатирой (Л. И. Тимофеев), четвертые приходят к выводу о том, что ирония – это «вторичная форма», которая может «базироваться как на сатирическом, так и на юмористическом типе комедийного отношения» [19, с. 152]. Автор настоящей статьи исходит из того, что ирония, являясь видом комического, влияет на жанровую структуру комедии, придает ей ярко выраженную критическую направленность. Как и сатира, ирония обладает диалектикой отрицания: она утверждает духовные ценности через разоблачение действительности. В отличие от юмора она «утверждает несоответствие между идеей и действительностью» [20, с. 194]. Важные качества иронии отметил Ф. Шлегель, который пришел к выводу о том, что ирония не только «подсмеивается над всем миром», но в ней «все должно быть шуткой и все всерьез» [21, с. 286–287].

В пьесе, в которой ярко выражена ирония, комическое достигается в основном за счет авторского отношения к объекту через подчеркивание его несостоятельности. По этой причине Платон определял иронию как жизненную позицию. Автор выстраивает ироническую систему, комплекс взаимоотрицающих и взаимоутверждающих оценок, исключая только отрицательное или только положительное утверждение, однолинейное отношение к герою. Следуя такой установке, драматург использует

особую систему средств и приемов для выражения авторской позиции, рассчитанной на сознательное и активное восприятие читателя (зрителя), с которым он вступает в скрытый диалог, своеобразное соавторство, надеясь на распознавание и расшифровку скрытых смыслов.

Такая близость иронии и юмора заложена в жанровой природе мистической комедии белорусского драматурга В. Ольховской «Трикстер клуб» (2018). В творчестве этого автора мистика является неотъемлемой составляющей художественного кода как прозы, так и драматургии. Мистика связана с таинственностью, духами, что придает атмосфере пьесы необычный, интригующий характер, помогает писателю решить сложные ситуации с помощью потусторонней силы.

В. Ольховская выстраивает сюжет комедии «Трикстер клуб» на эксперименте гротескного плана (в тело Психолога внедряется Трикстер), что не противоречит комедийному канону. Прием *qui pro quo* способствует комическому разоблачению персонажей, позволяет драматургу манипулировать ими. Контрастное сочетание характеристик Психолога (добрый, интеллигентный человек) и Трикстера (наглый, бесцеремонный, равнодушный к чужим чувствам, прямолинейный и циничный дух обмана, плутовства и интриг) проявляется в комических мизансценах, пронизанных иронией. Образы пациентов, которые из деструктивных личностей превращаются в позитивных, также не лишены иронии. Автор реанимирует тип комедии советского периода, в которой отрицательные персонажи исправляются.

Умело используя возможности жанра и его приемов, В. Ольховская выстроила сюжет, в котором раскрывается проблема, давно волнующая современное общество, дала ответ на вопрос «Кто виноват?». Драматург приходит к выводу о том, что не надо винить в своих несчастьях окружающих, необходимо изменить себя. В этом плане пьесы «Трикстер клуб» В. Ольховской созвучна комедии «Солнечная линия» И. Вырыпаева, так как в обоих произведениях исследуется проблема отношений молодых людей, находящихся в кризисной ситуации. Эпиграфом к пьесе В. Ольховской могут быть слова одного из ее персонажей: *У каждого есть шанс сломать свою жизнь – но есть и власть ее починить. Склеить можно даже самые мелкие осколки, но только если признать, что вещь разбита* [22].

В персонажах пьесы «Трикстер клуб» одновременно сочетаются комизм и драматизм. Герои представляют собой типы молодых людей современного социума. Так, Ольга – одна из тех, кто *много хочет, мало может, но на все претендует* [22]. Закончив университет с красным дипломом и получив профессию экономиста, она пыталась добиться успеха в жизни, но надела маску бунтаря или несчастного человека, придумав себе депрессию, чтобы быть интересной в своей среде.

С проблемой в семье пришла к психологу Света – жена программиста, не знающая, как поступить с домашним тираном. Максим – журналист, Чайльд Гарольд нового времени: умный, образованный, циничный человек, отрицающий привычные ценности, но лишенный творческих способностей. Он довольствуется тем, что воюет с миром через написание злобных текстов в интернете. Руководствуясь принципом разоблачения политиков, чиновников, бизнесменов и уголовников, Максим решил создать и опубликовать статью о психологах, которые не лечат людей, а вымогают у них деньги, но потерпел фиаско. Не менее оригинален и сам Психолог – фанатик работы, забывший семью.

В. Ольховская средствами комедии высмеяла молодых людей, страдающих общей болезнью – безответственностью. У одних героев нет смелости принимать самостоятельные решения, у других виноваты все, кроме них самих, у третьих не хватает силы воли измениться, у четвертых работа заняла все жизненное пространство. Все они нуждаются в помощи Психолога, который не может помочь даже себе самому. В этом проявляется суть **комического противоречия** пьесы. Только Трикстер – плут и обманщик – смог излечить героев, вывести их из заблуждений относительно самих себя, указать им путь обретения счастья.

В создании психологического метода Трикстера (своеобразного психоанализа) драматург прибегает к приемам мистики. Так, Оленьку герой превратил в герань, чтобы она задумалась над собственной жизнью и перестала быть похожей на растение. Свете он помог правильно понять истинное положение вещей и, сделав ее мужа невидимым, разоблачил его моральное уродство. Это заставило Евгения по-новому посмотреть на свою жену. Комическая метаморфоза произошла также с Максимом: вместо критической статьи о психологе журналист выслал редактору текст про фалафель. Трикстер испытывает Максима, предлагая ему поцеловать герань, стоящую в приемной. Каждому герою пришлось побороть себя: муж Светы преодолел комплекс Наполеона, научился ценить то, что ему каким-то чудом досталось, Оленька перестала тихо зеленеть, Макс поднялся «со дна», победил одиночество.

В развязке пьесы достигается комический эффект. Трикстер говорит Психологу, что вселился в него не для того, чтобы дать советы его пациентам, а для того, чтобы Психолог понял главное: он разрушил свою семью, забыл детей и жену (ему неловко *взять и вернуться к ним, проще ночевать в позе страдающего червяка на кушетке* [22]). В итоге Психолог понял смысл жизни и свое предназначение в ней.

Мистика В. Ольховской генетически связана с традицией М. А. Булгакова (идея о том, что зло творит добро). В данном случае Трикстер (дух зла) вселяется в Психолога и помогает пациентам найти при-

чину неудовлетворенности своей жизнью. В. Ольховская трансформирует конфликт пьесы: Психолог и Трикстер меняются местами и в финале произведения приходят к примирению. Важно, что комедия «Трикстер клуб» возвращает в литературу тип комического героя, способного стать положительным. Смех, при помощи которого критикуются молодые люди, оказавшиеся под прессингом постсоветского времени, излечивает их на глазах у зрителей. Ирония пронизывает сюжетную основу комедии, помогает драматургу разоблачить несовершенство человека.

Активный импульс иронии проявился также в постмодернистских пьесах «Мужская зона» Л. Петрушевской, «Облом-off» М. Угарова, «Мертвые уши, или Новейшая история туалетной бумаги» О. Богаева и др. В данных произведениях ирония является ключевым приемом. Способность иронического сознания увидеть противоречие в его диалектическом единстве позволила драматургам совместить в комедийном действии пьесы комическое и трагическое, высокое и низкое, реальное и фантастическое. Негативные явления постсоветской действительности стали объектом не столько комедии, сколько драмы («Культурный слой» братьев Дурненковых, «Кислород» И. Вырыпаева, «Дзюдо» М. Дурненкова, «Титий безупречный» М. Курочкина и др.), изобилующей насилием и жестокостью. «Смеховой аспект этих пьес опирается на традицию “безжалостного смеха” (А. Арто). Комедийный “пароксизм” выстроен на смехотворной сущности человека, трагической в своей основе» [1, с. 34]. По мнению М. Ю. Угарова, «абсурд и гротеск сегодня – нормы общественной жизни, а не художественные приемы» [23, с. 185]. Зло подобного рода – предмет комически безобразного, которое следует обличать и разоблачать средствами сатиры, а не юмора.

Особое значение в новейшей комедии приобрел катарсис – аффект, возникающий в результате столкновения противоречий. Катарсическая реакция предполагает двойственное восприятие образа, в котором ради преодоления внутреннего диссонанса аккумулируются столкновение эмоций, дисгармония, ужас и отвращение. Подобный катарсис генетически восходит к драмам А. Жарри и А. Арто, глубоко повлиявших на формирование определенной тенденции в современной драме. Особенность данной тенденции состоит в том, что драматическое действие начинает проявляться через деструкцию и профанацию действительности, благодаря чему оно приобретает комическую характеристику. Комическое начало является видовым отличием такой драмы, что, однако, не исключает его контаминации с трагическим началом. Речь идет не о жанре трагикомедии, а о равновесном сосуществовании в драматическом произведении двух начал, которое исключает трагикомический синтез. Трагикомедия становится периферийным жанром, «умирает за ненужностью» [24, с. 216]. Молодые драматурги опираются на традицию жестокого смеха. Новая модель катарсиса модернизируется: в качестве рецептивного эффекта выступает не страх, а жестокий, бездушный смех. Жестокая комедийность, комедийный пароксизм, разрушение стереотипов восприятия реальности через приемы комического направлены на раскрытие смехотворной сущности трагедии человека. Пьесы являются смешными и ужасными одновременно. Этот процесс обусловил не только соединение в драматургическом произведении разных видов комического, но и связь в нем комического, трагического и драматического начал. В конце XX в. корреляция трагического и комического начал проявилась парадоксально. Трагическое начало, с одной стороны, ушло в подтекст, а с другой стороны, трансформировалось, утратило классическое значение. Категория трагического не только аккумулировалась в ярко выраженное зло, но и стала граничить с добром. Так произошло в пьесе «Зернохранилище» Н. А. Ворожбит, в которой трагическое и лубочное комическое начала сочетаются.

Заключение

В начале XXI в. в русской и белорусской драматургии усилилось влияние драмы на комедию, проявилась активная **интеграция комического, драматического и трагического начал**. Комическое и драматическое начала синтезировались, а трагическое начало ушло в подтекст. Комическое начало выражается в противоречии, заложенном в идейно-эстетической концепции несоответствия желаемого и истинного, логики и антилогики, не исключает контаминации с трагическим началом. Речь идет не о жанре трагикомедии, а о равновесном сосуществовании в драматическом произведении двух начал, которое исключает трагикомический синтез. Об уходе трагического начала в подтекст свидетельствуют пьесы как русских (И. Вырыпаев, И. Васильковская, С. Решетников и др.), так и белорусских (П. Пряжко, В. Ольховская, Н. Рудковский и др.) драматургов. В соответствии с этим процессом изменились характер смеха и формы его выражения. Все чаще близость юмора и сатиры определяет бинарный характер смеха, аккумулирует в нем новые качества, при этом его сатирическая острота снижается.

Комический герой претерпел изменения и стал драматически-комическим. Автор остро критикует его, что присуще сатире. Так, драма жизни становится грустной комедией («Бедные люди, блин»

С. Решетникова). В связи с этим комедия все чаще имеет открытый финал, что свойственно драме. Особую роль играет подтекст, несущий тревогу («Рэп ми» И. Васьковской).

Ирония, через которую диктуется необходимость критической переоценки прежних социальных, идеологических, этических и эстетических идеалов, приобрела огромную силу и стала одним из эстетических принципов, нашедших свою реализацию в современной комедиографии.

Особую роль в новейшей комедии играет катарсис. Катарсическая реакция базируется на диссонансной эстетике комического **безобразного**. Драматическое начало проявляется через деструкцию и профанацию действительности, благодаря чему оно приобретает комическую характеристику.

Закономерно влияние на комедию «новой драмы», для которой характерны анормативность, фрагментарность структуры и ненормативная лексика. Продолжаются процессы жанрового взаимодействия и стилистового синтеза, что затрудняет жанровую атрибуцию драматических произведений.

Библиографические ссылки

1. Гончарова-Грабовская СЯ. *Современная русская драматургия (конец XX – начало XXI в.)*. Минск: Вышэйшая школа; 2021. 271 с.
2. Тынянов ЮН. *История литературы. Кино*. Москва: Наука; 1977. 574 с.
3. Киселёв НН. *Проблемы советской комедии*. Томск: Издательство Томского университета; 1973. 202 с.
4. Фролов ВВ. *Муза пламенной сатиры. Очерки советской комедиографии (1918–1986)*. Москва: Советский писатель; 1988. 408 с.
5. Штейн АЛ. *Веселое искусство комедии*. Москва: Юридическая литература; 1990. 334 с.
6. Федь НМ. *Искусство комедии*. Москва: Наука; 1978. 216 с.
7. Федь НМ. *Жанры в меняющемся мире*. Москва: Советская Россия; 1989. 544 с.
8. Свербилова ТГ. *Комедии В. В. Маяковского и современная советская драматургия*. Киев: Наукова думка; 1987. 216 с.
9. Нечаева НВ. *Сатирическая комедия и ее разновидности в литературе XX века* [диссертация]. Москва: Московский ордена Ленина, ордена Октябрьской революции и ордена Трудового Красного Знамени государственный университет им. М. В. Ломоносова; 1986. 185 с.
10. Кипинис МИ. *Трагикомедия как жанр драматургии. Генезис и особенности развития* [диссертация]. Донецк: Институт литературы имени Т. Г. Шевченко; 1990. 190 с.
11. Гончарова-Грабовская СЯ. *Комедия в русской драматургии конца XX – начала XXI века*. Москва: Флинта; 2006. 280 с. Совместно с издательством «Наука».
12. Хализев ВЕ. *Теория литературы*. Москва: Высшая школа; 1999. 398 с.
13. Николаев ДП. *Смех – оружие сатиры*. Москва: Искусство; 1962. 223 с.
14. Решетников СМ. Бедные люди, блин. *Современная драматургия*. 2007;2:12–28.
15. Пави П. *Словарь театра*. Баженова Л, Вахта И, Васильева О, Горячев А, Иванов С, Разлогова Е и др., переводчики; Разлогов К, редактор. Москва: Прогресс; 1991. 504 с.
16. Болотян ИМ. «Текст» как жанр современной драматургии (на примере творчества Ивана Вырыпаева). В: Трубина ЛА, редактор. *Историософия в русской литературе XX и XXI вв.: традиции и новый взгляд. Материалы Международной научно-практической конференции «XI Шеикувские чтения»; 2–3 февраля 2006 г.; Москва, Россия*. Москва: Московский городской педагогический университет; 2007. с. 130–134.
17. Вырыпаев ИА. *Солнечная линия*. В: Вырыпаев ИА. *Пьесы*. Москва: Три квадрата; 2018. 558 с.
18. Лосев АФ. *История античной эстетики*. Москва: Искусство; 1977. 850 с.
19. Бореев ЮБ. *О комическом*. Москва: Искусство; 1957. 275 с.
20. Киркегор С. О понятии иронии. *Логос. Философско-литературный журнал*. 1993;4:176–199.
21. Шлегель Ф. *Эстетика. Философия. Критика. Том 1*. Попов ЮН, переводчик. Москва: Искусство; 1983. 448 с.
22. Ольховская В. Трикстер клуб [Интернет]. 2018 [процитировано 16 февраля 2022 г.]. Доступно по: <https://olhovskaya.ru/plays/трикстер-клуб/>.
23. Сердечная В. Легкое дыхание юной драмы. *Современная драматургия*. 2018;1:185–187.
24. Журчева ТВ. Жанровые искания в новейшей драматургии: конец трагикомедии (постановка проблемы). В: Гончарова-Грабовская СЯ, редактор. *Русская и белорусская литературы на рубеже XX–XXI веков. Часть 2*. Минск: РИВШ; 2010. с. 216–223.

References

1. Goncharova-Grabovskaya SYa. *Sovremennaya russkaya dramaturgiya (konets XX – nachalo XXI v.)* [Modern Russian dramaturgy (late 20th – early 21st century)]. Minsk: Vysheishaya shkola; 2021. 271 p. Russian.
2. Tynyanov YuN. *Istoriya literatury. Kino* [History of literature. Cinema]. Moscow: Nauka; 1977. 574 p. Russian.
3. Kiselev NN. *Problemy sovetskoi komedii* [Problems of Soviet comedy]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta; 1973. 202 p. Russian.
4. Frolov VV. *Muza plamennoi satiry. Ocherki sovetskoi komediografii (1918–1986)* [Muse of fiery satire. Essays on Soviet comedyography (1918–1986)]. Moscow: Sovetskii pisatel'; 1988. 408 p. Russian.
5. Shtein AL. *Veseloie iskusstvo komedii* [The fun art of comedy]. Moscow: Yuridicheskaya literatura; 1990. 334 p. Russian.
6. Fed' NM. *Iskusstvo komedii* [The art of comedy]. Moscow: Nauka; 1978. 216 p. Russian.
7. Fed' NM. *Zhanry v menyayushchemsya mire* [Genres in a changing world]. Moscow: Sovetskaya Rossiya; 1989. 544 p. Russian.

8. Sverbilova TG. *Komedii V. V. Mayakovskogo i sovremennaya sovetskaya dramaturgiya* [Comedies by V. V. Mayakovsky and modern Soviet dramaturgy]. Kyiv: Naukova dumka; 1987. 216 p. Russian.
9. Nechaeva NV. *Satiricheskaya komediya i ee raznovidnosti v literature XX veka* [Satirical comedy and its varieties in the literature of the 20th century] [dissertation]. Moscow: M. V. Lomonosov Moscow State University of the Order of Lenin and the Order of the Red Banner of Labour; 1986. 185 p. Russian.
10. Kipnis MI. *Tragikomediya kak zhanr dramaturgii. Genezis i osobennosti razvitiya* [Tragicomedy as a genre of dramaturgy. Genesis and features of development] [dissertation]. Donetsk: Institut literatury imeni T. G. Shevchenko; 1990. 190 p.
11. Goncharova-Grabovskaya SYa. *Komediya v russkoi dramaturgii kontsa XX – nachala XXI veka* [Comedy in Russian drama of the late 20th – early 21st century]. Moscow: Flinta; 2006. 280 p. Co-published by «Nauka». Russian.
12. Khalizev VE. *Teoriya literatury* [Theory of literature]. Moscow: Vysshaya shkola; 1999. 398 p. Russian.
13. Nikolaev DP. *Smekh – oruzhie satiry* [Laughter is a weapon of satire]. Moscow: Iskusstvo; 1962. 223 p. Russian.
14. Reshetnikov SM. [Poor people, damn it]. *Sovremennaya dramaturgiya*. 2007;2:12–28. Russian.
15. Pavis P. *Dictionnaire du theatre*. Paris: Messidor; 1987. 185 p.
- Russian edition: Pavi P. *Slovar' teatra*. Bazhenova L, Vakhta I, Vasil'eva O, Goryachev A, Ivanov S, Razlogova E, etc., translators; Razlogov K, editor. Moscow: Progress; 1991. 504 p.
16. Bolotyan IM. [«Text» as a genre of modern drama (on the example of Ivan Vyrypaev's creativity)]. In: Trubina LA, editor. *Istoriografiya v russkoi literature XX i XXI vv.: traditsii i novyi vzglyad. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «XI Sheshukovskie chteniya»; 2–3 fevralya 2006 g.; Moskva, Rossiya* [Historiography in Russian literature of the 20th and 21st centuries: traditions and a new look. Materials of the International scientific and practical conference «11th Sheshukov readings»; 2006 February 2–3; Moscow, Russia]. Moscow: Moscow City University; 2007. p. 130–134. Russian.
17. Vyrypaev IA. [Solar line]. In: Vyrypaev IA. *P'esy* [Plays]. Moscow: Tri kvadrata; 2018. 558 p. Russian.
18. Losev AF. *Istoriya antichnoi estetiki* [The history of ancient aesthetics]. Moscow: Iskusstvo; 1977. 850 p. Russian.
19. Boreev YuB. *O komicheskom* [About the comic]. Moscow: Iskusstvo; 1957. 275 p. Russian.
20. Kierlgegaard S. On the concept of irony. *Logos. Philosophical and Literary Journal*. 1993;4:176–199. Russian.
21. Shlegel' F. *Estetika. Filosofiya. Kritika. Tom 1* [Aesthetics. Philosophy. Criticism. Volume 1]. Popov YuN, translator. Moscow: Iskusstvo; 1983. 448 p. Russian.
22. Ol'khovskaya V. Trickster club [Internet]. 2018 [cited 2022 February 16]. Available from: <https://olhovskaya.ru/plays/трикстер-клуб/>. Russian.
23. Serdechnaya V. [A light breath of young drama]. *Sovremennaya dramaturgiya*. 2018;1:185–187. Russian.
24. Zhurcheva TV. [Genre searches in the latest drama: the end of tragicomedy (problem statement)]. In: Goncharova-Grabovskaya SYa, editor. *Russkaya i belorusskaya literatury na rubezhe XX–XXI vekov. Chast' 2* [Russian and Belarusian literature at the turn of the 20th – 21st centuries. Part 2]. Minsk: RIVSH; 2010. p. 216–223. Russian.

Статья поступила в редколлегию 18.04.2022.
Received by the editorial board 18.04.2022.

ФАКТ И ФАКТОГРАФИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ В БЕЛОРУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ДИСКУРСЕ

О. Н. ГУБСКАЯ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Беларусь

Затрагивается вопрос коммуникативной природы литературного текста, представлены основные приемы нарратологического анализа, способствующие раскрытию литературного произведения как акта коммуникации. При этом подчеркивается, что коммуникативное событие, а соответственно, и использованные стратегии коммуникации шире нарративного события произведения и стратегий наррации. С опорой на литературоведческие труды М. М. Бахтина, Ю. М. Лотмана, В. И. Тюпы разработан алгоритм исследования литературного произведения, который позволяет анализировать как дискурсивные, так и нарративные уровни текста. Отмечается, что в конце XX в. в белорусской литературе формируется новая нарративная практика обработки факта без необходимости введения его в дискурс художественного слова, без иносказательности в освещении событий. Именно во времена перестройки дневниковый нарратив, внимание к факту как самодостаточному литературному элементу стали доминантными направлениями творческого процесса. Возникают основания утверждать, что сформировалась белорусская литература факта – самобытное явление национальной литературы. Понятие выступает гиперонимом к такому термину-гипониму из отрасли поэтики в литературоведении, как эзопов язык. Для иллюстрации понятия «белорусская литература факта» используется произведение Янки Брыля «Мундштук и папка». Отмечается, что для раскрытия факта писатель создает трехмерное пространство. Во-первых, он пропускает реальный факт через восприятие я-нарратора, максимально приближенного к реальному автору, таким образом реальный факт становится предметом наррации. Во-вторых, Я. Брыль раскрывает этот факт не только через призму своего восприятия, но и формирует вокруг него мы-наррацию, что дает панорамность в освещении события. В-третьих, писатель сталкивает внешний и внутренний хронотопы произведения, демонстрирующие восприятие события во времени.

Ключевые слова: факт; белорусская литература факта; нарратология; я-нарратор; мы-наррация; интенциональность; литературная коммуникация.

ФАКТ І ФАКТАГРАФІЧНЫ НАРАТЫЎ У БЕЛАРУСКІМ ЛІТАРАТУРНЫМ ДЫСКУРСЕ

В. М. ГУБСКАЯ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны эканамічны ўніверсітэт, пр. Партызанскі, 26, 220070, г. Мінск, Беларусь

Закранаецца пытанне камунікатыўнай прыроды літаратурнага тэксту, акрэсліваюцца асноўныя прыёмы нараталагічнага аналізу, якія спрыяюць раскрыццю літаратурнага твора як акта камунікацыі. Пры гэтым падкрэсліваецца, што камунікатыўная падзея, а адпаведна, і скарыстаныя стратэгіі камунікацыі, шырэй за наратыўную падзею твора і стратэгіі нарацыі. З апорай на літаратуразнаўчыя працы М. М. Бахціна, Ю. М. Лотмана, В. І. Цюпы распрацаваны алгарытм даследавання літаратурнага твора, які дае магчымасць аналізаваць як

Образец цитирования:

Губская ВМ. Факт і фактаграфічны наратыў у беларускім літаратурным дыскурсе. *Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія*. 2022;2:52–62.

For citation:

Gubskaya ON. Fact and factual narrative in the Belarusian literary discourse. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;2:52–62. Belarusian.

Автор:

Ольга Николаевна Губская – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой белорусского и русского языков факультета международных бизнес-коммуникаций.

Author:

Olga N. Gubskaya, PhD (philology), docent; head of the department of Belarusian and Russian languages, faculty of international business communications.
o_gubskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8066-4207>

дыскурсіўныя, так і наратыўныя ўзроўні тэксту. Адзначаецца, што ў канцы XX ст. у беларускай літаратуры фарміруецца новая наратыўная практыка апрацоўкі факта без неабходнасці ўвядзення яго ў дыкурс мастацкага слова, без іншасказальнасці ў асвятленні падзей. Менавіта ў час перабудовы дзённікавы наратыў, увага да факта як самадастатковага літаратурнага элемента сталі дамінантнымі напрамкамі творчага працэсу. Сфарміравалася беларуская літаратура факта – з’ява самабытная і натуральная. Паняцце выступае гіперонімам да такога тэрміна-гіпоніма з галіны паэтыкі ў літаратуразнаўстве, як эзопава мова. Для ілюстрацыі паняцця «беларуская літаратура факта» выкарыстоўваецца твор Янкі Брыля «Муштук і папка». Адзначаецца, што пісьменнік стварае для раскрыцця факта трохмерную прастору. Па-першае, ён прапускае рэальны факт праз успрыняцце я-наратара, максімальна набліжанага да рэальнага аўтара, такім чынам рэальны факт становіцца прадметам нарацыі. Па-другое, Я. Брыль раскрывае гэты факт не толькі праз прызму свайго ўспрыняцця, але і фарміруе вакол яго *мы*-нарацыю, што спрыяе панарамнаму асвятленню падзеі. Па-трэцяе, пісьменнік сутыкае знешні і ўнутраны хранатопы твора, якія дэманструюць успрыняцце падзеі ў часе.

Ключавыя словы: факт; беларуская літаратура факта; нараталогія; я-наратар; *мы*-нарацыя; інтэнцыянальнасць; літаратурная камунікацыя.

FACT AND FACTUAL NARRATIVE IN THE BELARUSIAN LITERARY DISCOURSE

O. N. GUBSKAYA^a

^aBelarus State Economic University, 26 Partyzanski Avenue, Minsk 220070, Belarus

The article touches upon the issue of the communicative nature of a literary text, presents the main techniques of narratological analysis that contribute to the disclosure of a literary work as an act of communication. At the same time it is emphasised that the communicative event, and, accordingly, the communication strategies used, are broader than the narrative event of the work and narration strategies. Based on the literary works of outstanding scientists M. M. Bakhtin, Yu. M. Lotman, V. I. Tyupa the author of the article suggests an order for the study of a literary work, which analyses both discursive and narrative levels of the text. It is noted that at the end of the 20th century, a new narrative practice of processing a fact was being formed in Belarusian literature, without the need to introduce it into the discourse of an artistic word, without allegorical coverage of events. It was during the perestroika that the diary narrative and attention to fact as a self-sufficient literary element became the dominant directions of the creative process. There are all grounds to assert that the Belarusian literature of fact has been formed and it is an original phenomenon of national literature. The concept acts as a hyperonym to such a term-hyponym from the branch of poetics in literary studies as Aesop's language. As an example of the term «Belarusian literature of fact» the work of Yanka Bryl «Mouthpiece and folder» is used. It is noted that the writer creates a three-dimensional space to reveal the fact. Firstly, he passes the real fact through the perception of the *I*-narrator, as close as possible to the real author, thus the real fact becomes the subject of narration. Secondly, Ya. Bryl reveals this fact not only through the prism of its perception, but also forms a picture around it, that gives panoramic coverage of the event. Thirdly, the writer collides the external and internal chronotopes of the work, demonstrating the perception of an event in time.

Keywords: fact; Belarusian literature of fact; narratology; *I*-narrator; *we*-narration; intentionality; literary communication.

Уводзіны

Успрыняцце літаратурнага працэсу як акта камунікацыі прыцягвае ўвагу даследчыкаў яшчэ з сярэдыны XX ст. Як адзначала Н. Д. Аруцонава, «паміж маўленчымі актамі і пражытым мастацкім тэкстам існуе пэўны паралелізм. Спецыфіка прозы, у адрозненне ад паэзіі, выцякае з камунікацыі. Літаратурнай камунікацыі, як і штодзённым чалавечым зносінам, уласцівы такія прагматычныя параметры, як аўтар прамовы, яго камунікатывная ўстаноўка, адрасат і звязаны з ім перлакутыўны эфект (эстэтычнае ўздзеянне)»¹ [1, с. 365].

Сёння паняцце «літаратурная камунікацыя» набывае міждысцыплінарны характар, аб’ядноўвае інтарэсы літаратуразнаўцаў, лінгвістаў і асабліва неарыторыкаў. У такой сітуацыі менавіта нараталогія, навука, якая разглядае мастацкі тэкст у двух напрамках (як гісторыю аповеду (план зместу) і як непасрэдны працэс аповеду (план выражэння)), набывае асаблівую актуальнасць. Асноўныя палажэнні нараталогіі

¹Тут і далей пераклад наш. – В. Г.

гавораць, што «камунікатыўнае разуменне прыроды літаратуры, уяўленне пра акт мастацкай камунікацыі як пра працэс, які адбываецца адначасова на некалькіх апавядальных узроўнях, пераважная цікавасць да праблемы дыскурсу, тэарэтычнае абгрунтаванне шматлікіх апавядальных інстанцый, якія выступаюць у ролі членаў камунікатыўнага ланцужка, па якім ажыццяўляецца перадача мастацкай інфармацыі ад пісьменніка да чытача» [2, с. 282], дазваляюць разглядаць літаратурны тэкст у новым вымярэнні. Пры гэтым варта адзначыць, што нараталагічная школа, так званая школа новага вымярэння, грунтавалася на сур’ёзным навуковым базісе, закладзеным яшчэ даследаваннямі рускіх фармалістаў У. Пропа (падрабязна вывучаў структуру наратыву чароўных казак) [3], В. Шклоўскага (адзін з першых адначыў неабходнасць размежавання паняццяў «фабула» і «сюжэт» (гэта падштурхнула да вывучэння апаведнай структуры твора), а таксама заявіў пра адсутнасць чыстага жанру) [4, с. 7–20], Б. Эйхенбаума (спрабуе даць адказ на пытанне пра ўзаемасувязь літаратурнага тэксту, аўтарскай свядомасці і рэальнасці (у працы «Як зроблена “Шынель” Гоголя»)) [5, с. 306–326].

Вялікую ролю ў станаўленні нараталогіі адыграла вучэнне М. Бахціна аб прынцыпах дыялагічнасці. Актualізаваныя ім тэарэтычныя пытанні ўзаемасувязі аўтара і героя, часу і хранатопу, падзеі і падзейнасці, карнавалізацыі і смехавай культуры ў літаратурных творах сталі трывалым падмуркам для фарміравання нараталогіі. Так, К. Марару адзначае: «Дзякуючы М. Бахціну і яго акружэнню Ю. Крысцева была першай, хто ўвёў тэрмін “інтэртэкстуальнасць”, настойваючы на тым, што “тэкст – гэта прадуктыўнасць, перастаноўка тэкстаў, інтэртэкстуальнасць: у прасторы тэксту некалькі выказванняў, узятых з іншых тэкстаў, узаемна перасякаюцца і нейтралізуюцца» [6, р. 367].

Значны ўнёсак у развіццё нараталогіі зрабіў і Б. Успенскі. У кнізе «Семіётыка мастацтва» [7] ён сканцэнтраванна ўвагу на паняцці «пункт гледжання», адначыўшы чатыры планы яго праяўлення: план ідэалогіі, план фразеалогіі, план прасторава-часовай характарыстыкі і план псіхалогіі. Гэта тэорыя была высока ацэнена В. Шмідам, які адначыў, што «...Успенскі зрабіў каштоўны ўнёсак у нараталогію, паставіўшы пытанне пра пункт гледжання як з’яву шматпланавую. Яго тэорыя дала штуршок для ўзнікнення іншых шматузроўневых мадэлей» [8, с. 109]. Відавочна, што і фармалісты, і семіётыкі, і нараталагі імкнуліся выйсці за межы класічнага прачытання тэксту, дакладна ўяўляючы яго камунікатыўную прыроду і наяўны патэнцыял унутрытэкставых і пазатэкставых сувязей.

Вынікі і іх абмеркаванне

Разглядаючы камунікатыўную прыроду літаратурнага тэксту, важна ўсвядоміць механізм узнікнення імпліцытнага дыялогу паміж аўтарам і чытачом, гэта значыць раскрыць тыя наратыўныя стратэгіі і тактыкі, якія даносяць аўтарскую канцэпцыю да разумення чытача і могуць пабудзіць яго да рэфлексіі. Пры гэтым трэба дакладна ўсведамляць асноўныя прыёмы нараталагічнага аналізу, што спрыяюць раскрыццю літаратурнага твора як акта камунікацыі. Прапанаваны ніжэй парадак даследавання літаратурнага тэксту сфарміраваны з апорай на літаратуразнаўчыя працы выбітных навукоўцаў М. Бахціна [9], Ю. Лотмана [10], В. Цюпы [11].

Па-першае, трэба размяжоўваць ролю і функцыі рэальнага пісьменніка, абстрактнага аўтара і наратара ў творы. В. Цюпа сцвярджае: «Рэалізатарам стратэгічнага выбару выступае біяграфічны аўтар. <...> Прынцыповай асаблівасцю наратыўнай стратэгіі з’яўляецца яе суаднесенасць не з самім наратарам, у якога можа быць выяўлена некаторая тактыка аповеду, а з імпліцытнай фігурай “абстрактнага” аўтара. <...> Стратэгічны выбар заключаецца ў пазіцыянаванні кагнітыўным суб’ектам камунікацыі (аўтарам) вербальнага суб’екта (наратара) адносна аб’ектаў і рэцыпіентаў аповеду» [11, с. 13–14]. Па сутнасці, тут выкладзены алгарытм успрымання літаратурнага твора як камунікатыўнай падзеі, дзе аўтар лічыцца кагнітыўным, а наратар – вербальным суб’ектам камунікацыі.

Па-другое, трэба адрозніваць паняцці «камунікатыўная стратэгія» і «наратыўная стратэгія». Нягледзячы на тое што тэрміны запазычаны ў неарыторыкаў, яны з’яўляюцца выдатным інструментам і для структурнага, і для семіятычнага аналізу літаратурнага твора. Адрозненне адначым, што ў літаратуразнаўчым дыскурсе камунікатыўная стратэгія – паняцце больш шырокае, чым наратыўная стратэгія. Знешні, пазатэкставы камунікатаўны намер аўтара выяўляецца ва ўнутрытэкставай камунікацыі, якая існуе на двух узроўнях: узроўні мастацкай (выдуманай) камунікацыі паміж наратарам і адрасатам і ўзроўні ўзаемадзеяння персанажаў. Гэта значыць, што камунікатыўны намер рэальнага пісьменніка актуалізуе нараталагічны ланцужок *рэальны аўтар – аўтар – наратар*.

Відавочна, права выбару камунікатыўнай стратэгіі належыць рэальнаму аўтару твора, пры гэтым форма аўтарства, як адзначае М. Бахцін, «...залежыць ад жанру выказвання. Жанр, у сваю чаргу, вызначаецца прадметам, мэтай і сітуацыяй выказвання» [9, с. 371]. Такім чынам, жанр – гэта тэкставая рэалізацыя абранай біяграфічным аўтарам камунікатыўнай стратэгіі, ці, як адзначае В. Цюпа, «гістарычна прадуктыўны тып выказвання, які рэалізуе некаторую камунікатыўную стратэгію дадзенага дыскур-

су» [11, с. 10]. Наратыўная стратэгія – гэта прэрагатыва абстрактнага аўтара, выбар якога фарміруецца ў залежнасці ад інтэнцыянальнасці і тыпу чытацкай аўдыторыі, якой адрасаваны твор.

Такім чынам, біяграфічны аўтар, плануючы інтэнцыянальнасць твора і прагназуючы рэфлексію, ставіць перад сабой прагматычную задачу выбару камунікатыўнай стратэгіі (гаворка вядзецца пра жанр). Дарэчы, трэба адзначыць, што некаторыя літаратурныя творы трапляюць да чытача адразу з аўтарскай пазнакай, напрыклад «Сповідзь» Л. Геніюш, «На імперыялістычнай вайне» (Запіскі салдата 2-й батарэі Н-скай артылерыйскай брыгады Лявона Задумы) М. Гарэцкага, «Жыццёвы меланж» Р. Гарэцкага, «Свае старонкі» Янкі Брыля, «Роздум на апошнім перагоне» І. Шамякіна, «Сечка» А. Федарэнкі, «Радзіва “Прудок”» А. Горвата. Як тэарэтычна вызначыць такую камунікатыўную скіраванасць да чытача? Тут варта ўзяць пад увагу меркаванне В. Цюпы: «*Вынаходству падлягаюць толькі знешнія формы выражэння (прыёмы) або тактыкі паводзін* (у тым ліку камунікатыўных), але не стратэгіі. У процівагу тактыцы, якая фарміруецца і кіруецца самім дзеячам, *стратэгія абіраецца*. Пасля чаго *свабодна абраная стратэгія абмяжоўвае дзеяча*, навязвае яму базавыя параметры яго камунікатыўных паводзін (думка пра пэўнага кшталту ўладу дыскурсу над тым, хто гаворыць або піша, стала ўжо агульным месцам сучаснай рыторыкі)»² [12, с. 26].

Значыць, згаданыя вышэй аўтарскія пазнакі *сечка, меланж, радзіва, роздум, запіскі, свае старонкі* – гэта тыя самыя знешнія формы выражэння (прыёмы), тактыка аўтарскіх паводзін, сутнасць якой у адкрытым абвешчэнні наратыўнай стратэгіі пры абранай камунікатыўнай стратэгіі (жанры) як асноўным прынцыпе дзейнасці (у нашым выпадку творчасці). Аанасаванне праз аўтарскую пазнаку – гэта тактычны прыём камунікацыі яшчэ біяграфічнага аўтара, скіраваны на абвешчэнне логікі ў пабудове літаратурнага твора.

Інакш кажучы, жанр дзённікавых запісаў як абраная камунікатыўная стратэгія названых аўтараў рэалізуецца праз індывідуальную для кожнага пісьменніка наратыўную стратэгію. Для гэтага аўтар надзявае на сябе неабходную маску, вымушаючы чытача такім чынам стаць удзельнікам пэўнай гульні. Такі працэс выдатна апісаў М. Бахцін: «Аўтарская форма пісьменніка стала прафесійнай і разбілася на жанравыя разнавіднасці (раманіст, лірык, камедыёграф, одапісец і г. д.). Формы аўтарства могуць быць узурпіраванымі і ўмоўнымі. Напрыклад, раманіст можа засвоіць тон жраца, прарака, судзі, настаўніка, прапаведніка (спавядальніка) і г. д.» [9, с. 371]. Пры гэтым трэба дакладна разумець, што і «адрасат, як і той, хто гаворыць, уступае ў камунікацыю не як глабальная асоба, а ў пэўным сваім аспекце, амплуа або функцыі, адпаведнай аспекту таго, хто гаворыць» [1, с. 358], і праз абраную аўтарам тактыку ўвасаблення рэалізуе камунікатыўную стратэгію. Усё гэта сведчыць пра рэцэптыўную кампетэнцыю літаратурнага тэксту, якая праяўляецца з першых старонак праз назву, падзаглавак, эпіграф, змест.

Па-трэцяе, важным момантам пры разглядзе наратыўнай стратэгіі з’яўляецца ўлік двух падзейных аспектаў адзінага выказвання, якія В. Цюпа са спасылкай на М. Бахціна называе наратыўнай карцінай свету і камунікатыўнай інтэнцыяй аповеду [9, с. 14]. Тут варта падкрэсліць неабходнасць размяжоўваць паняцці «карціна свету» ў значэнні ‘пункт гледжання’ і паняцце «наратыўная карціна свету».

М. Лотман выкарыстоўвае паняцце «карціна свету» наступным чынам: «Усялякі тэкст уключаны ў некаторую пазатэкставую структуру, самы абстракты ўзровень якой можна вызначыць як “тып светапогляду”, “карціна свету” ці “мадэль культуры”» [10, с. 323]. Пры гэтым ён звяртае ўвагу на тое, што «рэдка з элементаў мастацкай структуры так непасрэдна звязаны з задачай пабудовы карціны свету, як “пункт гледжання”» [10, с. 322]. З гэтага можна зрабіць выснову, што карціна свету выходзіць за межы літаратурнага тэксту. Гэта, па сутнасці, пункт гледжання пісьменніка, аўтарская карціна ўспрынятай ім рэчаіснасці, якая адлюстроўваецца не толькі праз унутрытэкставыя наратыўныя стратэгіі, але і рэалізуецца праз камунікатыўную стратэгію, а таксама некаторыя метатэкставыя адзінкі. В. Цюпа вельмі падрабязна разглядае паняцце «наратыўная карціна свету», якое вызначае прыроду падзейнасці ў апавядальным свеце і з’яўляецца фундаментам для наратыўнай стратэгіі. Для раскрыцця сутнасці гэтай унутрытэкставай з’явы ён карыстаецца таксама тэрмінам «этас» – праектаваны «стан атрымальніка, які ўзнікае ў выніку ўздзеяння на яго пэўнага паведамлення» [11, с. 14], а затым яшчэ ўводзіць тэрмін «этас наратыўнага дыскурсу», што актуалізуе магчымасці праз нарацыю фарміраваць «гатоўнасць таго, хто слухае, рухацца да каштоўнаснага гарызонту таго, хто гаворыць» [11, с. 15]. Важна падкрэсліць, што наратыўныя стратэгіі, на думку даследчыка, не з’яўляюцца пазачасавымі, а наадварот, звязаныя з перыядамі культурнай эвалюцыі і развіццём паняццёвага мыслення. У адпаведнасці з такой канцэпцыяй В. Цюпа вылучае чатыры тыпы наратыўнай карціны свету:

- прэцэдэнтная (выражаецца праз наратыўную стратэгію казкі, міфа і актуалізуе этас ураўнаважанасці, спакою);
- імператыўная (выражаецца праз наратыўную стратэгію прытчы і актуалізуе этас абавязальнасці);

²Тут і далей курсіў у цытатах наш. – В. Г.

- аказіянальная (выражаецца праз наратыўную стратэгію аванцюрнага рамана і актуалізуе этас самаактуальнасці);
- верагодная (выражаецца праз наратыўную стратэгію класічнага рамана і актуалізуе этас салідарнасці) [11, с. 14–18].

Такім чынам, у якасці інструмента для наратыўнага даследавання літаратурнага твора і вывучэння яго як акта камунікацыі мы будзем карыстацца паняццем «карціна свету» (у значэнні «пункт гледжання пісьменніка») для ўсведамлення сувязі рэальнага аўтара з рэчаіснасцю і паняццем «наратыўная карціна свету» для разгляду наратыўных стратэгій і ўнутрытэкставых аўтарскіх устаноў.

У цэлым літаратурны твор дэманструе самабытную, аўтарскую мадэль засваення свету. Такую мадэль фарміруе пісьменнік у сваім тэксце падчас пераасэнсавання як гістарычных фактаў, так і падзей уласнага жыцця. У беларускай літаратуры асабліва цікаваць да фактаў як асновастваральных элементаў літаратурнага твора, функцыянальна адпаведных мастацкім вобразам, праявілася яшчэ ў пачатку ХХ ст. Так, факт як наратыў быў упершыню выдатна прадстаўлены ў дакументальна-аўтабіяграфічнай кнізе М. Гарэцкага «На імперыялістычнай вайне» (1926).

Задума карыстацца фактам як трыгерам унутрытэкставых падзей – вельмі ўдалая рэалізацыя арыгінальнай камунікатыўнай стратэгіі. Гэта той тактычны прыём, які забяспечвае збліжэнне з чытачом і цалкам рэалізуе камунікатыўныя патрэбы біяграфічнага аўтара. Выбар такой тактыкі дэманструе жаданне аўтара зрабіць з чытача суразмоўцу і актуалізуе этас салідарнасці, «рэцэптыўнай устаноўкі на аналагічную аўтарскай далучанасць да выкладзенай падзеі: не падпарадкаванне і дубліраванне, але яднанне двух раўназначных, не супадпарадкаваных свядомасцей» [9, с. 18]. І гэта вельмі ўдалы тактычны ход: аўтар і чытач у такім выпадку знаходзяцца на адным узроўні інфармацыйнай дасведчанасці, што фарміруе магчымасць дыялагічнага ўспрымання рэчаіснасці. Як адзначаў Ю. Лотман, «мастацкая камунікацыя мае адну цікавую асаблівасць: звычайныя віды сувязі ведаюць толькі два выпадкі адносінаў паведамлення на ўваходзе і выхадзе канала сувязі – супадзенне і несупадзенне» [10, с. 34]. Відавочна, што згаданая вышэй стратэгія з абсалютнай упэўненасцю можа называцца паспяховай.

У канцы ХХ ст. у беларускай літаратуры сфарміравалася новая наратыўная практыка апрацоўкі факта без неабходнасці ўвядзення яго ў дыскурс мастацкага слова, без іншасказальнасці ў асвятленні. Узнікае патрэба прамога, адкрытага выказвання. Як адзначае В. М. Стральцова, «грамадска-палітычны кантэкст канца 80-х – пачатку 90-х гадоў ХХ ст. (разбурэнне сацыялістычнай сістэмы, працэсы дэмакратызацыі і г. д.) стварыў надзвычай спрыяльныя ўмовы для развіцця літаратуры, дзе на першы план выходзіць асобны аўтарскі пачатак. Значная колькасць пісьменніцкіх дзённікаў і мемуараў, эпістальярных публікацый і нататак, лірычных мініячюр і запісаў, якія выйшлі з друку на працягу постперабудовачнага дзесяцігоддзя, дае падставы меркаваць, што наспела пільная неабходнасць асэнсавання гэту літаратурную сітуацыю як з'яву эстэтычнага, псіхалагічнага, гісторыка-літаратурнага характару»³.

Польская даследчыца А. Альштынюк выказвае аналагічнае меркаванне: «Як вядома, сацыяльна-палітычныя абставіны ў пасляваенным Савецкім Саюзе ніякім чынам не спрыялі развіццю спавядальнай літаратуры. І толькі пасля развенчвання культу асобы Сталіна ў другой палове пяцідзясятых гадоў адкрытасць і шчырасць у асэнсаванні знешніх падзей, унутранага жыцця асобы, аўтабіяграфізм занялі нарэшце ў літаратуры сваё належнае месца. Прынамсі, многія пісьменнікі нібы набылі новае дыханне» [13, с. 119].

Яшчэ адным гістарычным этапам, калі беларускія літаратары адчулі «прыток свежага паветра», сталі 1985–1991 гг. – час перабудовы. Менавіта ў гэты перыяд у беларускай літаратуры дзённікавы наратыў, увага да факта як самадастатковага літаратурнага элемента сталі дамінантнымі напрамкамі творчага працэсу. М. Мушынскі пісаў: «Публікацыя пісьменніцкіх дзённікаў пачалася фактычна з канца 90-х – пачатку новага тысячагоддзя. Яно і зразумела. На такі крок беларуская творчая і мастацкая інтэлігенцыя, якая перажыла трагедыю 30–40-х і пазнейшыя дзесяцігоддзі, магла адважыцца толькі ў новых грамадска-палітычных умовах» [14, с. 38].

Твор Я. Брыля «Муштук і папка», які мы выкарыстаем для нараталагічнага аналізу фактаграфічнага матэрыялу, упершыню быў апублікаваны ў часопісе «Полымя» ў 1990 г. і ў рэдакцыю газеты «Голас Радзімы» паступіў з такой пазнакай, зробленай прадстаўнікамі рэдакцыі часопіса «Полымя»: «Аповесць Янкі Брыля *нібы гарачае вуголле*» [15, с. 479]. Такі рэкамендацыйны водгук – сведчанне стварэння паспяховай мадэлі камунікацыі праз твор літаратуры, пазнака правільнага прагназавання пісьменнікам чытацкай рэакцыі праз актуалізацыю этасу салідарнасці, бо агульнавядома, што сталінскія рэпрэсіі мелі шырокі размах і, адпаведна, розгалас у грамадстве.

Нагодай для напісання твора стаў рэальны факт з жыцця Я. Брыля: знайшліся доказы бязвіннага пакарання ў сталінскія часы роднага брата пісьменніка Валодзі. «23 сакавіка 1989 года – надзвычайная,

³Стральцова В. М. Беларуская аўтабіяграфічная проза канца ХХ стагоддзя як мастацкая сістэма: аўтарэф. дыс. ... канд. філас. навук: 10.01.08. Мінск: НАН Беларусі, 2000. С. 1.

паваротная дата – уранні з Кіева мне пазваніў знаёмы журналіст, украінскі карэспандэнт “Літэратурной газеты”. <...> Пры эксгумацыі сталінскіх ахвяр, закапаных у Быкаўнянскім лесе, па знойдзеных там рэчах з індывідуальнымі адзнакамі іх уладальнікаў следства здолела ўстанавіць прозвішчы чатырнаццаці бязвінна рэпрэсаваных. Сярод іх – наш Валодзя. На месцы захавання знойдзены муштук з надпісам “Брыль В. А. 16.IX.1973 г.” [15, с. 333–334]. Менавіта гэты самы муштук (а таксама, звязаны з гэтым званок журналіста) і стаў трыгерам, з якога пачынаецца разгортванне нарацыі.

Аўтар адразу абірае і агучвае для чытача камунікатыўную стратэгію праз падзагалолак-маркіроўку («Маленькая сага»), аргументуючы свой выбар наступным чынам: «Сага – ісландскі старадаўні празаічны сказ, аповесць. Слова, можа, і завысокае для нас, нашай вяскова-гарадской ды нізавой сям’і. Зрэшты, калі ў англійскага класіка “Сага пра Фарсайтаў” – твор высокаарыстакратычны, дык “Сага роду” ў майго польскага сябра Рыся Дабравольскага – рабоча-сялянская, аднак яна расказана з належнай годнасцю і парывам. Ёсць і ў мяне ўпэўненасць, якая паўтараецца сяды-тады, што кожная чалавечая сям’я мае права на сагу, як і кожны з людзей на напісанне ўспамінаў» [15, с. 334].

У творы гучыць голас я-наратора, максімальна набліжаны да голасу рэальнага аўтара (у нараталогіі для такой з’явы існуе тэрмін «гомадыягетычны наратар»), які прапускае праз сябе галасы маці, бацькі: «У вёсцы маці расказвала мне, хлапчуку, што ён (брат Валодзя. – В. Г.) быў гарачы і горды» [15, с. 330]. Побач на старонцы змешчаны наступныя словы маці: «Ён быў, мой сыноч, гарачы і горды» [15, с. 331]. Далей у творы Я. Брыль піша: «Гляджу на фота яго (брата Валодзі. – В. Г.), адно з апошніх, ужо, як мне здаецца, з тым сумам у вачах, гляджу найменшы на старэйшага, цяпер старэйшы за яго на паўстагоддзя, і хочацца бацькавым любімым словам сказаць, і я гавару “Толубчик мой!...” І плачу за ўсіх, за бацькоў, за сясцёр і братоў» [15, с. 380].

Дакладна адчуваецца наяўнасць знешняга і ўнутранага хранатопаў. Аўтар каменціруе свае рэальныя дзеянні (актыўнасць канкрэтнага моманту) для аповеду пра здарэнні мінулага: «Усмешка ў мяне. Ад таго, што нядаўна расказваў Шура, Ігнатаў адзіны сын, на шэсць месяцаў маладзейшы за мяне пляменнік. З бацькавых слоў успомніў ён, як тыя два выпускнікі местачковага вучылішча пайшлі ў Адэсу на славу-ты базар Прывоз, а там купілі “сініх”, баклажанаў, вельмі ж смачных з выгляду, і паспыталі іх на хаду, і ўпотаі папляваліся. <...> Яшчэ раз успомніўся кампас у маім палоне: як хітра мы з сябрам схавалі яго перад вобыскам у бараку – загарнулі ў шматок бруднай газеціны і кінулі каля лагернай “лятрыны”, так сказаць, адкрытай прыбіральні, даўжэзнай яміны з жэрдкамі на слупках, для доўтага, натужнага сядзення галодных нявольнікаў. <...> Вось я чытаю пра допыты, пакуты, стойкасць і ламанне і ўвесь час міжволі думаю пра свайго. Ён трымаўся чатыры месяцы. Ён быў, як маці казала, “гарачы і горды”, і гэта раз’юшвала катаў, яшчэ ўзмацняла яго і так невыносныя пакуты. Сам ён зламаўся? Яго зламалі! Як многіх, вельмі многіх» [15, с. 388, 368]. Аўтар спрабуе разабрацца ў сітуацыі (падзеі) і таму дакладна фарміруе два пункты гледжання на адну і тую ж з’яву. Ён дэманструе ўспрыняцце аднаго і таго ж часавага перыяду з розных пунктаў гледжання: трактуе перыяд знутры падзеі (унутраны хранатоп) і прачытвае тую ж падзею ў момант напісання твора (знешні хранатоп). Па сутнасці, тут можна весці гаворку пра стварэнне апазіцыі цяперашняе – мінулае, сфарміраванай антытэзай замкнутасці – разамкнутаці тэкставай прасторы.

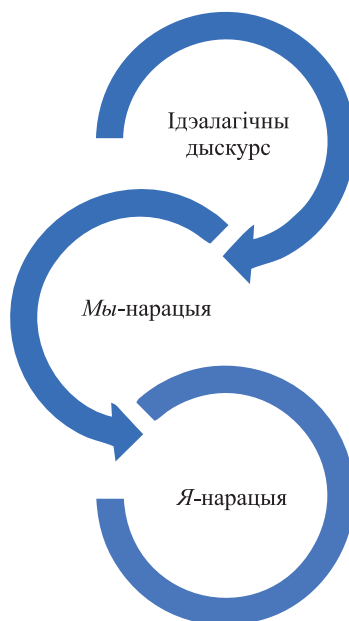
Унутраная падзея твора падмацоўваецца пашпартызаванымі дакументамі, якія дапаўняюць унутраны хранатоп і адначасова ілюструюць наратыў 1930-х гг. «Вясной трыццатага года па нашых мясцінах прайшоў вялікі градабой, і мы пра гэтую бяду напісалі братам за мяжу. Выразна помніцца, як адказаў нам Валодзя: “Вы пишете, что у вас побил град. А кто у нас побил – черт его знает”» [15, с. 331]. Дэманструюцца і запісы з братавай справы і сведчанне з вочнай стаўкі: «Моя работа как шпиона и двурушника заслуживает тяжелейшего наказания, сознавшись чистосердечно, прошу даровать мне жизнь и дать возможность исправиться. <...> Брыль подтвердил о тех анекдотах. На коридоре я возмущенно спросил, как же это ты сделал, и он мне сказал: “Если бы тебя так избивали, как меня, ты еще не то сказал бы”. Наблюдая за Брилем, я заметил, что он находится в крайне подавленном состоянии и был ко всему безучастен. Тогда он бросил такую фразу: “Если бы ты знал, что я на себя наговорил! Я уже не жилец на этом свете, я почти слеп”» [15, с. 357].

Знешняя падзея – гэта сітуацыйны кантэкст «сённяшняга дня», праілюстраваны газетнымі вытрымкамі, напрыклад: «Нядаўна я прачытаў у газеце такое выказанне: “Усе асобы, якія абвінавачваліся ў шпіянажы, асуджаліся толькі ваенным трыбуналам. У адпаведнасці з законам перагляд гэтых спраў, а іх была пераважная большасць, аказваўся ў кампетэнцыі галоўнай ваеннай пракуратуры”» [14, с. 331]; «За чатыры месяцы да званка з “Літэратурной газеты”, з паведамлення таго самага незнаёмага карэспандэнта я ўпершыню прыняў у памяць слова *Быкаўня*, украінскі адпаведнік нашых Курапатаў. І нават блізка тады не падумаў, што тая назва, той лес пад Кіевам праз нейкі час назаўсёды ўвойдзе ў маё жыццё. <...> Успамінаецца і бліжэйшае, з тэлеперадачы пра адкрыты, паказальны суд паміж староннікамі

розных лагераў: прасталінскага і новага, сучаснага. Слова сваё “прагрэсіўны” адказчык пачаў з таго, што ў сям’і яго ніхто не быў рэпрэсаваны, і таму ён будзе гаварыць *зусім аб’ектыўна*. Як і той, у каго не забілі нікога, і таму ён пра зверствы гітлераўцаў таксама гаворыць з вышэйшай пазіцыі» [14, с. 331, 333, 352].

Карціна свету савецкага часу прадстаўляецца праз клішэ і прысутнасць аўтарытэтнага слова, якія выдатна стылізуюць патрэбныя фрагменты тэксту: «Ігнат яшчэ вясной сорак пятага пісаў мне: “Дяде Павлу і Наде *по некоторым причинам* не пишу”. Маё заходніцкае неўразуменне ён праясніў праз год сустрэчы. А нядаўна яго Шура, калі мы зноў закрунулі гэту тэму, яшчэ раз растлумачыла тыя “*некоторые причины*”. Сам ён, Ігнат, спачатку свяшчэннік, пасля “*перековки*” на Беламорканале са сваёй папоўскай *маланадзейнасцю* схаваўся за ўральскім хрыбтом, а Валодзя наогул “*вораг народа*” – што гэта за сваяцтва з сынам-камуністам” <...> І асцярожнасць тут, і усемагутны *таварыш Страх!*... <...> ...хвароба часу – шпіёнаманія» [14, с. 331], «...“разоблаченный сын польского помещика”... <...> Карэспандэнт... гаварыў мне па тэлефоне, што братаву справу хутчэй за ўсё, дый напэўна, мне не пакажуць: таямнічае “*не положено*”. <...> Пісьмы – ужо без зваротнага адрасу, з суровай тэлеграфічнасцю тэксту, на няпоўную старонку са сшытка, адкуль тры словы адчаканіліся ў маёй памяці, нібыта назва аповесці з таго жыцця: “*Одет, обут, накормлен*”. <...> Валодзя, загадчык саўгаснага аддзялення, па справядлівасці выкрасліў яго са спіса на ўзнагароджанне, спадцішка насмудзіў у гістарычнае “*куды трэба*”. Былі ў яго і сувязі, і памагатыя, на беспартыйнага “паляка”, радня якога за мяжой, ды яшчэ і “памешчыкі”, таго “куды трэба” хапіла. <...> Ва ўспамінах людзей, якія цудам ацалелі ў жорнах “класавай барацьбы”, мне двойчы сустрэлася такое акрэсленне “судоў” і “асобных нарад”, – судзілі не *за што, а дзеля чаго*» [15, с. 317, 331, 354, 363, 379].

Такім чынам, аўтар фарміруе трохузроўневую наратыўную прастору: *я-нарацыя*, *мы-нарацыя* (унутраны хранатоп) і *нарацыя*, якая ствараецца аўтарытэтным словам, зафіксаваным у рэальным дакуменце (знешні хранатоп), а таксама дэманструе ідэалагічны дыскурс (дапаўняе як знешні, так і ўнутраны хранатоп). Схематычна гэта паказана на малюнку.



Наратыўныя складальнікі твора Я. Брыля «Муштук і папка»
Narrative components of Ya. Bryl's work «Mouthpiece and folder»

Далучэнне да нарацыі ідэалагічнага дыскурсу адсылае нас да знешняга хранатопу. Такі прыём можна назваць тэкставай інтэнцыянальнасцю (сутыкненне дыскурсаў унутранага і знешняга хранатопу з мэтай стварыць эмацыйны кантраст, звязаны з кантрастам часоў). Праз нарацыю знешняга хранатопу нам дэманструецца карціна светаўспрымання савецкай эпохі (і пазнейшай, паслясавецкай, калі пісаўся твор) рэальным чалавекам. Дакумент, які выступае ў якасці інтэртэксту, каменціруецца *я-наратарам*, максімальна набліжаным да аўтара. Такім чынам, гэты дакумент набывае падвоенае гучанне, па-першае, як самастойны элемент з пазнакай ідэалагічнага дыскурсу, па-другое, як тэкст, пераасэнсаваны звычайным савецкім чалавекам: «“Работал Брилль добросовестно, все у него было в образцовом порядке. Всем своим поведением он создавал впечатление лояльно настроенного по отношению к советской власти человека”. Звычайныя, пратакольна будзённымі словы. Можа, яны і гаварыліся людзьмі, якія

сведчылі, даслоўна так, а хутчэй так даслоўна запісваліся. А мне яны гучалі так па-людску, так высока, так змястоўна, былі такою светлай разрадкай у невыноснай чарнаце, што я, як толькі выйшаў са старога цаглянага дома пракуратуры, яшчэ не спускаючыся па крутым, пустым завулку, заплакаў ад шчасця такога выхаду ў справе, ад удзячнасці тым людзям...» [15, с. 358].

Унутраны (імпліцытны) дыялог з чытачом выступае ў якасці камунікатыўнай тактыкі: «Цяпер, праз трыццаць гадоў пасля таго застолля, можна спытацца ў мяне: што, і такія ў цябе (або, па-маладому, у вас) гасцявалі? Што ж, людзі пазнаваліся на паваротах. Як і цяпер яшчэ ўсё пазнаюцца. <...> Ці вытрымаў бы яшчэ і трэці раз? Выпісваю блакнотнае: “Бывае так горка і цёмна ад тае папкі, што ўчора нават... праўда ўпершыню, падумалася: няхай бы лепш я ўжо адзін, апошні з сясцёр і братоў, застаўся лепш пры тым варыянце Валодзевага канца, які мы ведалі да знойдзенага муштука!.. Хоць “ведалі” не падыходзіць – толькі меркавалі”. <...> Не кожны мог быць героем. Аднак каму ж яно дадзена – права рабіць такую праверку мужнасці?» [15, с. 322, 379, 382].

У творы плаўна перасякаюцца мастацкі і дзённікавы дыскурсы. Я. Брыль, як выдатны майстар слова, нават пры стварэнні дзённікавага наратыву не можа абысціся без мастацкага апісання рэчаіснасці, асабліва пейзажных замалёвак: «А ў студзені года наступнага, летась, на Рыжскім узбярэжжы, пасля самотнай праходкі па нешматлюдным зімовым пляжы, уздоўж сасонніку на крутым беразе, пад стомлена-спакойнае плескаванне вады і гулліва-надрыўны чаячы крык, я запісаў: “У каго спытацца ў Кіеве, як мне даведацца пра Валодзю?”. <...> Жнівень, амаль да канца праведзены намі ў краі шчодрога сонца і цёплай вады, якая дзень-ноч набягала то меншымі, то большымі хвалямі на чысценькі мяккі пясок, прайшоў надзвычай хутка. <...> Святочна помніцца мне той першы падыход да адэскага порта. Уваход у пачатак жыцця, у першую, гарадскую палавіну маленства. На раскошна пагодлівым захадзе сонца, пад прывольна пяхотную мелодыю і словы новай тады песні “В тумане скрылася милая Одесса” дэльфіны суправаджалі наш раззурманены сонечным развітанням цеплаход нібы ганаровы эскорт» [15, с. 333, 342].

Яшчэ адным варыянтам наратывунай стратэгіі з’яўляецца падача матэрыялу па прынцыпе «слова-знак → сітуацыйны падзейны наратыв» (некаторыя словы-знакі Я. Брыль называе высокімі словамі). Менавіта вакол гэтых высокіх слоў фарміруецца падзейны наратыв. Такая падача становіцца сістэмнай, і чытач да яе прызвычайваецца. Словамі-знакамі з’яўляюцца наступныя: «касцяны муштучок» [15, с. 334], «сага», «рамачка» [15, с. 336], «архіў» [15, с. 337], якія арганізуюць, стуктуруюць наратывную карціну аповеду. Так, слова «сага» – імпульс для зачыну пра гісторыю сям’і: «...я сваю сагу за многа гадоў рас-трос па аповесцях, апавяданнях і запісах і цяпер магу яе толькі дапаўняць. І дай мне Бог справіцца з гэтым як след, з накіраванасцю ў галоўнае, з двума замежнымі братамі, а перш за ўсё – з нашым бедным Валодзем у цэнтры» [15, с. 335]. Далей аўтар развівае абраную стратэгію, агучваючы наступнае новае слова-знак, ці высокае слова: «Яшчэ адно, пасля сагі, высокае слова – архіў. У мяне ён за паўстагоддзя сабраўся, можна сказаць, немалы: антрэсолі забіты папкамі, поўна і ў тумбах стала. А дома ў нас, у Загоры, перад вайной была на гарышчы вялікая карзіна з кнігамі, прывезеная з Адэсы. У тую карзіну “за польскім часам” клаліся і пісьмы ад замежных братоў, замежнага дзядзькі, замежных братавухаў, калі яны засталіся адны, толькі з малымі дзецьмі» [15, с. 337]. Слова-знак «рамачка» ўвогуле мае метафарычны характар, і пры гэтым актуалізуе гісторыю канкрэтнага часу: «Да лета семдзесят другога года мы з Ганнай заставаліся ўдваіх з усёй нашай дзясяткі Антосевых ды Настуліных дзяцей; сястры было семдзесят восем, мне пяцьдзесят пяць, найстарэйшая і найменшы, такая “рамачка” для астатніх васьмі» [15, с. 335]. Гэтае слова-знак прыводзіць аўтара да фарміравання наратыву пра гісторыю жыцця родных і, па сутнасці, распачынае сагу. А вось слова-знак «фатаграфія» дэманструе своеасаблівую тэхніку фотагісторыі (дарэчы, такую ж тэхніку выкарыстоўваў Адам Глобус пры напісанні рамана «Дом» [15]), і тут для чытача важна зразумець, якія фрагменты фактаграфіі выклікаюць разгорнутыя ўспаміны. «Даваенная перапіска не захавалася. Захаваліся фотаздымкі. Што ў нас, у сем’ях сёстраў і братоў, што ў сваякоў па розных вёсках і гарадах. І я пачну з адной дарэвалюцыйнай фатаграфіі», – так уводзіць аўтар слова ў твор [15, с. 337]. А далей Я. Брыль распачынае серыю фотагісторый: «Два фотаздымкі ў альбоме. Гляджу на іх – праз сорак гадоў пасля першай сустрэчы. На адным – дзве сям’і, абедзвюх Трыбуцянак, Надзі і яе старэйшай сястры...» [15, с. 349].

Фотанаратыв – выдатная камунікатыўная стратэгія візуалізацыі, якая рэалізуецца праз тактыку апісання фотаздымка і, па сутнасці, рухае ўяўленне чытача. Унутры тэксту паслядоўны наратыв фотагісторый актуалізуе маску наратара-храніцеля, які без асаблівых эмоцый, даволі стрымана і разважліва дэманструе серыю трагічных гісторый жыцця. Узнікае адчуванне, што аўтар збіраецца адысці ад аповеду пра гісторыю брата Валодзі, заняўшыся сямейнай сагай цалкам. Аднак наратар-сведка даволі рэзка замяняе наратара-храніцеля, распачынаючы гісторыю «Брат № 17643». Такая нечаканая змена масак – сведчанне няўстойлівага эмацыянальнага стану аўтара, жадання ахапіць усё і адразу, выказацца пра брата як пра чалавека, які з такой няпростай гісторыяй жыцця захаваў месца ў сямейным фотаальбоме.

Аўтар па чарзе выкарыстоўвае маскі сведкі і хранікёра, максімальна кантралюючы фактаграфію, падказваючы чытачу напрамак думкі. Хранікальная перадача падзей перарываецца эмоцыямі сведкі. Такі наратыўны прыём стварае эфект змены хранатопай – унутраны наратыўны хранатоп змяняецца знешнім, у якім фіксуюцца імгненні: «усмешка ў мяне», «зноў адхіленне ў мяне» [15, с. 338], «яшчэ раз пра сябе, гледзячы на другіх» [15, с. 341], «...і вось я плачу ўжо, пішучы гэта, убачыўшы побач з дзядзькам свайго бацьку, адчуўшы цеплыню іх адносін» [15, с. 344]. Чытач на імгненне рэзка набліжаецца да наратара, адчувае яго настрой.

Праз я-наратара ці сведку аўтар рэгульнае ход аповеду: «Трэба вярнуцца ў восень сорок дзявятага. Тады мне было трыццаць два, жонцы дваццаць восем, а нашай Галі, старэйшай, няпоўныя чатыры» [15, с. 341]. Часам Я. Брыль выкарыстоўвае тактычны прыём дэманстрацыі тэхнікі пісьма, уступаючы ў песныя зносіны з чытачом: «Я не мудрую з кампазіцыяй і тут – гэта проста частка ўспамінаў з тых лепшых сакавіцка-красавіцкіх дзён, калі ад званка да наведвання Быкаўні, да спаткання з Валодзевай справай – ня-мала думалася пра адно. І запісы рабіліся. <...> Яшчэ два запісы з розных дзён. Першы – зроблены адразу пасля другога чытання справы: “...Душа мая зноў дакранулася да бездані жаху, ужо ў большым спакоі, аднак ізноў яна *смуткуе*, няхай сабе не смяротна, як у Валодзі было, але блізка да гэтага”. <...> І другі запіс, пазнейшы: “І зноў, і ўжо даўно не ўпершыню вяртаецца бачанне страшэнна невымернай чалавечай крыўды і абразы. Ён працаваў сумленна, жыў сціпла, шчасліва ў сям’і, і вось яго бяруць, катуюць дагуль, пакуль яму не стане абыхава, што перапісваць пад дыктоўку (тое «заявление»), што падпісваць...”» [15, с. 341, 379].

Аўтар трансліруе свае эмоцыі і думкі, дэманструе нам тэхналогію стварэння мастацкага тэксту: «Хопіць, відаць, і таго, што ведаю, каб належна сказаць сваё, напісаць патрэбнае. Нават канцоўка сама па сабе атрымалася. Тое, што называецца крывавай сталіншчынай, не канчаецца, – ёсць яшчэ сілы, якім не патрэбна поўная ліквідацыя белых, чорных, чырвоных плямаў нашай жахлівай гісторыі, што не так лёгка сілы тыя пойдучь на ператварэнне ўсіх лубянак у музеі ці кнігасховішчы, як прапанаваў на з’ездзе адзін з народных дэпутатаў, не дадуча яны, тыя сілы, і пад народны кантроль, як патрабаваў другі дэпутат» [15, с. 369]. Аўтар сам акрэслівае задачу твора і ацэньвае яе рэалізацыю: «Спробы пранікнуць у той падтэкст зноў натыкаліся на глухату навечнага маўчання, у якое пайшлі ўсе тыя, хто мог бы мне многае праясніць або сказаць хоць нешта, так неабходнае» [15, с. 375].

Гэта тактыка далучэння чытача да супрацоўніцтва, а адначасова і заклік не забываць і не замоўчваць страшную рэальнасць генацыду, што выпаў на долю савецкага чалавека, якая, на жаль, не знікла і сёння: «Пры той жахлівай масавасці генацыду – у адным чалавечым лёсе няма нічога надзвычайнага. Апроч цуду з імянным муштуком, цуду – аднаго на сотні тысяч ці на мільёны. І мне так неабходна найясней убачыць, як раскажаць пра гэта – пра звычайнасць і незвычайнасць, універсальнасць трагедыі, заключа-най, як у маленькай кроплі гісторыі, у гісторыі адной чалавечай сям’і» [15, с. 380].

Частка твора «Сваё» – словы падзякі брату, своеасаблівая эпітафія, пры знаёмстве з якой чытач максімальна яднаецца з аўтарам. Гэта тактыка ўключэння чытача ў акт суперажывання рэалізуе стратэгію камунікатыўнага збліжэння суб’ектаў ва ўспрыманні агульначалавечай трагедыі.

Такім чынам, становіцца відавочным вялікі патэнцыял факта як асновастваральнага структурна-семіятычнага элемента ў творы. Пры гэтым факт не становіцца сціплай часткай мастацкага дыскурсу, а захоўвае тую самадастатковасць, што характэрна для нацыянальнага адметнага напрамку ў беларускай прозе – літаратуры факта. Гэты напрамак (у адрозненне ад з’явы з аналагічнай назвай у творчасці савецкіх левых авангардыстаў 1920-х гг.) сфарміраваўся ў адказ на вострую неабходнасць праўдзіва адлюстраваць у мастацтве жыццё беларусаў ва ўмовах абсалютнай ідэалагічнай цензуры, якая адначасна абмяжоўвала кругагляд пісьменніка ў першай палове XX ст. Але паколькі станаўленне і далейшае функцыянаванне нацыянальнай дзяржаўнасці ў БССР (з адпаведнымі кірункамі развіцця культуры, літаратуры) адбывалася ў надзвычай драматычнай дынаміцы гістарычных фактаў, то асэнсаванне рэальную дынаміку з мінімізацыяй цензурнага ўплыву было магчымым менавіта праз нязначную «апрацоўку» фактаў. Важнейшай устаноўкай літаратуры таго часу стаў вобразна сфармуляваны літаратуразнаўцам Д. Бугаёвым заклік: «Перад фактам здыміце капялюш» [17, с. 30]. Падкрэслім, што ў такім плане пераасэнсаваны намі тэрмін «літаратура факта», канешне, ужо меў працяглую традыцыю ўжывання з адсылкай да рускай літаратуры пачатку XX ст., да літаратурнага руху прадстаўнікоў творчага аб’яднання «Левы фронт мастацтваў». Так, М. Чужак пісаў: «Трэба ўзяць нешта і ад літаратуры вымыслу, – паколькі стопрацэнтнага разрыву паміж жанрамі няма, – і далучыць гэта ўзятае да месца і часу, г. зн. у парадку ўмоўнага выкарыстання» [18, с. 9]. Відавочна, што літаратура факта ў пачатку XX ст. – з’ява авангардная, таму ў пэўным сэнсе абмежаваная, хоць і аўтарытэтная, важная для развіцця літаратуры. Аналагічна – вельмі аддалена – вылучаная намі літаратура факта ў практыцы беларускіх пісьменнікаў суадносіцца з вядомым амерыканскім паняццем і тэрмінам *non-fiction* (гэты тэрмін нечакана стаў папулярным у дыскурсе літаратуразнаўчых прац пра славянскія літаратуры).

Беларуская літаратура факта – з’ява самабытная і натуральная. Паняцце выступае гіперонімам да тэрміна-гіпоніма «эзопава мова» з галіны паэтыкі ў літаратуразнаўстве. Літаратура факта ўзнікла ў адказ на выклік часу, які падлягаў як мага больш адекватнаму адлюстраванню. У мастацкім дыскурсе М. Гарэцкага літаратура факта з’явілася падчас Першай сусветнай вайны, таму што факт быў мацнейшы за чалавечую фантазію. Узнікненне гэтага напрамку ў творчасці Алеся Адамовіча звязана з тым, што ён выдатна ўсведамляў моц і мастацкі патэнцыял фактаў, захаваных у народнай памяці. «Больш чым заканамерна, што не толькі праз мастацкую фантазію пісьменніка, але і наўпрост гучыць памяць народная ў нашай літаратуры... у чалавека з магнітафонам ўзнікае магчымасць атрымаць галасы сотняў і сотняў людзей, якія назапашваюцца і паступова становяцца самастойнай, літаратурнай (у пэўным сэнсе) рэальнасцю. Іншая справа, як вы абыдзецеся з імі. <...> У працэсе такой працы абавязкова выявіцца цікавая дэталі, якая, між іншым, павінна трохі знізіць самацэнку людзей пісьменніцкай прафесіі» [19, с. 545–546]. Прыгадаем, што не толькі ідэалогія, але і інтэлект кіруе літаратурным працэсам. А. Адамовіч, як чалавек прагрэсіўны ва ўсіх сэнсах, гэта выдатна адчуваў.

У прозе Я. Брыля літаратура факта выйшла на першы план, таму што ён ведаў «сапраўдную цану імгнення» і спяшаўся «...яго зафіксаваць на паперы. У новых умовах ён публікуе тыя часткі сваіх дзённікавых запісаў, якія не маглі з’явіцца ў друку з-за цензурных перашкодаў» [20, с. 490].

Заклучэнне

Я. Брыль прадэманстраваў выключныя здольнасці ў падачы факта, для раскрыцця якога пісьменнік стварае трохмерную прастору. Па-першае, ён прапускае рэальны факт праз успрыняцце я-наратора (гомадыгетычнага наратора), максімальна набліжанага да рэальнага аўтара. Такім чынам рэальны факт становіцца прадметам нарацыі. Па-другое, Я. Брыль раскрывае факт не толькі праз прызму свайго ўспрыняцця, але і фарміруе вакол яго *мы-нарацыю*, што дае панарамнасць ў асвятленні падзеі. Па-трэцяе, пісьменнік сутыкае знешні і ўнутраны хранатоп твора, дэманструючы ўспрымання падзеі ў часе, а значыць, і змену культурнай парадыхмы ў грамадстве.

Такое прачытанне дае нам разуменне таго, што твор – гэта акт камунікацыі, у якім магчымы кантакт як паміж пісьменнікам і чытачом на ўзроўні пазалітаратурных зносін, так і паміж чытацкай аўдыторыяй і адрасатам на ўзроўні зносін літаратурных (унутрытэкставых). Акрамя таго, мы атрымліваем разуменне спосабу рэальнай апрацоўкі факта, усведамляем, якія формы нарацыі могуць быць актуалізаваны дзякуючы рэальнаму факту як сюжэтаўтваральнаму элементу (у дадзеным выпадку гэта імпліцытны дыялог, фотагістарычны наратыў, прысутнасць ідэалагічнага дыскурсу). Вылучаецца таксама ўсведамленне самабытнасці і ўнікальнасці беларускай літаратуры факта. Твор Я. Брыля «Муштук і папка» – гэта віртуальная экскурсія ў творчую майстэрню класіка, дзе ён абсалютна адкрыта дэманструе чытачу маніпуляцыі з фактам: як у пазатэкставай, так і ва ўнутрытэкставай прасторы для інтэлектуальнага пошуку.

Бібліяграфічныя спасылкі

1. Арутюнова НД. Фактор адресата. *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*. 1981;40(4):356–367.
2. Цурганова ЕА, Махов АЕ, редакторы. *Западное литературоведение XX века*. Москва: Intrada; 2004. 560 с.
3. Пропп В. *Морфология сказки*. Ленинград: Academia; 1928. 152 с.
4. Шкловский ВБ. *О теории прозы*. Москва: Круг; 1925. 192 с.
5. Эйхенбаум Б. *О прозе*. Ленинград: Художественная литература; 1969. 503 с.
6. Herman D, Jahn M, Ryan ML, editors. *Encyclopedia of narrative theory*. New York: Routledge; 2005. 641 p.
7. Успенский БА. *Семиотика искусства*. Москва: Языки русской культуры; 1995. 360 с.
8. Шмид В. *Нарратология*. Москва: Языки славянской культуры; 2003. 312 с.
9. Бахтин ММ. *Собрание сочинений. Том 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960–1970-х годов*. Москва: Русские словари. Языки славянской культуры; 2002. 799 с.
10. Лотман ЮМ. *Структура художественного текста*. Москва: Искусство; 1979. 387 с.
11. Тюпа ВИ. Осевая нарратологическая категория в исторической перспективе. *Studia Litterarum*. 2021;6(1):10–31. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-10-31.
12. Тюпа ВИ. Актуальность новой риторики для современной гуманитарной науки. В: Тюпа ВИ, Родионов ЕВ, Стародубова АЛ, Федункина ОВ, редакторы. *Коммуникативные стратегии культуры и гуманитарные технологии*. Санкт-Петербург: РГПУ имени А. И. Герцена; 2007. с. 9–73.
13. Альштыннюк А. *Проблема аўтабіяграфізму ў творчасці Янкі Брыля*. Беласток: Універсітэт у Беластоку; 2017. 212 с.
14. Мушыньскі МІ. *Свайму часу і вечнасці*. Мінск: Беларуская навука; 2021. 480 с.
15. Брыль Я. *Збор твораў. Том 4. Аповесці, 1954–1991*. Мінск: Мастацкая літаратура; 2019. 510 с.
16. Губская ВМ. Топас «дому» ў аднайменным рамане Адама Глобуса. *Bialorutenistyka Bialostocka*. 2017;9:257–266. DOI: 10.15290/bb.2017.09.18.
17. Бугаёў ДЯ. *Жыццём ідуць: з гісторыі беларускай літаратуры і літаратурнай крытыкі*. Мінск: БДУ; 2013. 303 с.

18. Третьяков СМ, Шкловский ВБ, Чужак Н, Брик ОМ, Незнамов П, Гриц Т и др. *Первый сборник материалов работников ЛЕФа*. Москва: Захаров; 2000. 354 с.
19. Адамович А. *Собрание сочинений. Том 3. Статьи, выступления, интервью*. Минск: Мастацкая літаратура; 1982. 622 с.
20. Баршчэўскі ЛП, Васючэнка ПВ, Тычына МА. *Беларуская літаратура і свет: ад эпохі рамантызму да нашых дзён. Папулярныя нарысы*. Мінск: Радыёла-плюс; 2006. 596 с.

References

1. Arutyunova ND. [Destination factor]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*. 1981;40(4):356–367. Russian.
2. Tsurganova EA, Makhov AE, editors. *Zapadnoe literaturovedenie XX veka* [Western literary criticism 20th century]. Moscow: Intrada; 2004. 560 p. Russian.
3. Propp V. *Morfologiya skazki* [Morphology of the fairy tale]. Leningrad: Academia; 1928. 152 p. Russian.
4. Shklovskii VB. *O teorii prozy* [About the theory of prose]. Moscow: Krug; 1925. 192 p. Russian.
5. Eikhenbaum B. *O proze* [About prose]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura; 1969. 503 p. Russian.
6. Herman D, Jahn M, Ryan ML, editors. *Encyclopedia of narrative theory*. New York: Routledge; 2005. 641 p.
7. Uspenskii BA. *Semiotika iskusstva* [Semiotics of art]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 1995. 360 p. Russian.
8. Shmid V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2003. 312 p. Russian.
9. Bakhtin MM. *Sobranie sochinenii. Tom 6. Problemy poetiki Dostoevskogo. Raboty 1960–1970-kh godov* [Collected works. Volume 6. Problems of Dostoevsky's poetics. Works of the 1960s and 1970s]. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury; 2002. 799 p. Russian.
10. Lotman YuM. *Struktura khudozhestvennogo teksta* [The structure of the literary text]. Moscow: Iskusstvo; 1979. 387 p. Russian.
11. Tyupa VI. The pivotal narratological category in historical perspective. *Studia Litterarum*. 2021;6(1):10–31. Russian. DOI: 10.22455/2500-4247-2021-6-1-10-31.
12. Tyupa VI. [Relevance of the new rhetoric for modern humanities]. In: Tyupa VI, Rodionov EV, Starodubova AL, Fedunina OV, editors. *Kommunikativnye strategii kul'tury i gumanitarnye tekhnologii* [Communicative strategies of culture and humanitarian technologies]. Saint Petersburg: Herzen University; 2007. p. 9–73. Russian.
13. Al'shtynjuk A. *Problema avtobiografizmu w tworchasci Janki Brylja* [The problem of autobiography in the work of Yanka Bryl']. Białystok: Uniwersytetu w Białymstoku; 2017. 212 p. Belarusian.
14. Mushynski MI. *Svaimu chasu i vechnasci* [To his time and eternity]. Minsk: Bjelaruskaja navuka; 2021. 480 p. Belarusian.
15. Bryl' Ya. *Zbor tvoraw. Tom 4. Apovesci, 1954–1991* [Collection of works. Volume 4. Stories, 1954–1991]. Minsk: Mastatskaja litaratura; 2019. 510 p. Belarusian.
16. Gubskaya ON. The topos of home in the novel by Adam Globus. *Bialorutenistyka Bialostocka*. 2017;9:257–266. Belarusian. DOI: 10.15290/bb.2017.09.18.
17. Bugaew DJa. *Zhyccem iduchy: z gistoryi belaruskaj litaratury i litaraturnaj krytyki* [Going through life: from the history of Belarusian literature and literary criticism]. Minsk: Belarusian State University; 2013. 303 p. Belarusian.
18. Tret'yakov SM, Shklovskii VB, Chuzhak N, Brik OM, Neznamov P, Grits T, et al. *Pervyi sbornik materialov rabotnikov LEFa* [The first collection of materials from LEF employees]. Moscow: Zakharov; 2000. 354 p. Russian.
19. Adamovich A. *Sobranie sochinenii. Tom 3. Stat'i, vystupleniya, interv'yu* [Collection of works. Volume 3. Articles, speeches, interviews]. Minsk: Mastatskaja litaratura; 1982. 622 p. Russian.
20. Barshchewski LP, Vasjuchehnika PV, Tychyna MA. *Belaruskaja litaratura i svet: ad jepohi ramantyzmu da nashyh dzjon. Papuljarnyja narysy* [Belarusian literature and the world: from the romantic era to the present day. Popular essays]. Minsk: Radyela-plyus; 2006. 596 p. Belarusian.

Артыкул паступіў у рэдакцыю 30.05.2022.
Received by the editorial board 30.05.2022.

УДК 811.133.1'36(045)

СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФРАНЦУЗСКИХ ЕДИНИЦ СОЧИНЕНИЯ

Ю. В. ОВСЕЙЧИК¹⁾

¹⁾Минский государственный лингвистический университет,
ул. Захарова, 21, 220034, г. Минск, Беларусь

Представлена системно-структурная организация французских ядерных и периферийных единиц сочинения в диахронии. Показано, что вся сложноорганизованная совокупность эксплицитных средств оформления сочинения представляет собой открытую динамическую неравновесную систему, состоящую из частных коэволюционирующих систем, репрезентирующих соединительные, разделительные, противительные и каузальные отношения. Продемонстрировано, что система ядерных единиц сочинения, изначально объединенных на основании общего функционального свойства устанавливать связь между самостоятельными предикативными единицами, является упорядоченной и равновесной совокупностью элементов с такими центрами притяжения, как собственно сочинение и несобственно сочинение. Установлено, что каждая частная система формируется постепенно и выстраивается по прототипическому принципу «ядро – периферия». Неравномерное появление периферийных единиц приводит к разнонаправленным тенденциям в оформлении сочинительной связи в ходе исторического развития французского языка. Определена общая динамика употребительности ядерных и периферийных единиц и их сочетаний в оформлении сочинительной связи.

Ключевые слова: сочинительный союз; ядерные и периферийные единицы; система; формирование системы; употребительность; диахрония; французский язык.

Образец цитирования:

Овсейчик ЮВ. Системная организация французских единиц сочинения. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;2:63–76.

For citation:

Auseichyk YuV. System organisation of French coordination items. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;2:63–76. Russian.

Автор:

Юлия Владимировна Овсейчик – кандидат филологических наук, доцент; докторант кафедры общего языкознания.

Author:

Yulia V. Auseichyk, PhD (philology), docent; doctoral student of department of general linguistics.
ovsei77@rambler.ru

СІСТЭМНАЯ АРГАНІЗАЦЫЯ ФРАНЦУЗСКІХ ЗЛУЧАЛЬНЫХ АДЗІНАК

Ю. У. АЎСЕЙЧЫК^{1*}

^{1*}Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт,
вул. Захарава, 21, 220034, г. Мінск, Беларусь

Прадстаўлена сістэмна-структурная арганізацыя французскіх ядзерных і перыферычных адзінак злучальнай сувязі ў дыяхроніі. Паказана, што ўся складаная арганізаваная сукупнасць экспліцытных сродкаў афармлення злучальнай сувязі ўяўляе сабой адкрытую дынамічную нераўнаважную сістэму, якая складаецца з прыватных каэвалюцыйных сістэм, якія рэпрэзентуюць спалучальныя, раздзяляльныя, супраціўныя і каўзальныя адносіны. Прадэманстравана, што сістэма ядзерных адзінак, першапачаткова аб'яднаных на падставе агульнай функцыянальнай уласцівасці ўсталёўваць сувязь паміж самастойнымі прэдыкатыўнымі адзінкамі, з'яўляецца ўпарадкаванай і раўнаважнай сукупнасцю элементаў з такімі цэнтрамі прыцягнення, як уласная злучальная сувязь і няўласная злучальная сувязь. Усталявана, што кожная прыватная сістэма фарміруецца паступова і выбудоўваецца па прататыпічным прынцыпе «ядро – перыферыя». Нераўнамернае з'яўленне перыферычных адзінак прыводзіць да рознакіраваных тэндэнцый у афармленні злучальнай сувязі падчас гістарычнага развіцця французскай мовы. Вызначана агульная дынаміка ўжывальнасці ядзерных, перыферычных адзінак і іх спалучэнняў у афармленні злучальнай сувязі.

Ключавыя словы: злучальны злучнік; ядзерныя і перыферычныя адзінкі; сістэма; фарміраванне сістэмы; ужывальнасць; дыяхронія; французская мова.

SYSTEM ORGANISATION OF FRENCH COORDINATION ITEMS

Yu. V. AUSEICHYK^a

^aMinsk State Linguistic University,
21 Zacharava Street, Minsk 220034, Belarus

The article presents the system-structural organisation of the French nuclear and peripheral items of coordination in diachrony. It is shown that the whole of explicit means of coordination is an open dynamic non-equilibrium system consisting of particular co-evolving systems representing four types of relationships: conjunctive, disjunctive, adversative, causal. It is revealed that the system of nuclear coordinators, initially united on the basis of a common functional property to establish a connection between independent predicative units, is an ordered and balanced whole of elements with two centers of attraction: proper coordination and improper coordination. It has been established that each particular system is formed gradually and is built according to the prototypical principle of «core – periphery», the uneven appearance of peripheral units leads to multidirectional trends in the design of the coordination during the French language history. The general dynamics of the use of nuclear coordinators, peripheral coordinators and their combinations is determined.

Keywords: coordinators; nuclear and peripheral items; system; system formation; use; diachrony; French language.

Введение

Известно, что сочинительные союзы – закрытый класс слов, что, в свою очередь, предполагает исчисляемость единиц. Споры о том, какие связующие единицы во французском языке можно квалифицировать как сочинительные союзы, не прекращаются начиная с фундаментальных работ Ф. Брюно [1] и Б. Потье [2]. Основополагающие идеи о единицах сочинения с позиции функционального подхода с привлечением данных исторической грамматики, изложенные в концептуальной работе Ж. Антуана [3], принимаются другими исследователями ([4–7] и др.) и авторами академической французской грамматики. Так, во французском языке выделяются сочинительные союзы (классические союзы¹ [8, р. 452], собственно сочинительные союзы [9, р. 525], простые союзы [10, с. 221]) и их функциональные эквиваленты [10, с. 221] (оказиональные союзы [8, р. 452], союзные наречия [9, р. 525]). К сочинительным союзам относятся такие грамматические единицы, как *et* ‘и’, *ou* ‘или’, *mais* ‘но’, *ni*

¹Здесь и далее, если не указано иное, перевод наш. – Ю. О.

‘ни’, *donc* ‘значит’, *or* ‘итак’, *car* ‘так как’), а к их функциональным эквивалентам – наречия *puis* ‘потом’, *aussi* ‘тоже’, *alors* ‘тогда’, *par conséquent* ‘вследствие’ и т. д.

В современной романистике научные изыскания в области связующих единиц вообще и сочинительных союзов в частности проводятся на разных основаниях с разных теоретических позиций и с разными целями. Отдельные союзы или союзные наречия исследуются в работах по исторической грамматике ([11–13] и др.) либо на материале современного языка ([14–16] и др.). Функцию связующих выполняют единицы, принадлежащие к разным классам слов (сочинительные союзы, подчинительные союзы, наречия, наречные обороты и т. д.), – коннекторы (см. [17] и др.). Например, в докторской диссертации Н. Б. Кудрявцевой на материале современных художественных произведений союзы сочинения, к которым относятся только грамматические единицы *et*, *mais*, *ou*, *ni*, изучаются как коннекторы речевых актов и реплик в диалогическом дискурсе [18].

В многочисленных работах представлены разнообразные точки зрения об инвентаризации единиц сочинения, что, с одной стороны, отражает семантические и функциональные особенности этих грамматических единиц, а с другой стороны, свидетельствует о постоянно возрастающей потребности говорящего в номинации и дифференциации многообразных абстрактных отношений между внеязыковыми сущностями.

Диффузность границ, которые отделяют собственно сочинительные союзы от других классов слов, выполняющих связующую и реляционную функции, остается актуальной проблемой современной французской романистики. Решение этой проблемы требует рассмотрения ряда вопросов, важнейшим из которых является выявление системной организации единиц, оформляющих сочинительную связь во французском языке. Соответственно, объект исследования – французские единицы сочинения.

В статье рассматривается становление системно-структурной организации единиц сочинения во французском языке в диахронии: определяется состав французских единиц сочинения, представляется хронология их появления, характеризуется их системная организация, устанавливается динамика их употребительности.

О составе единиц сочинения

Для обоснования отбора французских единиц сочинения в настоящем исследовании важно представить дискуссионные точки зрения о составе единиц сочинения, поскольку их схожие и отличные «строительные» свойства не раз привлекали внимание романистов.

В современных французских академических грамматиках (см., например, [19, р. 129]) к классу сочинительных союзов причисляются 7 специализированных единиц (*un organe spécifique en union*). Лексемы *et*, *ou*, *ni*, *mais*, *car*, *donc* и *or* к классу сочинительных союзов отнес Ж. Антуан [3, р. 357]. Каждый союз кодирует определенный тип отношений между внеязыковыми сущностями. Согласно В. Г. Гаку, их первичные семантические функции состоят в том, что они выражают основные логические операции: конъюнкцию (положительное соединение – *et*, соединение отрицаемых объектов – *ni*), дизъюнкцию (*ou*), импликацию (причина – *car*, следствие – *donc*, *or*), противопоставление (отрицательная импликация – *mais*) [10, с. 221]. В интерпретации П. Шародо эти единицы выступают в качестве привилегированных показателей соответствующих логико-семантических операций [20, р. 498–531]. Исследователи иногда относят единицы *car*, *donc*, *or* в группу присоединительных союзов [10, с. 221; 21, с. 218] или рассматривают их как союзные наречия [20, р. 498; 22, р. 359–361; 23, р. 44; 24].

Наряду с этим в современной французской романистике формируется крайне рестриктивный подход к определению состава единиц рассматриваемого класса. В соответствии с данным подходом собственно сочинительными союзами являются исключительно грамматические единицы *et*, *ou*, *ni* [25, р. 98–124]. Такое мнение высказывалось и ранее. Так, Б. Потье, занимавшийся проблематикой связующих единиц, противопоставлял союзы *et*, *ou*, *ni*, *mais*, обозначающие базовые отношения (сложение, вычитание и концептуальное тождество [2, р. 322]), каузальным союзам *or*, *car*, *donc* ввиду дистрибутивных свойств последних [2, р. 115–116].

Стоит привести аргументы, на основании которых определяется основное ядро французских единиц сочинения (от фр. *noyau dur* – сильное ядро) [7, р. 944], образованное союзами *et*, *ou*, *ni*. Неоспоримо, что этим союзам присущи способность к образованию двойных и повторяющихся союзов (*et... et*, *et... et... et*, *ou... ou*, *ou... ou... ou*, *ni... ni*, *ni... ni... ni*) и единиц разной синтаксической сложности, несочетаемость друг с другом, а также фиксированная позиция в начале соединенного компонента. Союзы *et*, *ou*, *ni*, таким образом, отличны от союзов *car*, *or*, *donc*, *mais*. Последним несвойственны полисиндетон и, как правило, соединение однородных членов в однородный ряд. Однако грамматическая единица *donc*, статус которой в роли союза неоднозначен, сочетается с другими сочинительными союзами (*et*

donc, ou donc, ni donc, mais donc, car donc, or donc) и характеризуется синтаксической мобильностью (*Je pense, donc je suis* или *Je pense, je suis donc*).

Противоположный подход к определению состава сочинительных союзов связан с трудами представителей функционального направления второй половины XX в. Лингвисты, придерживавшиеся данного подхода, высказывали сомнения в том, является ли список из 7 сочинительных союзов исчерпывающим [5, p. 127–128; 20; 22], и относили к числу сочинительных союзов разнообразные неоднородные единицы (*puis, voire, aussi, alors, par conséquent, en effet, cependant, pourtant, en outre, de plus* и др.). Аргументом в пользу включения перечисленных единиц в класс союзов является использование их в инициальной позиции для оформления связи между двумя независимыми предложениями (P₁, P₂) в целях обозначения соединительных, противительных, разделительных или каузальных отношений. Ср.: (P₁) *Le vieil homme restait immobil...* (P₂) **Enfin** (соответствует лексеме *et*. – Ю. О.) *il sortit de sa robe son chapelet d'ébène et il s'accroupit dans la poussière* (FR; Le Clézio J.-M. Désert. 1980) '(P₁) Старик остался неподвижен... (P₂) И наконец он достал из мантии свои четки из черного дерева и сел в пыли на корточки'; (P₁) *Carnivores, caractérisés par leur style de chasse (à l'affût), qui doit avoir eu un rôle non négligeable pour la mortalité des Cerfs de l'espèce philisi.* (P₂) **Cependant** (соответствует лексеме *mais*. – Ю. О.) *d'autres Carnivores pratiquent une autre méthode de chasse, visant un individu à l'intérieur d'un troupeau (en général, un parmi les plus faibles)* (FR; Le socle de la chasse. 2020) '(P₁) Хищники, отличающиеся своим стилем охоты (в засаде), что, должно быть, сыграло значительную роль в гибели оленей вида *philisi*. (P₂) Между тем другие хищники практикуют другой метод охоты, нацеливаясь на особь в стаде (обычно одну из самых слабых)'.

Как правило, эти разнообразные неоднородные единицы не соединяют однородные члены в однородный ряд, зачастую интегрируются в сочиненный компонент (что требует учета их дистрибуции), обычно выступают как конкретизаторы собственно сочинительных союзов в постпозиции по отношению к ним, т. е. сочетаются с традиционно выделяемыми союзами по аналогии с единицей *donc*.

В состав сочинительных союзов предлагается также включать коррелятивные единицы *autant... autant, moins... moins, plus... plus, sitôt... sitôt, soit... soit* [26] на основании их сходства с союзами *et, ou, ni* в способности образовывать бинарные конструкции с подчинительными союзами *comme* и *ainsi que*, которые иногда используются в качестве соединительных союзов [27]. Об этом свидетельствует согласование подлежащего и сказуемого во множественном числе. Ср.: *Mais Rome comme* (соответствует лексеме *et*. – Ю. О.) *Paris doivent s'entendre ou mourir* 'Но Рим, как и Париж, должны договориться или умереть' (FR; Mauriac Cl. Mauriac et fils. 1986).

Таким образом, не все единицы сочинения являются равноценными. Обозначенные признаки союзов *et, ou, ni*, характеризующие их морфосинтаксическую специфику, выступают в качестве основания для признания данных союзов центральными, прототипическими (см. теорию прототипов Э. Рош [28; 29]). Поскольку полнота и максимальная интенсивность признаков свойственны центру, а их разреженность и ослабление – периферии [30], автор настоящей статьи различает два типа единиц: ядерные единицы сочинения и периферийные единицы сочинения².

Автор настоящей статьи к ядерным единицам сочинения относит 7 союзов (*et, ou, ni, mais, car, donc* и *or*), а к периферийным единицам сочинения – 50 неоднородных единиц, принадлежащих к разным классам слов (наречия, наречные обороты, предложные группы, причастия и т. д.)³, отобранных в ходе обобщения данных академических грамматик [8, p. 320–321; 9, p. 525; 19, p. 144] и лексикографических источников⁴. Выявленные единицы квалифицируются как связующие (*éléments de liaison*). Они выполняют синтаксическую функцию, которая состоит в соединении полнозначных слов или в связывании между собой предложений для установления соединительных, разделительных, противительных и каузальных отношений между ними, и выступают аналогами ядерных единиц сочинения. Единицы, вышедшие из употребления (например, противительный старофранцузский союз *ains*) исключены из исследования.

В большинстве лексикографических толкований периферийных единиц сочинения имеется помета об их свойстве выступать в качестве логического стержня рассуждения (от фр. *cheville logique d'un raisonnement* – логический колышек рассуждений⁵), а также приводятся примеры их употребления

²Концепция центропериферической системной организации языка и полевой организации единиц излагается в трудах А. В. Бондарко [31], М. В. Всеволодовой [32] и др.

³Переход полнозначных единиц в разряд связующих, их полифункциональность и многозначность заслуживают отдельного внимания и в данной статье не рассматриваются.

⁴Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales [Ressource électronique]. URL: <http://www.cnrtl.fr/> (date de la demande: 15.01.2022).

⁵Ibid.

в качестве союзов. Например, для наречия *pourtant* ‘однако, тем не менее, все-таки’ дается помета *oppose deux notions pour mieux les relier* ‘противопоставляет два понятия для лучшей их связи’⁶. Лексема *pourtant* используется для связи адъективированных или причастных синтагм и часто употребляется в сочетании с союзом *et* (*et pourtant*). Ср.: *Sa voix rude, pourtant caressante...* (FR; France A. Lys rouge. 1894) ‘Его резкий, но ласковый голос...’; *Cette mort prédite et pourtant imprévue...* (FR; Proust. Prisonnier. 1922) ‘Эта предсказанная и все же непредвиденная смерть...’.

На основании изложенного автор настоящей статьи предполагает, что совокупность существующих в языке эксплицитных средств оформления сочинения представляет собой открытую динамическую неравновесную систему, состоящую из коэволюционирующих частных систем (соединительной, разделительной, противительной и каузальной), организованных по прототипическому принципу «ядро – периферия».

Для установления правомерности идеи о системной организации единиц сочинительной связи с учетом их диахронического развития следует обратиться к концепции Г. Гийома о диахронии синхроний и его дефиниции языка как «обширной, строго когерентной системы, состоящей из множества систем, связанных между собой отношениями системной зависимости, которые их объединяют в единое целое» [33, с. 106]. Соответственно, систему французских единиц сочинения можно определить как совокупность частных систем, каждая из которых репрезентирует соединительные, разделительные, противительные или каузальные отношения и имеет некоторое количество синхронных срезов на временной оси T ⁷ (табл. 1).

Таблица 1

Система французских единиц сочинения в диахронии синхроний

Table 1

The system of French coordinators in the diachrony of synchrony

Синхронные срезы	Частные системы				Система сочинительных союзов
	А	Б	В	Г	
T_1	A_1	B_1	V_1	Γ_1	Система ₁
T_2	A_2	B_2	V_2	Γ_2	Система ₂
T_3	A_3	B_3	V_3	Γ_3	Система ₃
$T_{...}$	$A_{...}$	$B_{...}$	$V_{...}$	$\Gamma_{...}$	Система _{...}
T_n	A_n	B_n	V_n	Γ_n	Система _n

Исследование системы французских единиц сочинения может проводиться в вертикальной и горизонтальной плоскостях: анализ продольных сечений, развертывание частных систем в диахронической перспективе от T_1 до T_n ($A_1 \rightarrow A_2 \rightarrow A_3 \rightarrow \dots \rightarrow A_n$, $B_1 \rightarrow B_2 \rightarrow B_3 \rightarrow \dots \rightarrow B_n$ и т. д.) и анализ поперечных сечений, синхронных срезов ($A_1 + B_1 + V_1 + \Gamma_1$, $A_2 + B_2 + V_2 + \Gamma_2$ и т. д.). Такой способ анализа позволяет рассмотреть систему французских единиц сочинения в диахронии, т. е. как процесс в его развитии, а не как смену отдельных синхронических состояний, и ответить на вопросы о том, как в ходе развития французского языка формировался состав единиц сочинения и как они организованы.

Формирование системы единиц сочинения в диахронии

Ядерные единицы сочинения восходят к латинским коррелятам (*et – e (et)*, *ni – ne (ni) – nec*, *ou – o – aut*, *car – quare*, *or – hac hora*, *mais – magis*, *donc – dum*⁸) и начиная с IX–X вв. функционируют в роли реляторов. Эти грамматические единицы являются первообразными, или первичными, средствами сочинительной связи (Ф. Брюно называл их наследственными (*héréditaires*) [1, p. 716]) и противопоставляются

⁶Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales...

⁷Здесь и далее А – система соединительных единиц, Б – система разделительных единиц, В – система противительных единиц, Г – система каузальных единиц.

⁸Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française et de tous les dialectes du IX^e au XV^e siècle // DicFro [Ressource électronique]. URL: <http://micmap.org/dicfro/chercher/dictionnaire-godefroy/> (date de la demande: 15.01.2022).

периферийным единицам сочинения, которые в ходе исторического развития французского языка по-разному проявляют свои конъюнктивные свойства.

В результате обращения к этимологическим⁹ и лексикографическим¹⁰ источникам установлено время первой письменной фиксации 50 отобранных периферийных единиц сочинения, выступающих в роли реляторов. Применение логико-семантического критерия позволило распределить их по группам в соответствии с типом изначально обозначаемых ими отношений: 22 соединительные единицы (*puis, de même (que)* и т. д.), 5 разделительных единиц (*ou bien, soit... soit* и т. д.), 13 противительных единиц (*cependant, au contraire* и т. д.) и 10 каузальных единиц (*en effet, alors* и т. д.) (табл. 2).

Таблица 2

Хронология появления единиц сочинения современного французского языка

Table 2

Chronology of the appearance of modern French language coordination items

Частные системы	Ядерные единицы сочинения	Периферийные единицы сочинения				
	IX–X вв.	XI–XII вв.	XIII–XIV вв.	XV–XVI вв.	XVII–XVIII вв.	XIX–XX вв.
A	<i>et, ni</i>	<i>puis, aussi, encore, de même (que), ainsi, enfin</i>	<i>non moins que, en fait, finalement, de fait, en outre, au surplus</i>	<i>ensuite, aussi bien que, après tout</i>	<i>voire, de plus</i>	<i>c'est à dire, savoir, à savoir, encore que, à la vérité</i>
Б	<i>ou</i>	<i>soit... soit, soit... ou, tantôt... tantôt</i>	<i>ou bien</i>	–	–	<i>et (ou)</i>
В	<i>mais</i>	–	<i>toutefois, néanmoins, au contraire</i>	<i>pourtant, cependant, sinon, au reste</i>	<i>en revanche, du reste, d'ailleurs</i>	<i>par contre, au moins, du moins</i>
Г	<i>donc, or, car</i> ¹¹	–	<i>alors, de fait, c'est pourquoi, par conséquent, conséquemment, ainsi</i>	<i>en effet, par suite</i>	<i>effectivement, partant</i>	–

Информация, представленная в табл. 2, позволяет проследить процесс как пополнения состава единиц сочинения на каждом синхронном срезе (поперечные сечения $A_1 + B_1 + V_1 + \Gamma_1$ и т. д.), так и развития ее частных систем на временной оси (т. е. продольные сечения $A_1 \rightarrow A_2 \rightarrow A_3 \rightarrow \dots \rightarrow A_n$ и т. д.).

Появление периферийных единиц сочинения происходит неравномерно с разной интенсивностью начиная с середины XI в. (*puis*) и продолжается до сих пор (*et (ou), c'est à dire, à savoir* и т. д.), причем половина периферийных единиц сочинения начинает использоваться в функции союзов с XI по XVI в. Количественно преобладают соединительные периферийные единицы сочинения, которые маркируют темпоральную последовательность, присоединение или уточнение. Для номинации разделительных отношений используется наименьшее количество единиц, которые специализируются на обозначении нестрогой дизъюнкции. Периферийные единицы сочинения начинают активно участвовать в обозначении противительных и каузальных отношений после XIII в. Появление противительных периферийных единиц сочинения происходит относительно равномерно (3–4 единицы фиксируются в каждом обозначенном периоде).

Следует отметить, что соединительная, разделительная, противительная и каузальная семантика периферийных единиц сочинения не изменяется¹². Исключение, например, составляет лексема *ainsi*. Изначально эта грамматическая единица функционировала в роли наречия образа действия в значении

⁹Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française...

¹⁰Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales...

¹¹Поскольку сложность идентификации причинно-следственных отношений во многом обусловлена множеством форм существования так называемых причин и следствий, а также разнообразием связей между ними, ядерные единицы сочинения *donc, or, car* и их функциональные эквиваленты объединены в группу каузальных единиц сочинения (см. [34; 35] и др.).

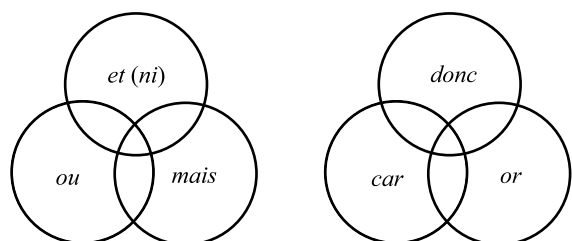
¹²Семантические изменения периферийных единиц сочинения в данной статье не рассматриваются.

‘таким образом’ (фр. *de cette façon*), с XII в. она использовалась в качестве соединителя в значении ‘также’ (фр. *de même que*), а затем (XIII–XIV вв.) стала маркером каузальных отношений¹³. Способность лексемы *ainsi* передавать каузальные отношения (обозначать следствие, вытекающее из сказанного ранее) реализуется при ее употреблении в начале предложения или в начале второй части сложного предложения, т. е. в анафорической функции. Соединительное и каузальное значения данной единицы сохраняются в современном языке. Ср.: ...*Si notre vieille et brave alliée l'Angleterre, ainsi que* (соответствует лексеме *de même que*. – Ю. О.) *tous les dominions britanniques, n'avaient su déployer... l'extraordinaire volonté de vaincre...* (FR; de Gaulle Ch. Mémoires de guerre. 1959) ‘...Если бы наш старый и храбрый союзник Англия, как и все британские владения, не сумели проявить... необычайную волю к победе...’; *Je n'ai point proposé à M. de Narbonne de dîner ici. Ainsi, tu es le maître de dire ce qui te convient* (FR; de Staël G. Correspondance générale. 1790) ‘Я не предлагал господину де Нарбонну ужинать здесь. Значит, ты можешь говорить то, что подобает’.

Можно полагать, что специфика формирования системы единиц сочинения в течение всего периода развития французского языка обусловлена рядом взаимосвязанных факторов. Семантическая неоднозначность ядерных единиц сочинения и нарастающая потребность в номинации соединительных, разделительных, противительных и каузальных отношений приводят к использованию более специализированных единиц, дифференцирующих сложные и многообразные отношения между внеязыковыми сущностями.

Системная организация единиц сочинения

Языковая (парадигматическая) экономия, по мнению А. Мартине [36; 37], заключается в «поиске равновесия между минимальным количеством дифференциальных, релевантных признаков и максимальным количеством значащих единиц, необходимых в процессе коммуникации для различения смысла» [38, с. 63]. Принцип экономии применим к системе ядерных единиц сочинения, которые изначально предназначены для дифференцированного обозначения абстрактных отношений между сущностями. Соответственно, совокупность ядерных единиц сочинения можно показать не в традиционной линейной последовательности союзов *et, ou, ni, mais, car, donc* и *or*, а изобразить в виде симметрично сгруппированных концентрических окружностей (зон) (рис. 1).



Собственно сочинение

Несобственно сочинение

Рис. 1. Система французских ядерных единиц сочинения

Fig. 1. The system of French nuclear coordination items

Предложенная схема позволяет представить систему ядерных единиц сочинения как исторически сложившуюся бинарно организованную структуру, в которой собственно сочинение и несобственно сочинение противопоставлены друг другу функционально и семантически.

В старофранцузском языке ядерные единицы собственно сочинения выполняют те же функции, что и латинские корреляты, к которым они восходят. В латинском языке ядерные единицы несобственно сочинения проходят длительный эволюционный путь, и в ранний период развития французского языка их грамматикализация продолжается. Например, в старофранцузском языке лексикализация латинского сочетания *quā rē* сопровождается утратой референциальной сущности существительного *res* ‘вещь, предмет, дело’ (*chose, objet, affaire*) и фонетической формы¹⁴.

Способность лексем координировать (от фр. *coordonner* – устанавливать сочиненную связь) единицы разной синтаксической сложности лежит в основе бинарной оппозиции собственно сочинения и несобственно сочинения. Ядерные единицы собственно сочинения *et, ou, ni, mais* проявляют

¹³Centre National de Ressources Textuelles et Lexicales...

¹⁴Godefroy F. Dictionnaire de l'ancienne langue française...

свои «строительные» функции как в простом и сложном предложениях, так и в сложносочиненном целом. Ядерные единицы несобственно сочинения *car*, *or*, *donc* изначально, в ранний период развития языка, обнаруживают логико-конъюнктивные свойства при соединении исключительно независимых предикативных единиц для указания на хронологическую последовательность событий, явлений или действий, наблюдаемых говорящим. Такой способ использования единиц отмечается в диахронических исследованиях [7; 39] и подтверждается результатами исследования автора настоящей статьи [40]. Ср.: (P₁) *A Rollant rendent un estur fort e pesme.* / (P₂) *Or ad li quens endreit sei asez que faire* (ChR) '(P₁) К Роланду мчат; их натиск зол и крут. / (P₂) Граф должен бить не покладая рук'¹⁵; (P₁) *Et lors la dite Marie revint ele trouva l'enfant gueri.* (P₂) *Car il metoit sa main destre a sa bouche et a sa teste...* (FR; de Saint Pathus G. Miracles de saint Louis. 1300) 'А когда Мария вернулась, она обнаружила, что ребенок выздоровел. Ибо он (целитель. – Ю. О.) приложил правую руку ко рту и к голове ребенка...'; (P₁) *Et fist crier par tout son royaume que, qui li sauroit dire la verité de cest fet, que il li donroit tel don comme il li demanderoit.* (P₂) *Donc vint une damoiselle qui estoit en la tour quant le roy Apollo de Lionois fu mort* (FR; Phébus G. Livre de chasse. 1387) 'И он повелел провозгласить по всему своему королевству, что тому, кто ему сможет об этом рассказать правду, он (король. – Ю. О.) сделает ему такой дар, о котором он только пожелает. Тогда явилась девушка, которая находилась в башне, когда умер король Аполлон Львиный'.

Структурно-содержательная организация каждого трехчленного пространства различна. Собственно сочинение представлено ядерными единицами *et*, *ou*, *mais*, репрезентирующими определенный тип отношений (соединительные, разделительные, противительные), что отражает симметричный принцип «одно отношение – один знак». Зоны пересечения демонстрируют, что «в своих вторичных семантических функциях союзы могут приобретать иные значения: союз *et* может выражать противопоставление, *mais* – уточнение, *ou* – разъяснение» [10, с. 221]. Иначе говоря, в ряде случаев союзы *et*, *ou*, *mais* обозначают одинаковые отношения. Ср.: *Je ne dis pas avant, mais après le dîner* 'Я не говорю до, но после обеда', *avant ou après le dîner* 'до или после обеда' (взаимоисключение) и *Ses traits étaient comme effacés, mais* (соответствует лексеме *et*. – Ю. О.) *son regard myope avait de l'effronterie* 'Его черты были как бы стерты, но близорукий взгляд был дерзким' (сопоставление).

В свою очередь, ядерные единицы несобственно сочинения обозначают каузальные отношения по принципу «одно отношение – несколько знаков». Первоначально, как уже отмечалось, лексемы *car*, *or*, *donc* устанавливали связь между независимыми предикативными единицами. Согласно результатам настоящего исследования в диахронической перспективе каждая из лексем с интервалом в 2–3 столетия демонстрирует схожую траекторию развития, специализируется на обозначении определенного типа отношений: *car* – причина, обоснование, *donc* – следствие, вывод, *or* – введение дополнительной информации, на основании которой делается вывод¹⁶. Ср.: *L'hiver on souffrait du froid, car pas de vitres aux fenêtres...* (FR; Gide A. L'Immoraliste. 1902) 'Зимой страдали от холода, потому что рамы не были остеклены'; *J'ai pensé qu'Hector devait être encore enrhumé; donc je suis montée par le petit escalier* (FR; Aymé M. Clérambard. 1950) 'Я думал, что Гектор все еще закрыт в комнате; и я поднялся по маленькой лестнице'; *Leur intérêt (des individus. – Ю. О.)... est de n'être employés qu'à ce à quoi ils sont propres. Or, les femmes sont certainement destinées aux fonctions domestiques...* (FR; de Destutt Tr. Comment. Esprit des lois. 1807) 'Частные лица заинтересованы в том, чтобы их использовали только для того, к чему они предназначены. А женщины, безусловно, предназначены для выполнения домашних обязанностей...'.

Из сказанного следует, что ядерные единицы сочинения образуют единое целое на основании общего функционального свойства указывать на связь между независимыми синтаксическими единицами. Они являются центрами притяжения периферийных единиц сочинения, своеобразными аттракторами, вокруг которых в ходе развития французского языка выстраиваются периферийные единицы сочинения. Упорядоченное множество единиц организуется в определенные частные системы: систему соединительных единиц, систему разделительных единиц, систему противительных единиц и систему каузальных единиц.

Соотношение ядерных и периферийных единиц в оформлении сочинительной связи в диахронии заслуживает особого внимания, поскольку, согласно принципу экономии А. Мартине, «в плане слов и знаков каждый языковой коллектив в каждый момент находит определенное равновесие между потребностями выражения, для удовлетворения которых необходимо все большее число специальных и, соответственно, более редких единиц, и естественной инерцией, направленной на сохранение огра-

¹⁵Перевод Б. И. Ярхо.

¹⁶Традиционно считается, что при построении силлогизмов союз *or* вводит вторую посылку и функционирует с союзом *donc*. Ср.: *Tous les hommes sont mortels, or Socrate est un homme; donc Socrate est mortel* 'Все люди смертны, Сократ – человек; следовательно, Сократ смертен'.

ниченного числа общих и чаще употребляющихся единиц» [36, с. 126]. Следовательно, необходимо дополнить настоящее исследование сопоставлением количественных показателей употребительности ядерных и периферийных единиц сочинения в диахронической перспективе.

Употребительность единиц сочинения в диахронии

Для выявления динамики употребительности ядерных и периферийных единиц сочинения используются данные Национального корпуса французского языка *Frantext*, в который включены разножанровые тексты XI–XXI вв. Текстовые документы распределены следующим образом: 59 документов общим объемом 2 829 657 словоупотреблений, которые датированы 1001–1299 гг. (период старофранцузского языка), 339 документов общим объемом 10 916 214 словоупотреблений, которые датированы 1300–1499 гг. (период среднефранцузского языка), 352 документа общим объемом 16 751 287 словоупотреблений, которые датированы 1500–1799 гг. (период классического французского языка), 1103 документа общим объемом 49 338 547 словоупотреблений, которые датированы 1800–1980 гг. (период современного (*moderne*) французского языка), 554 документа общим объемом 42 312 582 словоупотребления, самый ранний из которых датирован 1981 г. (период современного (*contemporain*) французского языка).

Абсолютное количество вхождений 57 единиц в подкорпуса устанавливается с учетом вариативности их письменной фиксации в ранний период развития языка, снятой омонимии и индивидуальных дистрибутивных, семантических и функциональных свойств грамматических единиц. Для каждого из подкорпусов отдельно суммируются количество вхождений ядерных единиц сочинения и количество вхождений периферийных единиц сочинения. Затем устанавливается частотность ядерных единиц сочинения и частотность периферийных единиц сочинения относительно общего количества словоупотреблений в подкорпусах. Сопоставление выявленных относительных показателей частотности изображено на рис. 2.

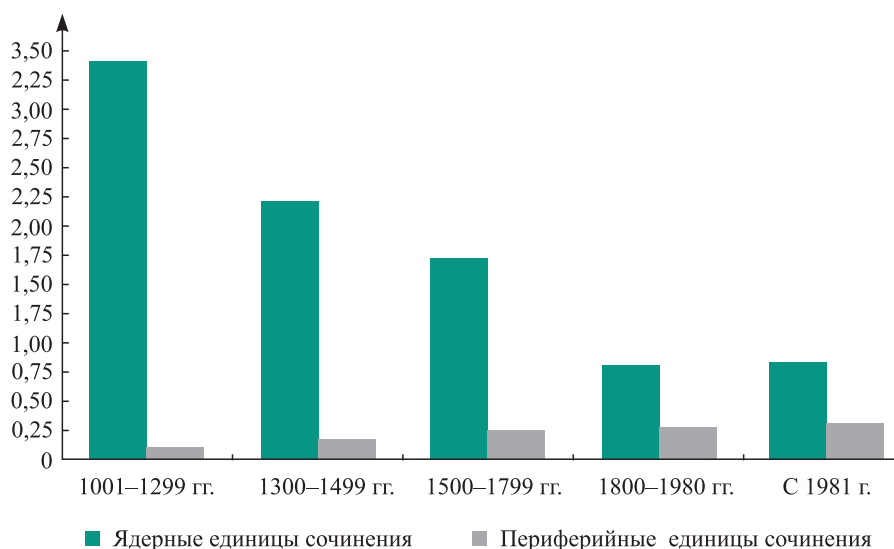


Рис. 2. Относительная частотность ядерных и периферийных единиц сочинения в подкорпусах, %

Fig. 2. Relative frequency of nuclear and peripheral coordination items in subcorpora, %

Как следует из рис. 2, частотность ядерных единиц сочинения за более чем тысячелетний период развития языка снижается с 3,406 до 0,836 %. Однако в количественном отношении ядерные единицы сочинения превосходят периферийные единицы сочинения во всех подкорпусах. Полученные данные подтверждают тезис Дж. К. Ципфа о корреляции между частотой (или рангом) и возрастом единиц: среди самых частотных лексем больше всего слов древнего происхождения [41; 42].

Постепенное сокращение употребительности ядерных единиц сочинения вызывает логичный вопрос о том, каким образом неравномерное по периодам появление периферийных единиц сочинения компенсирует потребность говорящих в номинации разнообразных отношений во внеязыковой действительности. С учетом способности периферийных единиц сочинения выступать в роли конкретизаторов ядерных единиц сочинения необходимо проанализировать количество вхождений ядерных и периферийных единиц сочинения и их сочетаний. Результаты исследования представлены в табл. 3.

Очевидно, что в разные исторические периоды становления французского языка существуют определенные тенденции употребительности тех или иных единиц, оформляющих сочинительную связь. Количественное преимущество ядерных единиц сочинения фиксируется в периодах старофранцузского, среднефранцузского, классического французского и современного (*contemporain*) французского языков, или в 1, 2, 3 и 5-м подкорпусах (96,160 7; 85,741 2; 61,059 6 и 67,021 9 % соответственно). Соотношение ядерных и периферийных единиц сочинения и их сочетаний в диахронии визуализировано на рис. 3.

Таблица 3

Частотность ядерных и периферийных единиц сочинения и их сочетаний в подкорпусах

Table 3

Frequency of nuclear, peripheral coordination items and their combinations in subcorpora

Подкорпус	Период	Ядерные единицы сочинения		Сочетания ядерных и периферийных единиц сочинения		Периферийные единицы сочинения		Общее количество единиц
		Количество единиц	Доля, %	Количество единиц	Доля, %	Количество единиц	Доля, %	
1	1001–1299 гг.	95 427	96,160 7	949	0,956 3	2861	2,882 9	99 237
2	1300–1499 гг.	197 697	85,741 2	15 052	6,528 1	17 825	7,730 7	230 574
3	1500–1799 гг.	214 073	61,059 6	29 973	8,549 1	106 551	30,391 3	230 574
4	1800–1980 гг.	310 338	36,723 2	108 768	12,870 8	425 967	50,405 9	845 073
5	С 1981 г.	330 574	67,021 9	31 848	6,456 9	130 811	26,521 1	493 233

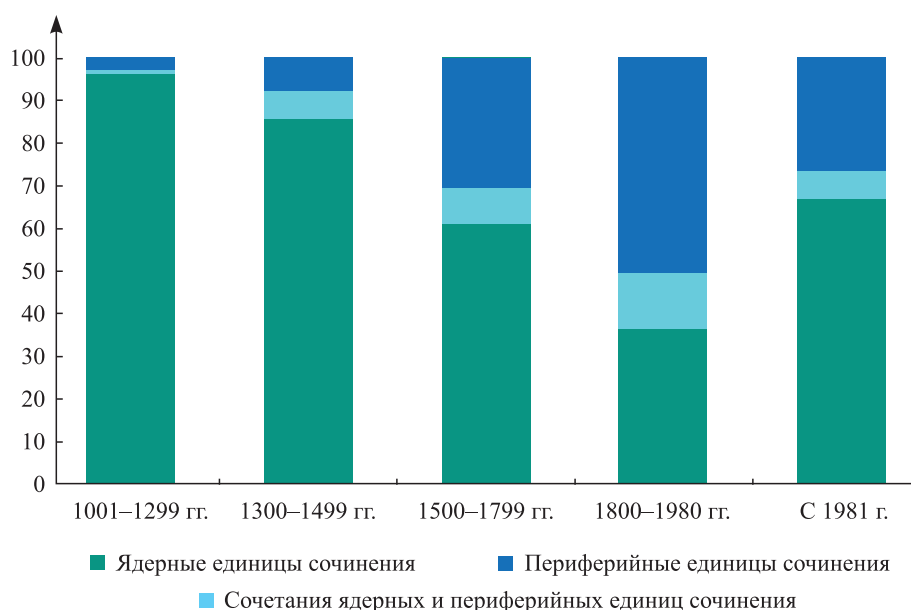


Рис. 3. Динамика соотношения ядерных и периферийных единиц сочинения и их сочетаний, %

Fig. 3. Dynamics of the ratio of nuclear, peripheral coordination items and their combinations, %

В периоды старофранцузского и среднефранцузского языков, или в 1-м и 2-м подкорпусах, функциональные эквиваленты ядерных единиц сочинения только появляются в системе и начинают постепенно проявлять свои конъюнктивные свойства (2,882 9 и 7,730 7 % соответственно). Тенденция к конкретизации ядерных единиц сочинения в эти периоды носит точечный характер (0,956 3 и 6,456 9 % соответственно), что обусловлено постепенным формированием системы (см. табл. 2). Значительный рост употребительности периферийных единиц сочинения фиксируется в период классического французского языка.

ского языка, или в 3-м подкорпусе, и в период современного (*moderne*) французского языка, или в 4-м подкорпусе, достигает максимума (30,391 3 и 50,405 9 % соответственно). В это время периферийные единицы сочинения активно используются в роли конкретизаторов ядерных единиц сочинения (12,870 8 %).

Преобладающий способ оформления сочинения посредством ядерных единиц (61,059 6 %), фиксируемый в период классического французского языка, или в 3-м подкорпусе, максимально приближен к золотой пропорции, в которой одна часть целого составляет 62 %, а другая – 38 %. В период классического французского языка такое соотношение между единицами, оформляющими сочинение, является результатом взаимосвязанных сложных процессов, которые происходили в синтаксической системе и, в частности, затронули систему единиц сочинения (кодификация нормы и нарастающая тенденция к анализируемости, обусловленная потребностью говорящих в обозначении разнообразных логических отношений).

Особо следует отметить способность соединительных, противительных и каузальных периферийных единиц сочинения комбинироваться с ядерными единицами сочинения. Разделительные периферийные единицы сочинения не обладают такой способностью. Периферийные единицы сочинения по-разному проявляют свои сочетаемостные свойства в диахронической перспективе, что требует проведения дополнительных исследовательских процедур.

Фиксируемые изменения в употребительности ядерных и периферийных единиц сочинения и их сочетаний на сопоставляемых временных отрезках, с одной стороны, отражают своеобразную рельефность коэволюционных процессов, а с другой стороны, позволяют наблюдать освоение дискурсивной практики (ср. [43, с. 144–204]). В ходе познания многообразия связей между объектами внеязыковой действительности изученное больше не требует дифференциации и конкретизации сути обозначаемых отношений, а новое вызывает необходимость ее уточнения.

Заключение

Настоящее исследование показывает, что система французских единиц сочинительной связи состоит из сложноорганизованных по прототипическому принципу «ядро – периферия» коэволюционирующих частных систем: соединительной, разделительной, противительной и каузальной.

Формирование этой системы происходило поэтапно. Изначально ядерные единицы сочинения образовывали упорядоченную и равновесную систему с двумя центрами притяжения: собственно сочинением и несобственно сочинением. В ходе развития языка постепенно возрастающая потребность в дифференциации многообразных абстрактных отношений привела к неравномерному появлению разнородных единиц, выполняющих функции сочинительных союзов и их конкретизаторов. Можно полагать, что появление периферийных единиц сочинения является своеобразным индикатором существенных диахронических изменений качественных характеристик ядерных единиц сочинения и заслуживает пристального внимания.

В результате установления общей динамики употребительности ядерных и периферийных единиц сочинения выявлена высокая частотность ядерных единиц сочинения на всех рассматриваемых синхронных срезах. Несомненно, что для установления динамики употребительности соединительных, противительных, разделительных и каузальных единиц сочинения необходимы дополнительные исследовательские процедуры, которые позволят определить логику развития ядерных и периферийных единиц в диахронии, вписывающуюся в общую, магистральную закономерность эволюции французского языка.

Сокращения

FR – Frantext. Corpus National Français [Electronic resource]. URL: <http://www.frantext.fr/> (date of access: 13.02.2022) ; **ChR** – La Chanson de Roland. Texte critique, traduction et commentaire / ed. L. Gautier. 5^e édition. Tours : Alfred Mame et fils, 1875. 397 p.

Библиографические ссылки

1. Brunot F. *La pensée et la langue. Méthodes, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français*. Paris: Masson; 1922. 954 p.
2. Pottier B. *Systématique des éléments de relation: étude de morphosyntaxe structurale romane*. Paris: Klincksieck; 1962. 375 p.
3. Antoine G. *La coordination en français*. Paris: d'Artrey; 1958–1962. 2 volumes.

4. Hobæk Haff M. *Coordonnants et éléments coordonnés*. Oslo: Solum Forlag; 1987. 211 p.
5. Wilmet M. *Grammaire rénovée du français*. Bruxelles: De Boeck; 2007. 331 p.
6. Rousseau A, Begioni L, Quayle N, Roulland D, editors. *La coordination*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes; 2007. 404 p.
7. Marchello-Nizia Ch, Combettes B, Prévost S, Scheer T, editors. *Grande grammaire historique du français*. Berlin: De Gruyter Mouton; 2020. 2185 p.
8. Grevisse M. *Le bon usage. Grammaire française*. Paris: Duculot; 2018. 1762 p.
9. Riegel M, Pellat J-C, Rioul R. *Grammaire méthodique du français*. Paris: Presses Universitaires de France; 2016. 1110 p.
10. Гак ВГ. *Теоретическая грамматика французского языка*. Москва: Добросвет; 2000. 832 с.
11. Rodriguez-Somolinos A. Ainz et mais en ancien français. *Romania*. 2002;120:505–541.
12. Lambert F. Et: un cas de grammaticalisation? *Travaux linguistiques du Cerlico: Grammaticalisation 2. Concepts et cas*. 2001;14:113–134.
13. Combettes B. Approche diachronique des adverbiaux contextuels. *LINX*. 1995;3:33–50.
14. Forsgren M. Les connecteurs de fait, en fait, en effet, effectivement: observations empiriques effectuées dans des contextes discursifs variés. *Syntaxe et Sémantique*. 2009;1(10):51–64.
15. Rossari C. Les adverbes-connecteurs: vers une identification de la classe et des sous-classes. *Cahiers de linguistique française*. 2002;24:11–44.
16. Кукушкина ИИ. *Концептуальное содержание сочинительного союза «et» в сложносочиненном предложении в современном французском языке* [диссертация]. Иркутск: Иркутский государственный лингвистический университет; 2002. 161 с.
17. Reboul A, Moeschler J. *Pragmatique du discours. De l'interprétation de l'énoncé à l'interprétation du discours*. Paris: Armand Colin; 1998. 220 p.
18. Кудрявцева НБ. *Дискурс и система сочинительных союзов современного французского языка* [диссертация]. Москва: Московский государственный лингвистический университет; 2009. 388 с.
19. Dubois J, Jouannon G, Lagane R. *Grammaire française*. Paris: Larousse; 1984. 175 p.
20. Charaudeau P. *Grammaire du sens et de l'expression*. Paris: Hachette Éducation; 1992. 927 p.
21. Реферовская ЕА. *Синтаксис современного французского языка. Сложное предложение*. Ленинград: Наука; 1969. 238 с.
22. Weinrich H. *Grammaire textuelle du français*. Paris: Didier-Erudition; 1989. 672 p.
23. Martinet A. *Grammaire fonctionnelle du français*. Paris: Crédif-Didier; 1979. 276 p.
24. Кудрявцева НБ. Спорные вопросы грамматики: о составе союзов сочинения во французском языке. *Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2010;2:81–87.
25. Badiou-Monferran Cl. *Les conjonctions de coordination ou «l'art de lier ses pensées» chez La Bruyère*. Paris: Champion; 2000. 645 p.
26. Roig A. Quel mode de liaison dans les corrélatives isomorphes «plus... plus» et «autant... autant»? In: Zaharee A, editor. *Actes du Congrès Mondial de Linguistique Française; 2014 July 19–23; Berlin; Germany*. Berlin: Congrès Mondial de Linguistique Française; 2014. p. 2533–2549.
27. Benzitoun Ch. Approche comparative de la notion de degré en syntaxe à travers l'opposition entre subordination et coordination. *Travaux de linguistique*. 2007;54:121–132.
28. Rosch E, Lloyd B. Principles of categorisation. In: Rosch E, Lloyd B, editors. *Cognition and Categorisation*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1978. p. 27–48.
29. Rosch E, Mervis CB. Family resemblances: studies in the internal structure of categories. In: Geirsson H, Losonsky M, editors. *Reading in language and mind*. Cambridge: Blackwell Publishers Inc.; 1996. p. 442–460.
30. Адмони ВГ. *Грамматический строй как система построения и общая теория грамматики*. Ленинград: Наука; 1988. 238 с.
31. Бондарко АВ. *Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии*. Ярцева ВН, редактор. Москва: Эдиториал УРСС; 2001. 208 с.
32. Всеволодова МВ. *Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Фрагмент фундаментальной прикладной (педагогической) модели языка*. Москва: Эдиториал УРСС; 2017. 656 с.
33. Гийом Г. *Принципы теоретической лингвистики*. Скрелина ЛМ, редактор. Москва: Прогресс; 1992. 224 с.
34. Лакофф Дж, Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. Баранов АН, Морозова АВ, переводчики; Баранов АН, редактор. Москва: Эдиториал УРСС; 2004. 256 с.
35. Тарасова ЛД. Языковой статус причинной связи. *Филологические науки*. 1998;1:50–55.
36. Мартине А. *Основы общей лингвистики*. Шеворошкин ВВ, переводчик; Звегинцев ВА, редактор. Москва: Эдиториал УРСС; 2004. 224 с.
37. Мартине А. *Принцип экономии в фонетических изменениях (проблемы диахронической фонологии)*. Зализняк АА, переводчик; Звегинцев ВА, редактор. Москва: Издательство иностранной литературы; 1960. 262 с.
38. Становая ЛА. Еще раз к вопросу о принципе языковой экономии. *Теоретическая и прикладная лингвистика*. 2016;2(4):50–75. DOI: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_50_75.
39. Buridant Cl. *Grammaire nouvelle de l'ancien français*. Paris: Sedes; 2000. 800 p.
40. Овсейчик ЮВ. Полифункциональность лексемы *or* в старо- и среднефранцузском языках. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика*. 2022;1:64–75.
41. Zipf GK. *Selected studies of relative frequency in language*. Cambridge: Harvard University Press; 1932. 52 p.
42. Zipf GK. *The psycho-biology of language: an introduction to dynamic philology*. Cambridge: The MIT Press; 1968. 336 p.
43. Балашов ЕА, Баранов АН, Добровольский ДО, Киселева КЛ, Козеренко АД, Коробова ММ и др. *Корпусная модель идиостиля Достоевского*. Баранов АН, Добровольский ДО, редакторы. Москва: Лексрус; 2021. 358 с.

References

1. Brunot F. *La pensée et la langue. Méthodes, principes et plan d'une théorie nouvelle du langage appliquée au français*. Paris: Masson; 1922. 954 p.
2. Pottier B. *Systématique des Éléments de relation: étude de morphosyntaxe structurale romane*. Paris: Klincksieck; 1962. 375 p.
3. Antoine G. *La coordination en français*. Paris: d'Artrey; 1958–1962. 2 volumes.
4. Hobæk Haff M. *Coordonnants et éléments coordonnés*. Oslo: Solum Forlag; 1987. 211 p.
5. Wilmet M. *Grammaire rénovée du français*. Bruxelles: De Boeck; 2007. 331 p.
6. Rousseau A, Begioni L, Quayle N, Roulland D, editors. *La coordination*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes; 2007. 404 p.
7. Marchello-Nizia Ch, Combettes B, Prévost S, Scheer T, editors. *Grande grammaire historique du français*. Berlin: De Gruyter Mouton; 2020. 2185 p.
8. Grevisse M. *Le bon usage. Grammaire française*. Paris: Duculot; 2018. 1762 p.
9. Riegel M, Pellat J-C, Rioul R. *Grammaire méthodique du français*. Paris: Presses Universitaires de France; 2016. 1110 p.
10. Gak VG. *Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka* [Theoretical grammar of the French language]. Moscow: Dobrosvet; 2000. 832 p. Russian.
11. Rodriguez-Somolinos A. Ainz et mais en ancien français. *Romania*. 2002;120:505–541.
12. Lambert F. Et: un cas de grammaticalisation? *Travaux linguistiques du Cerlico: Grammaticalisation 2. Concepts et cas*. 2001;14:113–134.
13. Combettes B. Approche diachronique des adverbiaux contextuels. *LINX*. 1995;3:33–50.
14. Forsgren M. Les connecteurs de fait, en fait, en effet, effectivement: observations empiriques effectuées dans des contextes discursifs variés. *Syntaxe et Sémantique*. 2009;1(10):51–64.
15. Rossari C. Les adverbes-connecteurs: vers une identification de la classe et des sous-classes. *Cahiers de linguistique française*. 2002;24:1–44.
16. Kukushkina IN. *Kontseptual'noye soderzhanie sochinitel'nogo soyuza «et» v slozhnosochinennom predlozhenii v sovremennom frantsuzskom yazyke* [The conceptual content of the coordinating conjunction «et» in a compound sentence in modern French] [dissertation]. Irkutsk: Irkutsk State Linguistic University; 2002. 161 p. Russian.
17. Reboul A, Moeschler J. *Pragmatique du discours. De l'interprétation de l'énoncé à l'interprétation du discours*. Paris: Armand Colin; 1998. 220 p.
18. Kudryavtseva N. B. *Diskurs i sistema sochinitel'nykh soyuzov sovremennogo frantsuzskogo yazyka* [Discourse and the system of coordinating conjunctions of modern French] [dissertation]. Moscow: Moscow State Linguistic University; 2009. 388 p. Russian.
19. Dubois J, Jouannon G, Lagane R. *Grammaire française*. Paris: Larousse; 1984. 175 p.
20. Charaudeau P. *Grammaire du sens et de l'expression*. Paris: Hachette Éducation; 1992. 927 p.
21. Referovskaya EA. *Sintaksis sovremennogo frantsuzskogo yazyka. Slozhnoe predlozhenie* [Syntax of modern French language. Complex sentence]. Leningrad: Nauka; 1969. 238 p. Russian.
22. Weinrich H. *Grammaire textuelle du français*. Paris: Didier-Hatier, 1989; 672 p.
23. Martinet A. *Grammaire fonctionnelle du français*. Paris: Crédif-Didier, 1979; 276 p.
24. Kudryavtseva NB. Controversial issues in grammar: on the composition of conjunctions in the French language. *Moscow State University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication*. 2010;2:81–87. Russian.
25. Badiou-Monferran Cl. *Les conjonctions de coordination ou «l'art de lier ses pensées» chez La Bruyère*. Paris: Champion; 2000. 645 p.
26. Roig A. Quel mode de liaison dans les corrélatives isomorphes «plus... plus» et «autant... autant»? In: Zaharee A, editor. *Actes du Congrès Mondial de Linguistique Française; 2014 July 19–23; Berlin; Germany*. Berlin: Congrès Mondial de Linguistique Française; 2014. p. 2533–2549.
27. Benzitoun Ch. Approche comparative de la notion de degré en syntaxe à travers l'opposition entre subordination et coordination. *Travaux de linguistique*. 2007;54:121–132.
28. Rosch E, Lloyd B. Principles of categorisation. In: Rosch E, Lloyd B, editors. *Cognition and categorisation*. Hillsdale: Lawrence Erlbaum Associates; 1978. p. 27–48.
29. Rosch E, Mervis CB. Family Resemblances: studies in the internal structure of categories. In: Geirsson H, Losonsky M, editors. *Reading in language and mind*. Cambridge: Blackwell Publishers Inc.; 1996. p. 442–460.
30. Admoni VG. *Grammaticheskiy stroy kak sistema postroyeniya i obshchaya teoriya grammatiki* [Grammatical structure as a system of construction and general theory of grammar]. Leningrad: Nauka; 1988. 238 p. Russian.
31. Bondarko AV. *Printsipy funktsional'noi grammatiki i voprosy aspektologii* [Principles of functional grammar and issues of aspectology]. Yartseva VN, editor. Moscow: Editorial URSS; 2001. 208 p. Russian.
32. Vsevolodova MV. *Teoriya funktsional'no-kommunikativnogo sintaksisa. Fragment fundamental'noi prikladnoi (pedagogicheskoi) modeli yazyka* [Theory of functional-communicative syntax. A fragment of the fundamental applied (pedagogical) language model]. Moscow: Editorial URSS; 2017. 656 p. Russian.
33. Girom G. *Printsipy teoreticheskoi lingvistiki* [Principles of theoretical linguistics]. Skrelin LM, editor. Moscow: Progress; 1992. 224 p. Russian.
34. Lakoff G, Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: The University of Chicago Press; 1980. 193 p.
Russian edition: Lakoff J, Johnson M. *Metafori, kotorymi my zhivem*. Baranov AN, Morozova AV, translators; Baranov AN, editor. Moscow: Editorial URSS; 2004. 256 p.
35. Tarasova LD. [Linguistic status of causation]. *Filologicheskie nauki*. 1998;1:50–55. Russian.
36. Martine A. *Osnovy obshchei lingvistiki* [Fundamentals of general linguistics]. Shevoroshkin VV, translator; Zvegintsev VA, editor. Moscow: Editorial URSS; 2004. 224 p. Russian.

37. Martine A. *Printsip ekonomii v foneticheskikh izmeneniyakh (problemy diakhronicheskoi fonologii)* [The principle of economy in phonetic changes (problems of diachronic phonology)]. Zaliznyak AA, translator; Zvegintsev VA, editor. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoi literatury; 1960. 262 p. Russian.
38. Stanovaia LA. Addressing the principle of linguistic economy again. *Theoretical and Applied Linguistics*. 2016;2(4):50–75. Russian. DOI: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_50_75.
39. Buridant Cl. *Grammaire nouvelle de l'ancien français*. Paris: Sedes; 2000. 800 p.
40. Auvseichyk YuV. Polyfunctionality of the lexeme or in Old and Middle French. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Linguistics*. 2022;1:64–75. Russian.
41. Zipf GK. *Selected studies of relative frequency in language*. Cambridge: Harvard University Press; 1932. 52 p.
42. Zipf GK. *The psycho-biology of language: an introduction to dynamic philology*. Cambridge: The MIT Press; 1968. 336 p.
43. Balashov EA, Baranov AN, Dobrovol'skii DO, Kiseleva KL, Kozerenko AD, Korobova MM, et al. *Korpusnaya model' idios-tilya Dostoevskogo* [Case model of Dostoevsky's idiostyle]. Baranov AN, Dobrovol'skii DO, editors. Moscow: Leksrus; 2021. 358 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 15.04.2022.
Received by the editorial board 15.04.2022.

О СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПОТЕНЦИАЛЕ АБСТРАКТНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ (ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА: СОЗНАНИЕ, МОРАЛЬ, ЧУВСТВА»)

ДУ ЦЗЮАНЬ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Представлены результаты исследования словообразовательного потенциала непроемких абстрактных имен существительных, относящихся к тематическому полю «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства». Охарактеризованы структурно-семантические особенности словообразовательных гнезд имен существительных этой группы. Обнаружены некоторые закономерности в проявлении деривационной активности данной субстантивной лексики. Почти все концептуально значимые лексемы, связанные в сознании русского человека с представлениями о духовности, нравственности и моральных ценностях, обладают достаточно высоким словообразовательным потенциалом и реализуют его в разных направлениях. Наиболее важной в процессе выявления деривационно активных или деривационно пассивных лексем является 1-я ступень словопроизводства. На 1-й ступени деривации абстрактное значение лексемы – вершины гнезда либо конкретизируется при образовании субстантивных лексем со значением лица, либо осложняется мутационными словообразовательными значениями при образовании атрибутивных и глагольных лексем, либо модифицируется с помощью деминутивов. Чем активнее расширяется словообразовательное гнездо по горизонтали, тем больше производных лексем концентрируются на 2-й и 3-й ступенях деривации, тем уже становится круг новообразований с мутационным словообразовательным значением. В свою очередь, количество слов-транспозитов растет, а область лексической деривации заполняется в основном лексемами с модификационным словообразовательным значением за счет варьирования способа представления глагольного действия, а также за счет образования существительных со словообразовательными значениями лица женского пола или отсутствия того (противоположности тому), что названо мотивирующим словом.

Ключевые слова: словообразовательный потенциал; словообразовательное гнездо; словообразовательное значение; абстрактные существительные; тематическое поле.

АБ СЛОВАЎТВАРАЛЬНЫМ ПАТЭНЦЫЯЛЕ АБСТРАКТНЫХ НАЗОЎНІКАЎ (ТЭМАТЫЧНАЕ ПОЛЕ «ДУХОЎНЫ СВЕТ ЧАЛАВЕКА: СВЯДОМАСЦЬ, МАРАЛЬ, ПАЧУЦЦІ»)

ДУ ЦЗЮАНЬ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Прадстаўлены вынікі даследавання словаўтваральнага патэнцыялу невытворных абстрактных назоўнікаў, якія адносяцца да тэматычнага поля «духоўны свет чалавека: свядомасць, мараль, пачуцці». Ахарактарызаваны структурна-семантычныя асаблівасці словаўтваральных гнёздаў назоўнікаў гэтай групы. Выяўлены некаторыя

Образец цитирования:

Ду Цзюань. О словообразовательном потенциале абстрактных имен существительных (тематическое поле «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства»). *Журнал Белорусского государственного университета. Филология.* 2022;2:77–89.

For citation:

Du Juan. The word-formation potential of abstract nouns (thematic field «the spiritual world of man: consciousness, morals, feelings»). *Journal of the Belarusian State University. Philology.* 2022;2:77–89. Russian.

Автор:

Ду Цзюань – аспирантка кафедры русского языка филологического факультета. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Т. Н. Волюнец.

Author:

Du Juan, postgraduate student at the department of Russian language, faculty of philology.
40026730@qq.com

заканамернасці ў праяўленні дэрывацыйнай актыўнасці дадзенай групы субстантыўнай лексікі. Амаль усе канцэптуальна значныя лексемы, звязаныя ў свядомасці рускага чалавека з уяўленнямі аб духоўнасці, маральнасці і маральных каштоўнасцях, маюць дастаткова высокі словаўтваральны патэнцыял і рэалізуюць яго ў розных напругах. Найбольш важнай у працэсе выяўлення дэрывацыйнай актыўнасці або дэрывацыйнай пасіўнасці лексем з’яўляецца 1-я ступень словавытворнасці. На 1-й ступені дэрывацыі абстрактнае значэнне лексемы – вяршыні гнязда або канкрэтызацыя пры ўтварэнні субстантыўных лексем са значэннем асобы, або ўскладняецца мутацыйнымі словаўтваральнымі значэннямі пры ўтварэнні атрыбутыўных і дзеяслоўных лексем, або мадыфікуецца з дапамогай дэмініватываў. Чым больш актыўна пашыраецца словаўтваральнае гняздо па гарызанталі, тым больш вытворных лексем канцэнтруецца на 2-й і 3-й ступенях дэрывацыі, тым больш вузкім становіцца кола новаўтварэнняў з мутацыйным словаўтваральным значэннем. У сваю чаргу, колькасць слоў-траспазітаў расце, а сфера лексічнай дэрывацыі запаўняецца ў асноўным лексемамі з мадыфікацыйным словаўтваральным значэннем за кошт вар’іравання спосабу прадстаўлення дзеяслоўнага дзеяння, а таксама за кошт утварэння назоўнікаў са словаўтваральнымі значэннямі асобы жаночага полу або адсутнасці таго (процілегласці таму), што названа ўтваральным словам.

Ключавыя словы: словаўтваральны патэнцыял; словаўтваральнае гняздо; словаўтваральнае значэнне; абстрактныя назоўнікі; тэматычнае поле.

THE WORD-FORMATION POTENTIAL OF ABSTRACT NOUNS (THEMATIC FIELD «THE SPIRITUAL WORLD OF MAN: CONSCIOUSNESS, MORALS, FEELINGS»)

DU JUAN^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article presents the results of the study of word-formation capacity of non-derivative abstract nouns belonging to the topic «spiritual world of man: consciousness, morals, feelings». The structural-semantic features of their word-formation nests are characterised. The following regularities in the manifestation of derivational activity of the group of substantive vocabulary were found in analysis. Almost all conceptually significant lexemes associated in the Russian consciousness with the idea of spirituality, morality and moral values have a sufficiently high word-formation potential and implement it in different directions. The most important in the process of revealing derivationally active or derivation, passive lexemes is the first stage of word-production. The abstract meaning of the nest-top lexeme at the 1st stage is either concretised when forming substantive lexemes with a face meaning or complicated by mutational word-formation values when forming attributive and verbal lexemes or is modified with diminutives. The more active is the horizontal expansion of the word-formation nest, the more derivative lexemes are concentrated in the 2nd and 3rd stages of derivation, the more new words with mutational word-formation meanings become, but the number of transposition words increases, and lexical derivation is filled mainly by lexemes with modification word-formation meanings due to variation of the verbal action and formation of nouns with word-formation meanings of a female person or the absence of (the opposite of) the motivating word.

Keywords: word-formation capacity; word-formation nest; word-formation meaning; abstract nouns; topic.

Введение

Для современной дериватологии характерен повышенный интерес к проблеме установления словообразовательного потенциала лексических единиц. И это не случайно. Выявление релевантных признаков, позволяющих обнаружить деривационную валентность слова, чрезвычайно важно для углубления и расширения научных представлений о словообразовательной активности лексем, а также о механизмах порождения ими производных слов.

В русистике содержание термина «словообразовательный потенциал» трактуется неоднозначно. В широком смысле данное понятие определяется как «устойчивая совокупность наличных ресурсов, накопленных словообразовательной системой в процессе ее становления и обуславливающих способность (возможность) этой системы к оптимальному функционированию и развитию»¹. В узком смысле словообразовательный потенциал интерпретируется как «деривационные возможности отдельного

¹Каде Т. Х. Словообразовательный потенциал суффиксальных типов русских существительных : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01. Краснодар, 1993. С. 14–15.

элемента словообразовательной системы» [1, с. 15]. Как указывает Е. В. Васильева, исследование словообразовательного потенциала конкретных единиц осуществляется через анализ его возможных реализаций [2, с. 21–34]. Данные реализации воплощаются в составе комплексных единиц словообразовательной системы: словообразовательной парадигмы, словообразовательной цепочки и словообразовательного гнезда (СГ).

При изучении словообразовательного потенциала в качестве объекта исследования обычно выступают части речи, лексико-грамматические разряды слов, тематические и лексико-семантические группы слов, а также группы слов с одинаковым структурным компонентом.

Части речи являются объектом исследования в работах российских (З. И. Резанова², Н. Г. Юсупова³, Т. С. Яруллина⁴) и белорусских (В. Л. Леонович [3], В. В. Тозик [4]) ученых. Что касается лексико-грамматических разрядов слов, то Л. Н. Денисик описывал словообразовательный потенциал вещественных имен существительных в современном русском языке⁵. Исследованиями в области словообразовательного потенциала тематических и лексико-семантических групп слов занимались С. В. Артюхова⁶, Т. В. Белякова [5], Е. С. Федотова⁷ и Н. С. Трифонова⁸. Если говорить о группах слов с одинаковым структурным компонентом, то в работе Е. В. Стриго выявляются особенности реализации словообразовательного потенциала непроемных лексем с корневой морфемой латинского происхождения⁹.

Интерес дериватологов к словообразовательному потенциалу лексем, объединенных общей семантикой, обусловлен прежде всего тем, что при исследовании слов, производных от данных единиц, можно установить, какие участки лексической системы «открыты для словообразования, а какие, наоборот, закрыты и с чем это связано; какова частеречная принадлежность вторичных единиц номинации и в какие словообразовательные категории они объединяются, какую роль деривационный потенциал определенной группы слов играет при моделировании языковой национальной картины мира»¹⁰.

Цель настоящей статьи – выявить особенности реализации словообразовательного потенциала непроемных абстрактных имен существительных, формирующих тематическое поле «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства».

Материал для анализа (1855 единиц) отбирался из [6]. На данном этапе исследования интерес представляют структурно-семантические особенности СГ непроемных имен существительных, для которых абстрактное значение является первичным (157 лексем).

Внимание автора настоящей статьи к изучению абстрактных имен существительных обусловлено сложностью феномена абстракции, многогранностью слов этого класса, трудностью их семантической классификации, а также их лексико-грамматическим своеобразием, оказывающим сильное воздействие на словопорождающие возможности данных единиц.

Результаты и их обсуждение

В ходе проведенного исследования установлено, что словообразовательный потенциал лексем, относящихся к тематическому полю «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства», отражается в двусловных, цепочечных, веерных и древовидных СГ [14].

Двусловные СГ (19) состоят из словообразовательной пары:

медитация → *медитат-ивн-ый*¹¹
постулат → *постул-ирова-ть*

²Резанова З. И. Словообразующие возможности существительного (на материале современного русского литературного языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Томск, 1983. 20 с.

³Юсупова Н. Г. Структура словообразовательных парадигм имен существительных в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1980. 22 с.

⁴Яруллина Т. С. Словообразовательные возможности русских непроемных глаголов: к вопросу взаимодействия грамматики и словообразования : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. М., 1980. 28 с.

⁵Денисик Л. Н. Словообразующий потенциал вещественных существительных в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Киев, 1988. 16 с.

⁶Артюхова С. В. Словообразовательный потенциал глаголов с семой «эмоция» в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Махачкала, 2005. 21 с.

⁷Федотова Е. С. Деривационный потенциал имен прилагательных со значением чувственного восприятия в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01. Киев, 1998. 22 с.

⁸Трифорова Н. С. Зависимость словообразовательного потенциала слова от его лексико-семантических характеристик (на материале английских и русских цветообозначений) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19. Саратов, 1986. 20 с.

⁹Стриго Е. В. Словообразовательный потенциал слов с латинской корневой морфемой в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02. Минск, 2017. 27 с.

¹⁰Артюхова С. В. Словообразовательный потенциал глаголов с семой «эмоция» в современном русском языке... С. 3.

¹¹Здесь и далее анализируются СГ и их фрагменты, извлеченные из [8].

Цепочечные СГ (8) складываются из одной полинарной словообразовательной цепочки:

индукция → *индуктив-н-ый* → *индуктивн-ость*
кошмар → *кошмар-н-ый* → *кошмарн-о*

Веерные СГ (9) формируются из одной словообразовательной парадигмы:

стресс → *стресс-ор*
стресс → *стресс-ов-ый*

Древовидные СГ (121) имеют разветвленную структуру и состоят из нескольких словообразовательных цепочек и парадигм:

апатия → *апат-ичн-ый* → *апатичн-ость*
апатия → *апат-ичн-о*
апатия → *апат-ическ-ий* → *апатическ-и*

Как видно из приведенных выше количественных данных, абсолютное большинство исследуемых абстрактных лексем организуют древовидные СГ, что является следствием их достаточно высокой деривационной активности. Однако глубина этих СГ весьма незначительная. Основная масса СГ непроизводных абстрактных имен существительных, относящихся к тематическому полю «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства», имеют производные слова на 2-й и 3-й ступенях деривации (43,8 %, или 53 лексемы, и 42,1%, или 51 лексема, соответственно). Возрастание ступеней деривации наблюдается только у 18 лексем: 14 единиц образуют четырехступенчатые СГ (11,6 %), 2 единицы (*добро* и *ум*) – пятиступенчатые СГ (1,65 %), 2 единицы (*зло* и *мысль*) – шестиступенчатые СГ (1,65 %).

Максимальное количество слов отмечено в пяти- и шестиступенчатых СГ, вершинами которых являются лексемы *мысль* (198 и 68 соответственно) и *ум* (187 и 66 соответственно). Значительное количество слов сосредоточено также в трех- и шестиступенчатых СГ с вершинами *зло* (133 и 66 соответственно), *воля* (126 и 44 соответственно), *душа* (125 и 41 соответственно), *добро* (114 и 40 соответственно), *вера* (104 и 36 соответственно), *культура* (91 и 23 соответственно), *вина* (65 и 32 соответственно), *свобода* (51 и 17 соответственно), *страх* (51 и 22 соответственно), *идея* (51 и 18 соответственно), *горе* (42 и 12 соответственно), *стыд* (39 и 12 соответственно), *интерес* (32 и 16 соответственно), *память* (35 и 10 соответственно), *нрав* (33 и 8 соответственно), *счастье* (31 и 14 соответственно), *лень* (32 и 10 соответственно), *честь* (31 и 13 соответственно).

Средняя мощность исследованных СГ колеблется от 3,96 (*культура*) до 0,75 (*каверза*)¹².

Количественное соотношение производных и производящих слов в СГ указанных выше лексических единиц свидетельствует о том, что практически все концептуально значимые лексемы, связанные в сознании носителей русского языка с представлениями о духовности, нравственности и моральных ценностях, обладают относительно высоким словообразовательным потенциалом и реализуют его в разных направлениях.

Минимальное количество производных слов (3 единицы) отмечено в 25 древовидных **двухступенчатых** СГ с вершинами *азарт*, *аргумент*, *гипотеза*, *инстинкт*, *козни*, *категория*, *резюме*, *сенсация* и др. В основном трехкомпонентные СГ имеют стандартный набор производных единиц. Так, на 1-й ступени словообразования находится суффиксальная атрибутивная лексема, а на 2-й ступени словообразования размещаются ее синтаксические дериваты:

инстинкт → *инстинкт-ивн-ый* → *инстинктивн-ость*
инстинкт → *инстинктивн-о*

Исключением является СГ с вершиной *резюме*. На 1-й ступени деривации абстрактное значение данной лексемы преломляется в глагольной лексеме *резюмировать*, а на 2-й ступени деривации оно дополняется словообразовательными модификационным (*резюмироваться*) и транспозиционным (*резюмирование*) значениями.

Расширение стандартных двухступенчатых СГ абстрактных имен существительных (до 4–17 единиц) наблюдается в тех случаях, когда на 1-й ступени деривации появляются именная или глагольная лексемы с мутационным словообразовательным значением и собственным словообразовательным потенциалом:

нигилизм → *нигилист-к-а*
нигилизм → *нигилист-ск-ий*
нигилизм → *нигилист-ическ-ий*

¹²В настоящей статье мощность СГ определяется следующим образом: количество производных слов делится на количество производящих слов.

кошунство →	кошунств-енн-ый →	кошунственн-о
	кошунств-ова-ть →	за-кошунствовать по-кошунствовать
гений → гени-альн-ый →		гениальн-о
		гениальн-ость
		гениальн-ича-ть
		гениально-е (сущ.)

Как правило, в таких гнездах на 1-й ступени деривации располагаются именные, атрибутивные или глагольные лексемы, регулярно допускающие транспозицию или модификацию своего значения на 2-й ступени деривации, реже приобретающие новые семантические доли и порождающие лексемы с мутационным словообразовательным значением.

Из общего ряда двухступенчатых СГ выделяется СГ с вершиной *дух*. В нем объединяются 17 производных лексем. На 1-й ступени деривации представлены 5 именных лексем, из которых 2 единицы (*духов* и *духовный*) представляют собой имена прилагательные с мутационным словообразовательным значением, 3 единицы (*духобор*, *духоборец*, *духовидец*) – сложные имена существительные с комплексным (синтагматическим и мутационным) словообразовательным значением. Из атрибутивных лексем только имя прилагательное *духовный* дает новые производные слова 2-й ступени деривации. В их число входят 4 субстантивные лексемы с мутационным значением (*духовный* (сущ.) ‘лицо духовного звания’¹³, *духовная* ‘завещание’ (сущ.), *духовенство*, *духовник*) и стандартный набор слов-транспозитов (*духовность*, *духовно*). Субстантивные производные лексемы 1-й ступени деривации реализуют свой словообразовательный потенциал в направлении либо модификационного (*духобор* → *духоборка*, *духовидец* → *духовидица*, *духоборец* → *духоборка*), либо мутационного (*духобор* → *духоборство* ‘религиозное движение духоборов’, *духоборец* → *духоборческий*) изменения семантики производящей основы¹⁴.

В **трехступенчатых СГ** непроединных абстрактных имен существительных, относящихся к тематическому полю «духовный мир человека: сознание, мораль, чувство», сосредоточены от 5 (*хандра*) до 46 (*стыд*) лексем. Стоит отметить, что из 51 лексем 16 единиц образуют СГ с 1 словом на 3-й ступени производности (*вкус*, *каприз*, *нрав*, *ревность*, *тезис*, *форс* и др.). Обычно это либо именные, либо глагольные лексемы, продлевающие одну из словообразовательных цепочек СГ в область транспозиции или модификации (*вкус* → *вкусный* → *невкусный* → *невкусно*, *спесь* → *спесивый* → *спесивец* → *спесивица*, *хандра* → *хандрить* → *захандрить* → *захандриться*).

В структуре 11 трехступенчатых СГ отсутствуют глагольные лексемы, поэтому они могут быть охарактеризованы как именные СГ с адвербиальными вкраплениями. На 1-й ступени деривации данных СГ обычно располагаются либо субстантивные, либо атрибутивные лексемы, а на 2-й и 3-й ступенях деривации формируются блоки производных единиц с транспозиционным или модификационным словообразовательными значениями. Довольно часто 2-я ступень деривации расширяется за счет сложных имен прилагательных или имен существительных с синтагматическим словообразовательным значением (иногда в сочетании с мутационным словообразовательным значением). Чуть реже данный процесс происходит за счет имен существительных с мутационным или модификационным словообразовательными значениями (в тех случаях, когда на 1-й ступени деривации появляются производные субстантивные лексемы) или за счет отглагольных имен существительных:

компетенция →	компетентн-ый →	компетентн-о	не-компетентность
		компетентн-ость →	
		высок-о-компетентный	
		мал-о-компетентный	
эгоизм →	эго-ист →	эгоист-к-а	эгоистическ-и
		эгоист-ическ-ий →	
		эгоист-ичн-ый →	
		эго-ист-ическ-ий	
		эго-ист-ичн-ый	эгоистичн-о
			эгоистичн-ость

Среди трехступенчатых СГ особый интерес вызывает СГ с вершиной *нрав* ‘характер, черты личности’. На 1-й и 2-й ступенях деривации данного СГ сосредоточены 33 производные лексемы. На 1-й

¹³Здесь и далее значения слов определяются по [9].

¹⁴Здесь и далее словообразовательные значения определяются по [10].

ступени словообразования непосредственно от лексемы *нрав* образуются 14 единиц, но только лексема *нравный* обладает мутационным словообразовательным значением, тогда как остальные производные лексемы представляют собой сложные слова (*нравоисправительный*, *нравоописание*, *нравоописательный*, *нравоучение*, *нравоучитель*, *благонравный*, *мягконравный*, *своенравный* и др.), у которых синтагматическое словообразовательное значение выступает либо в чистом виде, либо в сочетании с другими типами словообразовательных значений (чаще с мутационным, реже с транспозиционным словообразовательным значением). Из 15 именных лексем, расположенных на 1-й ступени деривации, 7 единиц (в основном имена прилагательные) допускают транспозицию признака, перевод его в субстантивную и адвербиальную сферы (*нравный* → *нравно* и *нравность*, *нравоучительный* → *нравоучительно* и *нравоучительность*, *благонравный* → *благонравно* и *благонравие*, *тихонравный* → *тихонравие*). Имя прилагательное *самонравный* порождает 2 субстантивные лексемы с мутационным значением (*самонрав* ‘строптивец, упрямец, своевольник’, *самонравец* ‘то же, что самонрав’). Имя прилагательное *своенравный* реализует свой словообразовательный потенциал в 4 лексемах, из которых 3 единицы (*своенравность*, *своенравие*, *своенравно*) относятся к области синтаксической деривации и 1 единица (*своенравничать*) расширяет область лексической деривации. На 3-й ступени словопроизводства данного СГ находится 1 адвербиальная лексема-транспозит из цепочки *нрав* → *благонравный* → *неблагонравный* → *неблагонравно*.

Глагольные блоки с производными словами на 1, 2 и 3-й ступенях деривации встречаются в основном в СГ тех абстрактных имен существительных, которые обозначают какие-либо чувства или состояния. Так, например, в СГ с вершиной *тревога* ‘состояние взволнованности, неуверенности и страха за кого-, что-нибудь’ 16 из 28 производных слов представляют собой глаголы (*тревога* → *тревожить* → *растревожить* → *растревожиться*). В СГ с вершиной *тоска* ‘чувство, состояние подавленности, тягостного уныния’ в глагольные блоки входят 12 из 19 лексем (*тоска* → *тосковать* → *затосковать* → *затосковаться*). В СГ с вершиной *кураж* ‘наигранная смелость, развязное и заносчивое поведение’ 12 из 19 лексем являются глаголами (*кураж* → *куражить* → *куражиться* → *покуражиться*). В СГ с вершиной *лень* ‘нежелание действовать, трудиться’ 17 из 32 лексем (более 50 %) представляют собой глаголы. Лексема *ленился*, появляющаяся на 1-й ступени деривации, активно модифицирует свое значение на 2-й и 3-й ступенях словопроизводства с помощью различных префиксов (*заленился*, *изленился*, *обленился*, *поленился*, *разленился*, *проленился*) или с помощью суффикса *-ива-* (*излениваться*, *облениваться*, *разлениваться*).

Наконец, выявлены 2 трехступенчатых СГ, в структуре которых присутствуют только производные глаголы. Вершинами данных СГ являются абстрактные имена существительные *хандра* ‘мрачное, тоскливое настроение, томительная скука’ и *греза* ‘светлая мечта о ком- или чем-либо’:

$$\begin{array}{l} \text{хандра} \rightarrow \text{хандр-и-ть} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{за-хандрить} \rightarrow \text{захандрить-ся} \\ \text{по-хандрить} \\ \text{рас-хандрить-ся} \end{array} \right. \\ \\ \text{греза} \rightarrow \text{гре-з-ить} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{грездить-ся} \rightarrow \left\{ \begin{array}{l} \text{по-грездиться} \\ \text{при-грездиться} \end{array} \right. \\ \text{за-грездить} \\ \text{по-грездить} \end{array} \right. \end{array}$$

Абсолютную глагольность данных небольших по количеству производных слов СГ можно объяснить, видимо, спецификой семантики их вершин. И хандра, и греза – противоположные состояния, поэтому неудивительно, что востребованными в процессе деривации в первую очередь являются глаголы, с помощью которых эти состояния можно определить (*хандрить* и *грездить*) и детализировать (*похандрить*, *загрездить*, *пригрездиться* и т. д.).

Наполняемость **четырёхступенчатых СГ**, вершинами которых являются непроизводные абстрактные существительные, относящиеся к тематическому полю «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства», колеблется от 9 (*традиция*) до 126 (*воля*) лексем.

Словообразовательный потенциал лексемы *традиция* реализуется в основном в области именного словообразования. На 1-й ступени деривации появляются всего 2 атрибутивные лексемы (*традиционный* ‘основанный на традиции и закреплённый ею’, *традиционный* ‘устар. То же, что традиционный’). Словообразовательную активность проявляет только имя прилагательное *традиционный*, в результате чего на 2-й ступени деривации группируются слова-транспозиты *традиционно*, *традиционность*, имя существительное *традиционализм* ‘общественно-политическое, научное или эстетическое направление, склонность’ с мутационным словообразовательным значением признака, названного мотивирующим именем прилагательным, и сложное имя прилагательное *традиционно-консервативный* с синтагматическим словообразовательным значением. Расширение СГ по горизонтали

осуществляется благодаря лексеме *традиционализм*, от которой на 3-й ступени деривации образуются атрибутивная (*традиционалистический*) и субстантивная (*традиционалист*) именные лексемы. Заполнение 4-й ступени деривации происходит в результате словообразовательной модификации (от субстантивной лексемы *традиционалист* образуется субстантивная лексема *традиционалистка* со значением лица женского пола), а также в результате установления отношений неединственной мотивации для имени прилагательного *традиционалистический* (семантические связи возможны как с лексемой *традиционализм*, так и с лексемой *традиционалист*). Данное СГ, по мнению автора настоящей статьи, может быть расширено за счет имени прилагательного *традиционалистский* ('1. Связанный с традиционализмом. 2. Свойственный традиционалисту'), которое не отмечено в [8], но имеет полное право на свое место на 3-й и 4-й ступенях деривации параллельно с именем прилагательным *традиционалистический*.

Именной состав доминирует также в структуре четырехступенчатого СГ с вершиной *идея*, в котором сосредоточены 53 производные лексемы. На 1-й ступени деривации данного СГ обнаруживаются субстантивный и атрибутивный блоки. В субстантивный блок входят лексемы *идейка*, *идеограмма*, *идеография*, *идеология*, причем лексемы *идеограмма* 'условный письменный знак, обозначающий (в отличие от буквы) не звук какого-либо языка, а целое слово или корень' и *идеография* 'письмо при помощи идеограмм' семантически не ориентированы на абстрактные значения слова *идея* '1. Форма отражения внешнего мира, включающая в себя сознание цели и перспективы его дальнейшего познания и практического преобразования. 2. Определяющее положение в системе взглядов, воззрений; убеждений. 3. Мысль, замысел, намерение, план'. Атрибутивный блок составляют лексемы *идейный*, *идеальный*, *безыдейный*, *идеомоторный* и *высокоидейный*. Среди них семантически чуждой является лексема *идеомоторный*, значение которой ориентировано на широкое понимание слова *идея* как мысленного прообраза какого-либо действия, предмета, явления или принципа. Установлено, что 2-я ступень деривации данного СГ заполнена словами, производными от атрибутивных и субстантивных лексем. Так, от лексемы *идейный* образуются 7 единиц с транспозиционным (*идейность*, *идейно*) и синтагматическим (*идейно-политический*, *идейно-творческий*, *идейно-теоретический*, *идейно-художественный*, *высокоидейный*) словообразовательными значениями. Лексема *идеальный* 'существующий в воображении как идея' выступает в качестве производящего слова для единиц *идеальность*, *идеализм*, *идеальничать*. Существенно расширяет гнездо только лексема *идеализм*, поскольку от нее на 3-й ступени деривации образуются производные слова (*идеалист*, *идеалистический*, *идеалистичный*) с мутационным словообразовательным значением, а также с собственным словообразовательным потенциалом, реализующимся на 4-й ступени деривации в области модификации, транспозиции и синтагматики (*идеалист* → *идеалистка*, *идеалистический* → *идеалистически* и *субъективно-идеалистический*, *идеалистичный* → *идеалистично* и *идеалистичность*). Словообразовательная активность субстантивной лексемы *идеал*, находящейся на 1-й ступени деривации, проявляется в модификационном варьировании семантики (*идеал* → *идеальчик*), перемещении предметной семантики в атрибутивную (*идеал* → *идеальный* 'соответствующий идеалу') и глагольную (*идеал* → *идеализировать*) формы. Глагол *идеализировать* углубляет СГ по вертикали, так как 3-я ступень деривации заполняется производными от него единицами *идеализироваться*, *идеализирование*, *идеализация*, *идеализатор*, *идеализированный*. Лексема *идеалреализм*, производная от слова *идеал*, расширяет СГ по горизонтали, выступает в качестве вершины словообразовательной цепочки *идеалреализм* → *идеалреалист* → *идеалреалистический*, компоненты которой располагаются на 2, 3 и 4-й ступенях деривации соответственно. Субстантивная лексема *идеология*, находящаяся на 1-й ступени деривации, реализует свой словообразовательный потенциал в области мутационного и синтагматического словообразования. На 2-й ступени деривации от нее образуются единицы *идеолог*, *идеологический*, *психоидеология*, из которых 2 лексемы дают собственные производные слова на 3-й ступени деривации (*идеологический* → *идеологически*, *психоидеология* → *психоидеологический*).

Преобладание субстантивно-атрибутивно-наречных блоков производных слов характерно практически для всех исследуемых четырехступенчатых СГ. Исключением из общего ряда выступают СГ, вершинами которых являются лексемы *гнев*, *печаль* и *тоска*. В СГ с вершиной *гнев* отмечены 17 глагольных и 12 именных и наречных лексем (тогда как, например, в СГ с вершиной *воля* из 126 производных слов выявлены только 26 глаголов). В СГ, вершинами которых являются синонимичные лексемы *печаль* и *тоска*, соотношение глагольных и именных производных слов составляет 13 : 9 и 12 : 7 соответственно. Производные глаголы в данных СГ появляются уже на 1-й ступени деривации (*печаль* → *печалить*, *печаль* → *печаловать* 'то же, что печалиться', *тоска* → *тосковать*, *гнев* → *гневаться*, *гнев* → *гневить*). Каждый из этих глаголов дает свой набор производных слов на 2-й ступени деривации.

Непереходные, или субъектно ориентированные, глаголы (*печаловать*, *тосковать* и *гневаться*) модифицируют свое словообразовательное значение с помощью префиксальных морфем. Непосредственно

от слова *гневаться* образуются лексемы *разгневаться, загневаться, огневаться, погневаться, прогневаться*. Слово *печаловать* имеет только 1 производную лексему (*печаловаться*), которая продолжает словообразовательный ряд производным словом 3-й ступени деривации *попечаловаться*. Лексема *тосковать* порождает на 2-й ступени деривации 8 глагольных единиц (*встосковать, затосковать, истосковаться, натосковаться, растосковаться, потосковать, стосковаться*), при этом востребованными оказываются как префиксальный, так и префиксально-постфиксальный способы словообразования. Из данных глагольных лексем словообразовательную активность проявляет только слово *встосковать*, которое имеет ряд производных единиц, связанных отношениями последовательной мотивации и располагающихся на 3-й и 4-й ступенях деривации (*встосковать* → *встосковаться* → *встоскнуться*).

Переходные, или субъектно-объектно ориентированные, глаголы (*печалить* и *гневить*) обладают большим словообразовательным потенциалом, чем непереходные глаголы. Слово *печалить* образует словообразовательные цепочки из глагольных лексем с модификационным словообразовательным значением и расширяет СГ по горизонтали до 3–4 ступеней деривации (*печалить* → *печалиться* → *запечалиться, печалить* → *печалиться* → *припечалиться* → *припечаливаться, печалить* → *опечалить* → *опечалиться* → *опечаливаться*). Та же картина наблюдается в СГ с вершиной *гнев* (*гневить* → *гневиться* → *погневиться, гневить* → *прогневить* → *прогневиться* → *прогневляться*).

Для **пятиступенчатого СГ** с вершиной *ум* свойственны следующие характеристики. В нем объединяются 187 производных лексем, 66 из которых ведут себя весьма активно и выступают в качестве производящих баз для образования новых единиц. Самое большое количество производных слов сосредоточено на 2-й и 3-й ступенях деривации (на 1-й ступени деривации находятся 33 лексемы, на 2-й – 64 лексемы, на 3-й – 49 лексем, на 4-й – 34 лексемы, на 5-й – 7 лексем). Мощность СГ равна 2,8.

В данном СГ производные 1-й ступени деривации можно объединить в субстантивный, атрибутивный и глагольный блоки.

В субстантивном блоке сосредоточены 11 лексем, образованных суффиксальным или префиксально-суффиксальным способами и относящихся к области лексической деривации. Суффиксальная морфема, как правило, является носителем модификационного словообразовательного значения (*умок, умишко, умище*), а префиксы в сочетании с суффиксами являются носителями мутационного словообразовательного значения (*разум, недоумок, недоумие*). Кроме того, на 1-й ступени деривации располагается группа сложных имен существительных (*умопомрачение, умоисступление, умонастроение, умоначертание, умопомешательство*), которые появляются в результате сложения именных и глагольных основ и добавления к ним суффикса, поэтому их словообразовательные форманты обладают комбинированным словообразовательным значением.

Атрибутивный блок включает в себя 17 имен прилагательных, в число которых входят суффиксальные (*умный, умственный*), префиксально-суффиксальные (*безумный, заумный*), сложносуффиксальные (*высокоумный, малоумный, легкоумный, остроумный, полоумный, скудоумный, тупоумный, тяжелоумный, хитроумный, умопомрачительный*) лексемы, а также слова, образованные путем сращения (*сумасшедший, умалишенный*). В данном блоке отмечены много производных единиц с синтагматическим (соединительным) словообразовательным значением, которое в чистом виде присуще либо лексемам, образованным путем сращения, либо бессуффиксальным композитам. У других сложных имен прилагательных синтагматическое словообразовательное значение дополняется мутационным словообразовательным значением, которое содержится в суффиксальной морфеме, участвующей в процессе словопроизводства.

Глагольный блок состоит из 5 лексем, среди которых 3 лексемы (*обезуметь, обезуметь, надоумить*) образованы префиксально-суффиксальным способом, 1 лексема (*умствовать*) – суффиксальным способом, 1 лексема (*умозаключить*) – путем сложения. Все производные глаголы относятся к области лексической деривации.

Из 33 производных лексем, расположенных на 1-й ступени деривации, 11 единиц (*умишко, умище, недоумие, умопомрачение, умоисступление, умонастроение, умоначертание, умопомешательство, высокоумный, тяжелоумный, умопомрачающий*) не способны к порождению новых слов. Остальные 22 лексемы расширяют СГ по горизонтали и по вертикали. От них образуются 75 лексем, которые появляются в результате либо модификации (*умненький, умнехонький, умнешенький, неумный, преумный*), либо транспозиции (*умность, умно, безумно, безумство, заумь, умопомрачительно, умопомрачительность*), либо мутации атрибутивного признака (*умный* (сущ.), *безумный* (сущ.), *умалишенный* (сущ.), *сумасшедший* (сущ.), *умник, заумник, безумец, остроумец, безумствовать, умничать, умнеть, разуметь, вразумить, образумить, остроумничать, ополоуметь*). Глаголы, расположенные на 1-й ступени деривации, углубляют СГ в результате модификации глагольного действия (*заумствовать, поумствовать, обезумевать, надоумливать, умозаключать*), транспозиции его в предметную область (*умствование,*

надоумление, умозаключение), а также в результате мутационного преобразования в носителя признака действия (*умствователь*).

На 3-й и 4-й ступенях СГ с вершиной *ум* область синтаксической деривации расширяется: увеличивается количество адвербиальных лексем (*умненько, умнехонько, неумно, благоразумно*) и имен существительных со значением отвлеченного признака или действия (*разумность, разумение, благоразумие, остроумничанье, хитроумие* и т. д.), продолжается модификация глагольного действия (*поумнеть, уразуметь, вразумиться, вразумлять, образумиться* и т. д.), появляются лексемы-субстантиваты с мутационным значением лица мужского пола (*ополоумевший* (сущ.)) или с модификационным словообразовательным значением лица женского пола (*безумная* (сущ.), *полоумная* (сущ.), *сумасшедшая* (сущ.) и т. д.).

Наконец, на 5-й ступени деривации данного СГ представлены в основном производные слова с модификационным (*неразумная* (сущ.), *уразумеваться, наивразумительнейший*) и транспозиционным (*невразумительно, невразумительность, маловразумительно, маловразумительность*) словообразовательными значениями.

Шестиступенчатое СГ с вершиной *зло* также обладает разветвленной структурой и разнообразным набором производных единиц. Специфика данного СГ отчетливо проявляется при его сравнении с пятиступенчатым СГ с вершиной *добро*.

Количественные и качественные параметры СГ, вершинами которых являются антонимичные лексемы *зло* и *добро*, не совпадают и отражают когнитивные представления и коммуникативные потребности русского народа в варьировании на словообразовательном уровне противоположных по своему внутреннему содержанию абстрактных понятий, транслирующих сложившиеся в социуме представления о добре и зле.

Примечательно, что в СГ с вершиной *зло* отражены 146 производных единиц, которые располагаются на 6 ступенях деривации, тогда как в СГ с вершиной *добро* зафиксированы 126 производных единиц, рассредоточенных на 5 ступенях деривации. Это можно объяснить тем, что в СГ с вершиной *зло* уже на 1-й ступени деривации находятся не только простые наименования лиц (*злодей, зложелатель*), адъективные (*злой, злоеущий, злотворный*) и наречные (*назло*) признаки, но и сложные слова (*злоумышлять, злоупотреблять*), в семантике которых наблюдается сочетание признака с процессуальным действием. Стоит сказать, что нулевой словообразовательный потенциал выявлен только у адъективных лексем *злотворный, зложелательный* и у наречной лексемы *назло*. Что касается СГ с вершиной *добро*, то в нем 1-я ступень деривации заполняется всего 5 лексемами, из которых только 3 лексемы (*добрый, доброжелатель, доброжелательный*) обладают собственным словообразовательным потенциалом.

В анализируемых гнездах основное количество производных слов сосредоточено на 2-й и 3-й ступенях деривации. Так, в СГ с вершиной *зло* на 2-й ступени словообразования находятся 42 лексемы, на 3-й – 49 лексем, а в СГ с вершиной *добро* на 2-й ступени словообразования располагаются 37 лексем, на 3-й – 55 лексем. Высокой словообразовательной активностью обладают атрибутивные лексемы *добрый* и *злой*, которые размещаются на 1-й ступени деривации. От них образуются примерно 67 % производных слов на 2-й ступени деривации. Интересно, что на 2-й ступени словопроизводства оба слова со значением признака (как *злой*, так и *добрый*) активно модифицируются по градационной шкале от наименьшей до наибольшей степени проявления качества (*добрейший, добренький, предобрый и недобрый; злейший, злющий, презлой и незлой*). Кроме того, основы имен прилагательных *добрый* и *злой* широко используются при образовании сложных атрибутивных лексем с комбинированным словообразовательным значением (синтагматическим и мутационным), причем значение признака, заложенное в лексеме *злой*, оказывается более актуальным при порождении слов, оценивающих не только человека, но и его поступки и действия (*зловредный, злоехидный, злокозненный, злонамеренный, злопамятный, злопамятливый, злонравный, злоречивый, злохитростный, злоязычный*), чем значение признака, заложенное в лексеме *добрый* (*добровольный, добродушный, добронравный, добропорядочный, добросовестный*).

Транспозиция признака (его опредмечивание) отражается на уровне субстантивных антонимичных лексем *доброта* и *злота, злость*. Мутационное словообразовательное значение привносится в атрибутивные основы за счет суффиксов *-ак-, -ук-, -ец-*, унификса *-ыдень-*, с помощью которых образуются наименования лиц (словообразовательное значение лица – носителя признака, названного мотивирующей основой). Стоит отметить, что лексемы с положительными коннотациями (*добряк*) оказываются менее востребованными, чем лексемы с отрицательными коннотациями (*злюка, злец* ‘злой, сердитый человек’, *злыдень*).

Процессуальное представление признака становится более разнообразным при включении в словообразовательный процесс имени прилагательного *добрый*. Основа данной лексемы используется при порождении глаголов, обозначающих либо становление признака (*добреть*), либо его приобретение (*задобрить, поддобрить, раздобрить*). Глаголы, обозначающие становление признака, появляются

в результате суффиксации, тогда как в образовании глаголов, обозначающих приобретение признака, одновременно участвуют и префиксы, и суффиксы. Лексема *добрый* выступает в качестве производящей базы для глаголов *сдобрить* и *удобрить*. Однако семантически данные глаголы ориентированы на вторичное значение имени прилагательного *добрый* ‘очень хороший, отличный’, которое обычно реализуется при сочетании имени прилагательного с неодушевленными именами существительными для оценки их качественных параметров (*добрая почва, добрая еда*). Что касается имени прилагательного *злой*, то на 2-й ступени деривации оно порождает только глагольные лексемы *злеть*, *злить* и *злословить*. Слова *злеть* и *злить* являются актуальными при обозначении процессуального признака, сосредоточенного в субъекте (*злеть*) или направленного на объект (*злить*), а слово *злословить* ‘1. Зло, язвительно говорить о ком-либо или о чем-либо. 2. Порицать, осуждать кого-либо или что-либо’ содержит весьма нелицеприятную оценку речевой деятельности субъекта.

Транспозиция признаков *добрый* и *злой* в направлении адвербиального представления наблюдается на уровне лексем *добро* (*добре*) и *зло*, которые с функциональной точки зрения существенно отличаются друг от друга. В процессе коммуникации лексема *добро* (*добре*) используется в основном как безлично-предикативное наречие, в то время как лексема *зло* употребляется, как правило, для характеристики образа и способа глагольного действия (*зло ответил, зло посмотрел* и т. д.).

На 3-й ступени деривации границы СГ с вершинами *добро* и *зло* резко расширяются. В СГ с вершиной *добро* отмечены 55 производных единиц, в СГ с вершиной *зло* – 49 производных единиц. Однако словообразовательный потенциал лексем, находящихся на 2-й ступени деривации, реализуется неравномерно. В СГ с вершиной *добро* только 25 из 55 лексем реализуют свои словопорождающие возможности. Каждая из них дает от 1 производной единицы до 4 производных единиц. Следует отметить, что 4 производных слова имеют только лексемы *недобрый*, *добродушный*, *добросовестный*. В СГ с вершиной *зло* 3-я ступень деривации заполняется словами, образованными от 22 из 49 лексем, находящихся на 2-й ступени деривации, причем многие из них являются производящими базами для 1–2 единиц (*злюка* → *злючка*, *злодейка* → *злодейкин*, *злословить* → *злословие* и *позлословить*, *злоехидный* → *злоехидно* и *злоехидничать*). На их фоне выделяются слова *злоба*, *злить* и *злословный*, которые увеличивают не только длину, но и глубину СГ. От лексемы *злоба* образуются 6 производных единиц 3-й ступени деривации, от лексемы *злить* – 5 производных единиц, от лексемы *злословный* – 4 производные единицы.

Варьирование абстрактного значения базовой основы *-добр-* на 3-й ступени словопроизводства наблюдается на уровне новых лексем с модификационным (29) и транспозиционным (21) словообразовательными значениями. Реже встречаются производные лексемы с мутационным (5) словообразовательным значением. Модификации подвергаются именные и глагольные производные лексемы 2-й ступени деривации. В процессе словопроизводства востребованными оказываются значения лица женского пола (*добряк* → *добрячка*), абсолютной противоположности чему-либо (*доброхот* → *недоброхот*), высокой степени проявления признака (*добренький* → *преддобренький*, *добродушный* → *преддобродушный*), многократного совершения действия (*задобрить* → *задабривать*, *раздобрить* → *раздабривать*), результативного действия (*добреть* → *подобреть*), а также уменьшительно-ласкательное значение (*добряк* → *добрячок*). Транспозиция признака осуществляется в направлении от атрибутивной лексемы к субстантивной или адвербиальной лексемам (*добровольный* → *добровольность*, *добровольно*, *добродушный* → *добродушие* (*добродушность*), *добродушно*). Область мутационного словообразования представлена субстантивами (*недобрый* (сущ.), *недоброе* (сущ.)), глагольными (*доброжелательствовать*, *доброхотствовать*) лексемами, а также субстантивной лексемой (*доброволец*) со значением лица – носителя признака, названного производящей основой.

Иное семантическое соотношение производных слов наблюдается на 3-й ступени деривации СГ с вершиной *зло*. В нем, как и в СГ с вершиной *добро*, широко представлена область синтаксической деривации. К числу синтаксических дериватов относятся 23 единицы (*злопамятно*, *зловонно*, *зловредно*, *злоехидно*, *зловредность*, *зловонность*, *злокозненность*, *злонамеренность*, *злопамятность* и т. д.). Область лексической деривации не уступает области синтаксической деривации в количественном отношении (26 лексем). Однако в области лексической деривации слова с модификационным и мутационным словообразовательными значениями соотносятся в равных долях (13 : 13). В образовании лексем с модификационным словообразовательным значением участвуют словообразовательные форманты со значениями лица женского пола (*злючка*, *злыдня*), высокой степени проявления признака (*презлющий*), отрицания признака (*незлопамятный*), результативного действия (*озлеть*, *озлить*, *обозлеть*), интенсивного действия (*разозлить*), а также со значением действия, совершаемого в течение некоторого времени (*позлеть*, *позлословить*). Лексемы с мутационным словообразовательным значением появляются в результате присоединения к именным основам глагольных суффиксов *-ова-* ‘совершать действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим словом’ (*злодействовать*, *зложелательствовать*),

-нича- (-ича-) ‘совершать действия, характеризующиеся признаком, названным мотивирующим именем прилагательным’ (*злоехидничать, злаязычничать*¹⁵), -и- ‘наделять кого-либо тем признаком, который назван мотивирующим именем существительным’ (*зlobить*), -ствова- ‘проявлять свойство, названное мотивирующим именем существительным’ (*злодействовать, зложелательствовать, зlobствовать*). В СГ с вершиной *зло* мутационное значение отмечено в 2 субстантивных лексемах (*злаязычник, злоумышленник*), которые образуются на 3-й ступени деривации от имен прилагательных с помощью форманта -ик- со значением лица – носителя признака, названного производящей основой. Мутационное значение обнаружено также в 5 атрибутивных лексемах, причем в слове *злодейкин* задействован суффикс -ин- ‘принадлежащий тому, кто назван мотивирующим словом’, в словах *зlobный, зlostный* – суффикс -н- ‘характеризующийся тем, что названо мотивирующим словом’, который привносит в мотивирующую основу качественное значение, в словах *беззlobный, незlobный* – комбинированные форманты без- и -н-, не- и -ив- ‘характеризующийся отсутствием того, что названо мотивирующим словом’.

Количественные и качественные параметры производных слов, находящихся на 2-й и 3-й ступенях деривации СГ с вершинами *добро* и *зло*, свидетельствуют о наличии у данных СГ общих черт в трансформации абстрактных значений в процессе словопроизводства. Во-первых, обращает на себя внимание многоликость признаков, сосредоточенных в лексемах *зло, злой, добро, добрый*, что на 2-й ступени деривации проявляется в активном образовании сложных атрибутивных лексем, словообразовательный потенциал которых последовательно реализуется на 3-й ступени словопроизводства в области синтаксической деривации:

зloкозненный →	зloкозненн-о зloкозненн-ость
зloпamятный →	зloпamятн-о зloпamятн-ость
дoбpoнpавный →	дoбpoнpавн-о дoбpoнpав-ие
дoбpoдyшный →	дoбpoдyшн-о дoбpoдyш-ие

Во-вторых, на 2-й и 3-й ступенях деривации данных СГ выявляется семантическая связь признаков лексем *зло, злой, добро, добрый* с прямым или опосредованным действием. Об этом свидетельствует значительное количество глагольных лексем (в СГ с вершиной *зло* выявлены 17 лексем, в СГ с вершиной *добро* – 16 лексем: в СГ с вершиной *зло* 5 единиц находятся на 2-й ступени деривации и 12 единиц – на 3-й ступени деривации, а в СГ с вершиной *добро* 7 единиц находятся на 2-й ступени деривации и 9 единиц – на 3-й ступени деривации), образованных для обозначения действий, связанных с проявлением человеком добрых или злых чувств.

На 4-й ступени деривации СГ, вершинами которых являются лексемы *добро* и *зло*, количество производных слов сокращается. Так, на 4-й ступени словопроизводства в СГ с вершиной *добро* находятся 28 лексем, а в СГ с вершиной *зло* – 31 лексема. Часть производящих слов концентрируются в области синтаксической деривации (11 и 12 единиц в СГ с вершинами *добро* и *зло* соответственно), формируемой единицами, производными от атрибутивных или глагольных лексем (*дoбpoтнo* и *дoбpoтнoсть* ← *дoбpoтный*, *нeдoбpoпopядoчнoсть* ← *нeдoбpoпopядoчный*, *зaдaбpивaниe* ← *зaдaбpивaть*, *пoдбaдpивaниe* ← *пoдбaдpивaть*; *злoстнo* и *злoстнoсть* ← *злoстный*, *злoбнo* и *злoбнoсть* ← *злoбный*, *злoбствoвaниe* ← *злoбствoвaть*, *бeззлoбнo* и *бeззлoбнe* ← *бeззлoбный*). Конкуренцию им составляют производные слова с модификационным значением (они доминируют в СГ с вершиной *зло* и составляют 16 лексем из 31 единицы), которые в обоих СГ появляются благодаря модификации глагольного действия и атрибутивного признака (*дoбpoтный* → *нeдoбpoтный*, *зaдaбpивaть* → *зaдaбpивaтьcя*; *злoбный* → *злoбнeнький*, *злoбствoвaть* → *пoзлoбствoвaть*, *злoтьcя* → *paзoзлoтьcя*). Часть производных слов 4-й ступени деривации в СГ с вершиной *добро* характеризуются разнонаправленными мотивационными отношениями, в результате чего они могут быть интерпретированы и как слова-транспозиты, и как слова с модификационным словообразовательным значением (*нeдoбpocoвeстнoсть* ← *нeдoбpocoвeстный* и *нeдoбpocoвeстнoсть* ← *дoбpocoвeстнoсть*; *пpeдoбpoдyшнo* ← *пpeдoбpoдyшный* и *пpeдoбpoдyшнo* ← *дoбpoдyшнo*). Область мутационного словообразования на 4-й ступени деривации в СГ с вершиной *добро* представлена только 3 лексемами (*нeдoбpoжeлaтeльствoвaть*, *нeдoбpoxoтствoвaть*,

¹⁵В [8] глагольная лексема *злаязычничать* отмечена на 3-й (*злаязычный* → *злаязычничать*) и на 4-й (*злаязычник* → *злаязычничать*) ступенях деривации.

добровольческий), а в СГ с вершиной *зло* – 2 лексемами (*злое* (сущ.), *злословить*). Кроме того, в СГ с вершиной *зло* на 4-й ступени деривации отмечено сложное имя прилагательное (*памятнозлой* ← *злой*) с синтагматическим значением.

В СГ с вершиной *добро* из производных 4-й ступени деривации словообразовательную активность проявляет только лексема *недоброхотство*. На 5-й ступени деривации от нее образуется глагольная лексема *недоброхотствовать*. Словообразовательный потенциал мотивирующей основы с корневой морфемой *-добр-* оказывается исчерпанным. Что же касается производных 4-й ступени деривации СГ с вершиной *зло*, то из лексем *незлой*, *злобно*, *злость*, *злится*, *озлобить* на 5-й ступени деривации появляются лексемы с транспозиционным или модификационным словообразовательными значениями (*незлой* → *незлостно*, *озлобить* → *озлобление*, *озлобить* → *озлоблять*). В СГ с вершиной *зло* часть производных слов 5-й ступени деривации на формальном и семантическом уровнях характеризуются отношениями неединственной мотивации (*незлой* ← *незлой* и *злобно*, *злость* ← *незлой* и *злость*, *злится* ← *озлобить* и *злится*).

На 6-й ступени деривации СГ с вершиной *зло* отмечены всего 3 лексемы. Это слова-транспозиты (*озлобленно*, *озлобленность*), образованные от отглагольного имени прилагательного *озлобленный*, и глагольная лексема (*озлобляться*), которая может быть интерпретирована как результат модификации глагольного действия, обозначенного или глаголом *озлоблять*, или глаголом *озлобиться*.

Заключение

В процессе исследования структуры СГ, вершинами которых являются непроемные абстрактные имена существительные, относящиеся к тематическому полю «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства», автор настоящей статьи пришел к следующим выводам.

1. Большинство анализируемых непроемных абстрактных имен существительных (121 лексема из 161 слова) реализуют свой словообразовательный потенциал на уровне древовидных СГ. Количество производных слов в данных СГ колеблется от 3–4 единиц до 198 единиц (СГ с вершиной *мысль*). Промежуточное положение занимают СГ с вершинами *стыд* (49 производных слов), *идея* (51 производное слово), *страх* (51 производное слово), *свобода* (51 производное слово), *вина* (67 производных слов), *культура* (91 производное слово), *вера* (104 производных слова), *душа* (125 производных слов), *добро* (114 производных слов), *воля* (126 производных слов), *зло* (146 производных слов), *ум* (187 производных слов). Иными словами, почти все концептуально значимые лексемы, связанные в сознании русского человека с представлениями о духовности, нравственности и моральных ценностях, обладают достаточно высоким словообразовательным потенциалом и реализуют его в разных направлениях. В СГ, вершинами которых являются непроемные абстрактные имена существительные, относящиеся к тематическому полю «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства», представлены практически все частеречные блоки (субстантивный, атрибутивный, глагольный и наречный), область лексической деривации сочетается с областью синтаксической деривации, а среди производных слов выделяются группы лексем с разными типами словообразовательных значений: мутационным, модификационным, транспозиционным и соединительным (синтагматическим).

2. Наиболее важной в процессе выявления деривационно активных и деривационно пассивных лексем является 1-я ступень словопроизводства. На 1-й ступени деривации абстрактное значение лексемы – вершины гнезда либо конкретизируется при образовании субстантивных лексем со значением лица, либо осложняется мутационными словообразовательными значениями при образовании атрибутивных и глагольных лексем, либо модифицируется с помощью деминутивов.

3. Чем активнее идет расширение словообразовательного гнезда по горизонтали, тем больше производных лексем концентрируются на 2-й и 3-й ступенях деривации, тем уже становится круг новообразований с мутационным словообразовательным значением. В свою очередь, количество слов-транспозитов растет, а область лексической деривации заполняется в основном лексемами с модификационным словообразовательным значением за счет варьирования способа представления глагольного действия, а также за счет образования существительных со значением лица женского пола или отсутствия того (противоположности тому), что названо мотивирующим словом.

4. В СГ, вершиной которого является непроемное абстрактное имя существительное, относящееся к тематическому полю «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства», наблюдаются идентичность способов образования слов и реализация тождественных словообразовательных значений. Семантическое тождество компонентов СГ обеспечивается корневой морфемой. Отсутствие семантической связи между некоторыми дериватами с абстрактным значением вершины СГ встречается редко (см. СГ с вершинами *добро*, *зло*, *идея*).

Библиографические ссылки

1. Свечкарёва ЯВ. О деривационном потенциале слов как языковой категории. *Вестник Томского государственного университета*. 2007;300-3:15–16.
2. Васильева ЕВ. Деривационный потенциал, или словообразовательные возможности слова: проблема определения термина. *Научный диалог*. 2017;12:21–34. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-21-34.
3. Леонович ВЛ. Формально-количественный параметр описания словообразовательного потенциала вариативных прилагательных в русском языке. В: Ровдо ИС, редактор. *Русский язык: система и функционирование (к 95-летию БГУ, к 50-летию кафедры русского языка, 90-летию профессора П. П. Шубы). Материалы VII Международной научной конференции; 18–19 октября 2016 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2016. с. 137–141.
4. Тозик ВВ. Словообразовательный потенциал цветочных прилагательных русского и белорусского языков. В: Никитевич АВ, редактор. *Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Материалы XVII Международной научной конференции; 14–15 апреля 2000 г.; Гродно, Беларусь*. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы; 2000. с. 140–143.
5. Белякова ГВ. Деривационный потенциал словообразовательной категории суффиксальных локативных существительных в современном русском языке. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007;8(41):15–25.
6. Шведова НЮ, редактор. *Русский семантический словарь. Том 3. Имена существительные с абстрактным значением. Бытие. Материя, пространство, время. Связи, отношения, зависимости. Духовный мир. Состояние природы, человека. Общество*. Москва: Азбуковник; 2003. 720 с.
7. Моисеев АИ. Словообразовательная цепь как разновидность словообразовательной парадигмы. В: Лыков АГ, редактор. *Русская словообразовательная синтагматика и парадигматика*. Краснодар: Кубанский государственный университет; 1991. с. 84–91.
8. Тихонов АН. *Словообразовательный словарь русского языка*. Москва: Русский язык; 1990. 2 тома.
9. Евгеньева АП, редактор. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык; 1981–1984. 4 тома.
10. Шведова НЮ, редактор. *Русская грамматика. Том 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология*. Москва: Наука; 1982. 783 с.

References

1. Svechkaryova JV. About the word derivational positional as a linguistic category. *Tomsk State University Journal*. 2007;300-3:15–16. Russian.
2. Vasilyeva EV. Derivational potential, or word-formation possibilities of a word: problem of defining the term. *Nauchnyi dialog*. 2017;12:21–34. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-12-21-34. Russian.
3. Leonovich VL. [Formal-quantitative parameter for describing the word-building potential of variable adjectives in Russian language]. In: Rovdo IS, editor. *Russkii yazyk: sistema i funktsionirovanie (k 95-letiyu BGU, k 50-letiyu kafedry russkogo yazyka, 90-letiyu professora P. P. Shuby). Materialy VII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 18–19 oktyabrya 2016 g.; Minsk, Belarus* [Russian language: system and functioning (to the 95th anniversary of BSU, to the 50th anniversary of the department of the Russian language, to the 90th anniversary of professor P. P. Shuba). Proceedings of the 7th International scientific conference; 2016 October 18–19; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2016. p. 137–141. Russian.
4. Tozik VV. [Word-building potential of color adjectives in the Russian and Belarusian languages]. In: Nikitevich AV, editor. *Slovoobrazovanie i nominativnaya derivatsiya v slavyanskikh yazykakh. Materialy XVII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii; 14–15 aprelya 2000 g.; Grodno, Belarus* [Word formation and nominative derivation in Slavic languages. Proceedings of the 17th International scientific conference; 2000 April 14–15; Grodno, Belarus]. Grodno: Yanka Kupala State University of Grodno; 2000. p. 140–143. Russian.
5. Belyakova GV. Derivational potential of the suffixial locative nouns' word-formation category in modern Russian. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 2007;8(41):15–25. Russian.
6. Shvedova NYu, editor. *Russkii semanticheskii slovar'. Tom 3. Imena sushchestvitel'nye s abstraktnym znacheniem. Bytie. Materiya, prostranstvo, vremya. Svyazi, otnosheniya, zavisimosti. Dukhovnyi mir. Sostoyaniye prirody, cheloveka. Obshchestvo* [Russian semantic dictionary. Volume 3. Nouns with an abstract meaning. Being. Matter, space, time. Connections, relationships, dependencies. Spiritual world. The state of nature, man, Society]. Moscow: Azbukovnik; 2003. 720 p. Russian.
7. Moiseev AI. [Word-building chain as a kind of word-building paradigm]. In: Lykov AG, editor. *Russkaya slovoobrazovatel'naya sintagmatika i paradigmatica* [Russian word-formation syntagmatics and paradigmatics]. Krasnodar: Kuban State University; 1991. p. 84–91. Russian.
8. Tikhonov AN. *Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka* [Derivative dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk; 1990. 2 volumes. Russian.
9. Evgen'eva AP, editor. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkii yazyk; 1981–1984. 4 volumes. Russian.
10. Shvedova NYu, editor. *Russkaya grammatika. Tom 1. Fonetika. Fonologiya. Udarenie. Intonatsiya. Slovoobrazovanie. Morfologiya* [Russian grammar. Volume 1. Phonetics. Phonology. stress. Intonation. Word formation. Morphology]. Moscow: Nauka; 1982. 783 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 25.04.2022.
Received by the editorial board 25.04.2022.

АРАБИЗМЫ КАК УСТОЙЧИВАЯ ЧАСТЬ ЛЕКСИКОНА БЕЛОРУССКИХ ТАТАР (НА ПРИМЕРЕ КИТАБА ИБРАГИМА ХОСЕНЕВИЧА)

Н. МИРИЕВА¹⁾

¹⁾Будапештский университет им. Лоранда Этвёша, пл. Университетская, 1–3, 1053, г. Будапешт, Венгрия

Предметом исследования являются особенности функционирования арабской лексики в памятниках письменности белорусских татар. В качестве материала для изучения выбран kitab Ибрагима Хосеневи́ча. В работе применяется метод классификации лексики, а также метод лексико-грамматического анализа. Классификация позволяет установить системные отношения между словами и специфику функционирования арабизмов в славянском тексте. Приведенные примеры сопровождаются их переводом на русский язык и комментариями, в которых указываются фонетические, графические и словообразовательные особенности арабизмов. Проводится сравнительный анализ цитат из Корана и других религиозных арабских текстов и из kitabа И. Хосеневи́ча. Отдельные лексические единицы имеют грамматические комментарии и рассматриваются в контексте kitabа с указанием их грамматических показателей. Новизна работы заключается в исследовании арабизмов оригинального памятника письменности белорусских татар, восточная лексика которого ранее не изучалась. Актуальность данной темы обусловлена интенсивным развитием китабистики, а результаты проведенной работы могут быть использованы для описания лексических единиц в составе сводных словарей. Лексический анализ каждого памятника письменности позволяет определить преобладание языковых закономерностей для дальнейших культурно-исторических исследований.

Ключевые слова: китабистика; белорусские татары; арабизмы.

АРАБІЗМЫ ЯК УСТОЙЛІВАЯ ЧАСТКА ЛЕКСІКОНА БЕЛАРУСКІХ ТАТАРАЎ (НА ПРЫКЛАДЗЕ КІТАБА ІБРАГІМА ХАСЯНЕВІЧА)

Н. МІРЬЕВА^{1*}

^{1*}Будапешцкі ўніверсітэт імя Лоранда Этвёша, пл. Універсітэцкая, 1–3, 1053, г. Будапешт, Венгрыя

Прадметам даследавання з'яўляюцца асаблівасці функцыянавання арабскай лексікі ў помніках пісьменнасці беларускіх татараў. У якасці матэрыялу для аналізу выбраны китаб Ібрагіма Хасяневі́ча. У працы прымяняецца метада класіфікацыі лексікі, а таксама метада лексіка-граматычнага аналізу. Класіфікацыя дазваляе вызначыць сістэмныя адносіны паміж словамі, а таксама спецыфіку функцыянавання арабізмаў у славянскім тэксце. Прыведзеныя прыклады суправаджаюцца іх перакладам на рускую мову і каментарыямі, у якіх указваюцца фанетычныя, графічныя і словаўтваральныя асаблівасці арабізмаў. Праводзіцца параўнальны аналіз цытат з Карана і іншых рэлігійных арабскіх тэкстаў і з китаба І. Хасяневі́ча. Асобныя лексічныя адзінкі маюць граматычныя

Образец цитирования:

Мириева Н. Арабизмы как устойчивая часть лексикона белорусских татар (на примере kitabа Ибрагима Хосеневи́ча). Журнал Белорусского государственного университета. Филология. 2022;2:90–100.

For citation:

Mirieva N. Arabisms as a stable part of the lexicon of the Belarusian Tatars (by the example of Ibragim Hosenevich's kitab). Journal of the Belarusian State University. Philology. 2022;2: 90–100. Russian.

Автор:

Найля Мириева – аспирантка кафедры русского языка и литературы Института славянской и балтийской филологии. Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор А. Золтан.

Author:

Nailya Mirieva, postgraduate student at the department of Russian language and literature, Institute of Slavic and Baltic philology.
mirieva.nailya@mail.ru

каментарыі і разглядаюцца ў кантэксце кітаба з указаннем іх граматычных паказчыкаў. Навізна працы заключаецца ў даследаванні арабізмаў арыгінальнага помніка пісьменнасці беларускіх татар, усходняя лексіка якога раней не вывучалася. Актуальнасць дадзенай тэмы абумоўлена інтэнсіўным развіццём кітабістыкі, а вынікі праведзенай працы могуць быць выкарыстаны для апісання лексічных адзінак у складзе зводных слоўнікаў. Лексічны аналіз кожнага помніка дазваляе вызначыць пераемнасць моўных заканамернасцей для далейшых культурна-гістарычных даследаванняў.

Ключавыя словы: кітабістыка; беларускія татары; арабізмы.

ARABISMS AS A STABLE PART OF THE LEXICON OF THE BELARUSIAN TATARS (BY THE EXAMPLE OF IBRAGIM HOSENEVICH'S KITAB)

N. MIRIEVA^a

^a*Eötvös Loránd University, 1–3 University Square, Budapest 1053, Hungary*

The subject of the research is the functioning of the Arabic vocabulary in the monuments of the Belarusian Tatars. Ibragim Hosenevich's kitab was chosen as the material for the analysis. The following methods are used in the work: vocabulary classification, which determines the systemic relations between words, and an analysis of lexicogrammar. This classification is necessary to present a complete picture of the functioning of the Arabic vocabulary in the Slavic text. The study provides examples with translation and indication of the phonetic, graphical and word-formation features of Arabisms, as well as a comparative analysis of quotations from the Koran and I. Hosenevich's kitab. Separate lexical units are accompanied by grammatical commentary and dictionary form and are considered in context with indication of grammatical indicators. The scientific novelty of the work lies in the study of Arabisms of the original monument of the Belarusian Tatars, the eastern vocabulary of which was not previously considered. The relevance of this topic is due to the intensive development of kitabistic study, and the results of the work carried out can be used to describe lexical units in the composition of summary dictionaries. The lexical analysis of each monument makes it possible to determine the continuity of linguistic patterns for further cultural and historical research.

Keywords: arabisms; kitabistics; Belarusian Tatar's manuscripts.

Введение

Статья посвящена исследованию арабизмов в лексиконе белорусских татар. Хотя тема восточной лексики, содержащейся в славяноязычных текстах, написанных арабским алфавитом, активно изучается, остается достаточно большое количество материала для анализа. Китабы белорусских татар благодаря разнообразию представленного в них лексического материала (сочетание восточной и славянской лексики) являются важным для лингвистов источником информации.

Доктор гуманитарных наук доцент кафедры славянской филологии филологического факультета Вильнюсского университета (Литва) Г. Мишкинене предложила проект по созданию словаря китабов [1] – историко-лингвистического справочника, облегчающего понимание текстов белорусских татар и содержащего славянскую лексику, а также арабизмы, тюркизмы и персизмы, которые стали неотъемлемой частью письменных памятников данного типа. Ранее восточная лексика рассматривалась в работах А. К. Антоновича [2], С. Кричинского [3], Ш. Акинер [4] и А. Вороновича [5]. В статье [4] представлен словарь восточной лексики с грамматическими комментариями, ее переводом на английский язык и примерами из текста китаба, который хранится в Британском музее. В публикации [5] исследуются 400 единиц восточной лексики, извлеченных из тафсиров и хамаилов. Научные разработки А. Вороновича лежат в основе современных исследований по данной теме. Наконец, Г. Мишкинене анализирует адаптацию арабизмов и тюркизмов [6], а также приводит небольшой словарь арабской лексики в статье о хамаиле Адама Радецкого [7].

Цель настоящего исследования – показать, как в тексте китаба Ибрагима Хосеневича¹ функционируют арабизмы, которые представляют собой не только отдельные слова, но и полноценные выражения. Подобный анализ позволит оценить полную картину функционирования лексики в тексте китаба и выявить те особенности, благодаря которым в этом памятнике письменности передается индивидуальность автора.

¹Исследуемый китаб хранится в Национальной библиотеке Республики Беларусь под номером 11Н//58К (026) [8, с. 58–62].

Славянская часть китаба И. Хосеневи́ча написана преимущественно на старобелорусском языке с элементами польской и арабской лексики. Ранее специфика восточной лексики данного текста не изучалась. В китабистике исследованию арабизмов посвящены только несколько работ, однако арабская лексика является важной составляющей белорусских памятников письменности. Без учета арабизмов невозможно полностью оценить и проанализировать текст китаба.

Количество арабизмов в тексте памятника варьируется. Оно зависит от специфики цитируемого из Корана материала и наличия – отсутствия его пояснений. Большинство коранических цитат сопровождаются комментариями И. Хосеневи́ча, определявшего, нуждается ли данный фрагмент из религиозного арабского текста в дополнительных пояснениях. По характеру употребления арабизмы в тексте китаба И. Хосеневи́ча можно разделить на следующие категории:

- отдельные лексические единицы;
- отдельные фразы, которые представляют собой вкрапления в славянский текст;
- цитаты из религиозной арабской литературы, из которых одни выражения имеют пояснения на старобелорусском языке или вольный перевод автора китаба, а другие выражения не комментируются.

В данной статье представлены примеры из текста китаба И. Хосеневи́ча, транслитерация которых дана в соответствии с правилами арабской графики. Так как автор настоящей работы уделяет внимание арабизмам, грамматически, орфографически и пунктуационно некорректные части славянского текста² показаны в их первоначальном виде.

Отдельные лексические единицы

Рассматриваемые в данной части статьи арабизмы и термины в основном связаны с исламской религией и культом. Арабская письменность, которая использовалась И. Хосеневи́чем для воспроизведения отдельных лексем, имеет некоторые особенности. В связи с этим необходимо учитывать особенности написания слов, разделять примеры использования арабской графики для передачи собственно арабизмов и для обозначения арабизмов, которые попали под фонетическое и грамматическое влияние старобелорусского языка.

Большинство арабизмов – отдельных лексических единиц – являются именами существительными. Их можно разделить на собственные имена существительные (*Džebail, Ibrahim, Musa, Aiša*), конкретные имена существительные, которые обозначают природные явления, события или предметы (*sabah*), и имена существительные, которые составляют группу конфессиональной лексики (*arš, džahil*). К данной лексико-семантической классификации не относятся слова, которые являются служебными частями речи. В китабе И. Хосеневи́ча подобные лексемы встречаются крайне редко.

После адаптации к фонетическим и морфологическим особенностям старобелорусского языка арабизмы активно участвуют в деривационных процессах. Описывая лексику китаба, который хранится в Британском музее, Ш. Акинер выделяет наиболее распространенные словообразовательные суффиксы, характерные для арабских, персидских и турецких заимствований [4]. В китабе И. Хосеневи́ча к числу таких словообразовательных формантов относятся морфема *-ove*, которая используется для обозначения множественного числа (*iz prarockih sehabejove³ dzin* (15/b, 22–23), *sehabejove muvili* (16/b, 9))⁴, а также морфема *-ov-*, с помощью которой образуются притяжательные прилагательные (*sin 'Abbasov* (10/b, 7)). В тексте также отмечен словообразовательный формант *-ovi* со значением множественного числа (*Israilovi* (19/b, 21)).

Что касается собственных имен существительных, то в тексте китаба И. Хосеневи́ча выявлены случаи употребления имен ангела-мукаррабуна Джабраила, а также пророков Ибрагима и Мухаммеда.

Исламский ангел-мукаррабун Джабраил соответствует христианскому архангелу Гавриилу. Придерживавшийся мусульманской традиции, И. Хосеневи́ч в тексте китаба употребляет арабский вариант имени этого духовного, бесплотного существа. В исламских памятниках встречаются формы *Djabrā'īl* и *Djibrīl* [9]. В рассматриваемом тексте предпочтение отдается первому варианту написания имени. С точки зрения словоизменения лексема *Djabrā'īl* представлена разными словоформами, и в отдельных предложениях наблюдается образование дериватов в соответствии с грамматическими правилами старобелорусского языка [10]. Точно так же на протяжении всего текста изменяются формы имен пророков Ибрагима и Мухаммеда (...*Džabrailov i Muhammadov to Bog est pravdzivij...* (6/b, 3), ...*pan Bog Džabrailu kazav...* (18/a, 2), ...*jednim golasam Džabrailovim...* (13/a, 20), ...*tilko ot glosu Džabrailovago...* (13/a, 21)).

²Например, в выражении *dna snudnago* (10/b, 4) буква *n* является лишней.

³Здесь и далее выделено полужирным нами. – *Н. М.*

⁴*Sehabejove* (صَحَابِيّو) – форма множественного числа слова *Sehabej* (صَحَابِيّ). Османская турецкая лексема *صحابی* [sahabî] восходит к арабской лексеме *الصحابی* [as-sahabî] и используется для обозначения сподвижников пророка Мухаммеда, а также первого поколения мусульман [11, с. 192; 12, с. 430].

В исламе Исафил – вестник страшного суда. Имя этого ангела-мукаррабуна, вероятно, восходит к слову «серафим» – названию иудейского и христианского высшего ангельского чина, наиболее приближенного к Богу [9]. В тексте китаба И. Хосеневича данная лексема принимает окончание родительного падежа в соответствии с грамматическими правилами белорусского языка (...*tilko iz Israfilov trubi golas učiujus...* (19/b, 18)) [10].

К особенностям передачи на старобелорусском языке собственных имен существительных, связанных с исламом, относится принцип грамматического подобия, при котором фонетические и графические особенности корней арабских лексем сохраняются. Стоит заметить, что ключевым моментом в выборе грамматической формы арабизма является также принцип благозвучия. Опираясь на выбранную грамматическую систему, автор китаба использует способность имени существительного к формообразованию и сохраняет гармоничность славянского текста.

Стоит проанализировать случаи употребления других собственных имен существительных в тексте китаба И. Хосеневича.

(1) ...*prorok paznav što Aiša tajemni doždž vidzela muvil...* (16/a, 2) ‘...пророк узнав что **Айша** таинственный дождь видела сказал...’⁵

Аиша бинт Абу Бакр – младшая жена пророка Мухаммеда. Ее имя не имеет аналогов в славянских источниках. В связи с этим важно установить, какой с точки зрения орфографии вариант имени выбрал И. Хосеневич. В примере (1) данное имя написано в соответствии со славянской транслитерацией. В памятниках арабской письменности это же имя имеет иное написание. Самым очевидным отличием этих вариантов написания является отсутствие в тексте китаба И. Хосеневича буквы «та марбута», которая выступает показателем женского рода [13, с. 110].

(2) ...*Falamma janna alayhi al-laylu raa kawkabaan kali abačis zvezdu peršeju na nebe abo Yunus prarok kali na nebo rušalisa angeli b ci noči bila Fanada fi az-zulumati jak kričav u cemnasci abo Musa prarok na gare sinajskeje jak pjani biv kali gara rušilasa u noči Wa waadna Musa thalathina laylatan jak mi naznačili Muse praroku triccac nočej...* (16/a, 17–20) ‘...**Когда** **ночь** **покрыла** **его** **своим** **мраком**, **он** **увидел** **звезду** **когда** **увидишь** **первую** **звезду** **на** **небе** **или** **пророк** **Иона** **когда** **на** **небо** **двинулись** **ангелы** **была** **ночь** **он** **воззвал** **из** **мрака** **как** **кричал** **в** **темноте** **или** **пророк** **Моисей** **на** **горе** **Синай** **как** **пьяный** **был** **когда** **гора** **рушилась** **в** **ночи** **Мы** **определили** **Мусе** **30** **ночей** **как** **мы** **назначили** **пророку** **Моисею** **тридцать** **ночей**...’

В примере (2) упоминаются имена исламских пророков Юнуса и Мусы. Написание обоих имен в тексте китаба И. Хосеневича полностью соответствует арабскому варианту [14, с. 774, 914]. Скорее всего, в данном случае большую роль сыграло совпадение звуков в арабском и славянском языках.

В тексте данного памятника письменности встречаются морфологические парадигмы, образуемые восточными лексемами. Арабизмы легко преодолевают структурные ограничения старобелорусского языка. Так, имена существительные порождают имена прилагательные, склоняются по падежам как в единственном, так и во множественном числе. В качестве примера такой морфологической активности арабизмов в тексте китаба И. Хосеневича можно привести случаи употребления лексем *kāfir*⁶ и *Ḥabīb al-Nadjdār*⁷ (...*kafir* *muvi* *sadaku* *dajca* *što* *vam* *pan* *Bog* *dav...* (19/b, 7), ...*pan* *Bog* *golasam* *da* *kafirev* *muvi* *ij* *kafire...* (19/b, 12), ...*kafire* *rekli* *da* *Ḥabīb* *Nadžara...* (12/b, 14), ...*u* *tom* *čase* *Ḥabīb* *Nadžaru* *raj* *ukazav...* (13/a, 1–2)).

Как видно из представленных выше примеров, арабизмы в татарских памятниках письменности являются гибкими лексическими единицами, способными к трансформации в соответствии с богатыми возможностями славянской деривационной системы. Такая лексика может быть представлена в китабе двумя способами. Первый способ состоит в том, что арабское слово вводится в текст с пояснением его значения, и применяется в тех случаях, когда большинство татар уже забыли семантику данной лексемы и нуждаются в ее толковании. Второй способ состоит в том, что арабское слово вводится в текст без пояснения его значения. Он характерен для тех арабизмов, которые сохранились в языке белорусских татар и использовались параллельно с их славянскими эквивалентами.

Далее следует обратиться к случаям употребления в тексте китаба И. Хосеневича конкретных имен существительных, которые обозначают природные явления, события или предметы, а также проанализировать ту лексику, которая была введена в текст без пояснения ее значения. В грамматических

⁵Здесь и далее перевод славянского текста наш. – Н. М.

⁶Значение лексемы *kāfir* трансформировалось следующим образом: ‘уничтожение, прикрытие’ – ‘скрывающий полученные блага’, т. е. ‘неблагодарный’ [9], – ‘неверующий, нечестивый’ [12, с. 693].

⁷Лексема *Ḥabīb al-Nadjdār* обозначает имя легендарного персонажа Хабиба Наджара, в честь которого названа мечеть в Антакье [9].

системах арабского и старобелорусского языков наблюдается определенное сходство: имена существительные имеют категории рода, числа и падежа. Однако ни одна из этих категорий не совпадает с точки зрения содержания. Так, в арабском языке категория числа более объемная, чем в старобелорусском языке, в то время как восточная система падежей, наоборот, в количественном отношении уступает славянской системе падежей. Несовпадение данных показателей усложняет процесс введения арабизмов в текст, так как автор китаба должен выбирать грамматическую систему и следовать ей. Большинство заимствованных лексем этой группы изменяются в соответствии с правилами старобелорусского языка.

(3) ...*jak za vse **sabahu**⁸ čakajuc ale **sabahu** ne dačakajuc vijduc na dvor na nebo glanic zvezdi na mejscach svaih...* (17/a, 15–16) ‘...как все **утра** ждут или не дождутся выйдут во двор посмотрят на небо звезды на своих местах...’

(4) ...*zabavlaacca buduc **sabah** ne dačakajuc znov na dvor vijduc na neba glanic...* (17/a, 17–18) ‘...будут развлекаться не дождутся **утра** снова во двор выйдут посмотрят на небо...’

В примерах (3) и (4) имя существительное *sabah* стоит в разных грамматических формах, при этом данная арабская лексическая единица изменяется по законам старобелорусского языка. Так, в примере (3) исследуемое заимствованное слово имеет окончание *-и*, как и все старобелорусские имена существительные мужского рода с данным типом склонения [10].

(5) ...*nekatorija movac **mustakar** stane slonca sudnago dna na jednom mejscu...* (17/a, 2–3) ‘...некоторые скажут солнце Судного дня станет **стабильным** на одном месте...’

(6) ...*nekatorija movac **mustakarrun**⁹ slonca pad zemloj jest...* (17/a, 4–5) ‘...некоторые скажут **стабильно** солнце под землей...’

В примерах (5) и (6) гласные буквы в третьем слоге исследуемого арабизма различаются в словарной форме лексемы и в формах лексемы, представленных в тексте памятника. Стоит сказать, что это не единственный случай: написания слов во многих коранических цитатах, представленных в тексте китаба И. Хосеневича, также отличаются от написаний в оригинале. В данной статье не рассматриваются орфографические ошибки, так как они могут быть продиктованы невнимательностью или спешкой автора в момент составления им текста. В примерах (5) и (6) приведены разные формы данной лексической единицы: в примере (6) имя прилагательное стоит в форме именительного падежа и согласуется с именем существительным *slonca*, а в примере (5) окончание имени прилагательного, стоящего в форме косвенного падежа, опускается, так как в арабском разговорном языке в полных формах имен прилагательных окончания не произносятся.

(7) ...*pan Bog nikomu krivdi ne učinec **hikajat**¹⁰ gistorija a Peglul divane...* (20/a, 12) ‘...пан Баг никому плохого не сделает **истории** о Пеглул диване...’

В примере (7) в конце лексемы *hikajat* стоит арабская буква «та марбута». При присоединении к слову окончания множественного числа данная буква меняет свое начертание [13, с. 274].

(8) ...*starajučemu I pajučemu I slihajučemu pan Bog lasku svaju učinic I z valikaj dobresci svajej getij suraj da Mekkaju zaslanij asmidesjat I tri ajati ajum jest slov sto dvaccac pac dva tisači semsot dzevec dzesat šest **hurfaf**¹¹ jest...* (8/a, 3–4) ‘...старающегося и поющего и слушающего пан Бог одарит своей милостью и с великой своей добротой пошлет эту суру в Мекку семьдесят три дня аятов сто двадцать пять слов две тысячи семьсот девяносто шесть **букв**...’

В примере (8) стоит обратить внимание на формообразование. Исследуемое имя существительное стоит в форме множественного числа. По правилам старобелорусского языка к этой форме добавляется окончание родительного падежа *-af*, и это становится причиной стяжения гласных в словоформе. Таким образом, вторая арабская буква *и* является беглой гласной.

(9) ...*adzin umor prarok klanevs’a **džanaze**¹² namaz ja džanazeju da mağili pašov...* (15/b, 22) ‘...один умер пророк поклонился **гробу** похоронный намаз и пошел к могиле...’

⁸*Sabah* ‘утро, рассвет’ [12, с. 427].

⁹*Mustakirrun* ‘стабильный’ [15, с. 962].

¹⁰*Hikajat* ‘рассказ, повесть, история’ [12, с. 188].

¹¹*Harf* ‘буква, литера’ [12, с. 166]. *Hurfaf* – форма множественного числа этой лексемы.

¹²*Djanāza* ‘труп, гроб или труп и гроб, а затем похороны’ [9].

В примере (9) имя существительное *djanāza* в арабском языке имеет грамматическое значение женского рода. Благодаря букве *a*, содержащейся в конце основы данной лексемы, в старобелорусском языке это слово также имеет грамматическое значение женского рода, что влияет на особенности его склонения.

В тексте китаба И. Хосеневича, как и в тексте китаба, который хранится в Британском музее, встречаются слова, случаи употребления которых в косвенных падежах не зафиксированы [4]. В приведенных отрывках тексты обоих памятников письменности почти идентичны (...*tri razi zatrubic, jedna nefche, druhoje fežiche*¹³, *treceje še'ike*... [4, с. 67], ...*tri razi zatrubic trubenje, jedna nefche, druhoje fežiche, treceje še'ike jak u Kur'ane piše*... (19/a, 7–8)).

Наконец, необходимо рассмотреть имена существительные, которые составляют группу конфессиональной лексики (примеры (10)–(14)).

(10) ...*prarok muvil slonca pad arš*¹⁴ *pujdze*... (17/a, 7–8) ‘...пророк сказал солнце будет под **троном** Бога...’

(11) ...*sadžda*¹⁵ *panu Bogu učinic*... (17/a, 13) ‘...**поклониться** пану Богу...’

(12) ...*jak vethi urdžun budzec urdžun*¹⁶ *značisa funikovago kara na dzereva abo kara jest kali rubajuči ne ratne troha astaneca*... (17/b, 15–16) ‘...будет как ветхий **урджун урджун** обозначает финиковую кору на дереве или кору когда отрубив остается небольшая часть...’

(13) ...*abo džahila*¹⁷ *adnago dna abo džahil kladba božēja nad nim prarok na adnom mejscu namaz klanevsa abo džahil uzav veliki kamen hacev praroka u galavu udaric*... (10/a, 7–8) ‘...или неверующему одного дня или неверующий Божее проклятие над ним пророк на одном месте поклонился намаз или неверующий взяв большой камень хотел пророка ударит по голове...’

(14) ...*abo džahilu oči zasmiv praroke ne mog vidzec*... (10/a, 7–9) ‘...или **неверующему** затмил глаза чтобы не мог видеть пророка...’

В тексте китаба И. Хосеневича лексема *džahil* употребляется несколько раз и имеет одну грамматическую особенность. Так, в арабском языке окончание указывает на падеж слова, при этом в тексте памятника падеж лексемы дан в соответствии с правилами старобелорусского языка (*dla džahila, džahilu uchi, abo džahila adnago* [9]). Если предположить, что текст китаба создавался для устного восприятия, то по законам арабской фонетической системы окончания в словоформах этой лексемы можно было бы опустить. Однако в данном случае наблюдается полное слияние арабизма со славянским текстом.

Отдельные лексические единицы сохраняют арабские фонетические особенности и адаптируются к грамматической системе старобелорусского языка. Графическая форма корней слов соответствует нормам арабского языка, но окончания лексем могут опускаться. Так, в примере (11) в слове *sadžda* отсутствует окончание – показатель женского рода [12, с. 347]. Автор настоящей статьи предполагает, что таким образом И. Хосеневич в условиях проживания вдали от исторической родины стремится придать благозвучие славянскому тексту и сохранить в нем арабскую лексику, следовательно самобытность.

Представленные выше примеры доказывают, что в анализируемом памятнике письменности заимствованная лексика употребляется в прямом значении. Большинство лексем относятся к конфессиональной лексике. Несмотря на то что арабский и старобелорусский языки имеют разные фонетические системы, это не отражается на арабизмах, если принимать во внимание только основы данных лексем. Не вся восточная лексика была знакома широкому кругу членов татарской общины, поэтому отдельные слова нуждались в пояснениях. Способ передачи имен существительных во многом зависел от конкретной прагматической задачи автора текста. В случае с китабом И. Хосеневича целевой аудиторией была татарская община, исповедующая ислам. В связи с этим текст данного памятника необходимо было составить таким образом, чтобы собственные имена существительные, с одной стороны, соответствовали арабской фонетической системе, а с другой стороны, имели возможность склонения и формообразования для удобства произношения и благозвучности.

¹³*Fežiche* ‘бояться, пугаться’ [13, с. 595], ‘день Страшного Суда’ [4, с. 67].

¹⁴*Arš* ‘наивысшее место, которое объемлет все сущее и находится над ним’ [16, с. 71], ‘трон Бога’ [4].

¹⁵*Sadžda* ‘склонять голову, поклоняться, совершать в намазе земной поклон’ [16, с. 621].

¹⁶*Urdžun* ‘ветка финиковой пальмы, которая обернулась в руках Абдуллаха бин Джахма мечом (ветвь, согнутая в виде полумесяца)’ [17, с. 208], ‘пень от связки фиников, оставшийся на дереве, когда пучок срезан’ [4, с. 83].

¹⁷В мусульманской традиции *джахилия* – период доисламского невежества и неверия. *Джахилиями* называют людей, лишенных знаний об истине ислама [16, с. 192].

Отдельные фразы, которые представляют собой вкрапления в славянский текст, и цитаты из религиозной арабской литературы

Представленная в примере (15) фраза подобна отдельным лексическим единицам, если анализировать ее с точки зрения сочетаемости со старобелорусским текстом. В связи с этим в данном примере следует рассмотреть грамматическую составляющую, сочетаемость арабской и старобелорусской лексики и влияние на арабизм славянской орфографии.

(15) ...*pišem i prikazuem kariman katibina angelem ketorija pišuc učenija...* (10/b, 5)

Keram katibin – благородные писцы. Это словосочетание гармонично включается в славянский текст и дается без перевода. Однако здесь есть своя особенность. Дословная транслитерация арабского текста выглядит как *keraman katibina*. В тексте китаба И. Хосеневича исследуемое словосочетание выполняет функцию дополнения, поэтому оно должно стоять в форме винительного падежа. Интересно, что словосочетание *keram katibin* действительно стоит в нужной грамматической форме, однако окончание множественного числа винительного падежа *-an* указано в соответствии не со старобелорусскими, а с арабскими правилами грамматики [18, с. 16].

Цитаты, заимствованные из арабской религиозной литературы, имеют особое значение для данного памятника письменности, так как они лежат в его основе и именно вокруг них строится славянский текст. Здесь важно обратить внимание на саму структуру китаба. Построение предложений, способ изложения материала, текстовое окружение арабских цитат, отмеченные в примере (16), являются типичными для китаба И. Хосеневича.

(16) ...*najdzece lasku mayu nauki ne prijavali inšija moc Ma bayna aydihim wa ma khalfahum*¹⁸ *peršija I prišija grehi jest inšija movic Wa ma khalfahum muke dna sudnago iz zemli vihodzic...* *muka Wa ma tatihim min ayatin min ayati rabbihim illa kanu anha muridina što kol vek ayatov Božih prijdze ad pana Boga jani ad tago advaračalisa Wa idha qila lahum anfigu mimma razaqakumu Al-Lahu qala al-ladhina kafaru lilladhina amanu anutimu man law yashau Al-Lahu atamahu in antum illa fi dalalin mubinin kedi kefiram muvili sadaku dajca što vam pan Bog dav oni muvili či patrav da mi že im pan Bog ne dav a hoc bi im patrav dali b vedajca nam Bog dav...* (19/b, 1–7) ‘...найдете мою милость другой науки не можете принять что было до них и что будет после них первые и наступающие грехи есть другие говорят что было до них мука Судного дня выходит из земли... и не приходит к ним ни одно знамение из знамений Господа их, чтобы они от них не отворотились если век аятов придет от пана Бога они от этого отвернутся А когда им скажут: «Пожертвуйте из того, чем наделил вас Аллах!» – те, которые не веруют, говорят верующим: «Разве мы станем кормить того, кого Аллах накормил бы, если пожелал? Вы только в явном заблуждении» если кафирам сказали дать садаку которую вам дал пан Бог они сказали если дать им поесть пан Бог не дал а хочет чтобы мы дали им поесть знал бы Бог дал...’

Для построения данного фрагмента текста были использованы следующие части Корана: 110-й аят¹⁹ 20-й суры²⁰, 46-й аят 36-й суры, 47-й аят 36-й суры. Следует отметить, что порядок использования аятов из одной и той же суры не является последовательным.

В ходе анализа также не было замечено определенной последовательности в размещении коранических цитат. Выявлено, что И. Хосеневич отдает предпочтение 36-й суре под названием Йа Син, в которой говорится о том, что Аллах воскрешает мертвых и считает деяния своих рабов. Однако в тексте китаба данная сура не излагается последовательно. В памятнике, помимо отдельных сур, используются фрагменты хадисов²¹, изложение которых тоже не отличается последовательностью. Исходя из этого, в настоящей статье классификация арабских фраз, которые представляют собой вкрапления в славянский текст, и цитат из религиозной арабской литературы основывается на форме подачи материала:

- цитировании аята с его последующим переводом, максимально приближенным к тексту, но не содержащим пояснения;
- цитировании аята с его последующим переводом, носящим описательный характер²².

¹⁸Здесь и далее перевод фрагментов из Корана И. Ю. Крачковского [19].

¹⁹Наименьший выделяемый отрывок коранического текста, стих [20, с. 214].

²⁰Название каждой из 114 частей, на которые делится текст Корана [20, с. 214].

²¹Предания о словах и действиях Мухаммеда, затрагивающие различные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины [20, с. 262].

²²Так же, как и в тексте китаба, который хранится в Британском музее [21].

При составлении текста китаба И. Хосеневич использовал не только аяты Корана, но и сборник стихов из Корана, дополненный хадисами, написанными в XIII в. правоведом шафиитского мазхаба, исламским богословом и имамом Мухйи-д-дин Абу Закарийя Йахйя бин Шараф бин Мурри бин Хасан бин Хусайн бин Мухаммад бин Джум'а бин Хизам ан-Навави [23, с. 238–239]. Здесь встречаются цитаты, описывающие, каким образом происходит отпущение грехов, пояснение которых приводится ниже по тексту.

В таблице представлены цитаты из Корана и других арабских религиозных текстов и из китаба И. Хосеневича (примеры (17)–(21)).

Сравнение цитат из Корана и других арабских религиозных текстов и из китаба И. Хосеневича

Comparison of quotes from the Qur'an and other Arabic religious texts and from the I. Hosenevich's kitab

№ примера п/п	Цитаты из Корана и других арабских религиозных текстов	Цитаты из китаба И. Хосеневича
(17)	Мы устроили перед ними преграду и позади их преграду и закрыли их, и они не видят (36:9)	<i>Učinilem pred nimi zaponi i za nimi zaponi abo s'ca na ochi movon ten ayat est (10/a, 6) '...мы сделали преграду перед ними и преграду за ними а закрыв глаза сказан тот аят...'</i>
(18)	Не сообщать ли вам о том, посредством чего Аллах стирает прегрешения и возвышает степени? [22, с. 51]	<i>Vam iz getih rečej ketorija grehi vaši adpušćeni buduc (10/b, 14) '...вам из этих речей которые отпускают ваши грехи...'</i>
(19)	И объединятся солнце и луна (75:9)	<i>...mesec slonca pačernelija svatlasći ne majuc u adno mejscā zašliša jak Kur'an piše Wa jumi'a ash-shamsu wa al-qamaru svatovija ludzi plakac buduc pa Božnim ludzam... (17/b, 5–6) '...месяц солнце почернеют света не имеют в одном месте соединятся как написано в Коране И объединятся солнце и луна святые люди будут плакать о Божьих людях...' ...kali sudni dzen blizka prijdze slonca z mesecam zlučica u Kur'an piše Wa jumi'a ash-shamsu wa al-qamaru slonca ne dastanisa mesecu ni noć dna a dzen noći adno za adnim hodzic... (17/b, 22–23) '...если Судный день близко придет солнце с месяцем соединятся в Коране написано И объединятся солнце и луна солнце не достанет месяц ни ночь дня а день ночи один за другим ходят...'</i>
(20)	Все по своду плавают (21:33)	<i>...tilko mesec i slonca na mejscāh svaih stajac da sudnago dna Wa kullun fi falakin yasbahuna use u svaih merah hodzac mesec i slonca I zvezdi tak jak riba u vadze plivaje... (18/a, 1–3) '...только месяц и солнце на своих местах до Судного дня Все по своду плавают все ходят по своим орбитам месяц и солнце и звезды также как рыба плавает в воде...'</i>
(21)	И знамение для них – что Мы носили их потомство в нагруженном корабле (36:41)	<i>Sudni dzen prijdze u adno mejscā zberucca Wa ayatun lahum anna hamalna dhurriyatahum fi al-fulki al-mashhuni po znake jest vam Božej moci jak ih patemstva u karablu šcerom u nugavih karablu katori palan biv usela tagava patomstva... (18/a, 9–10) '...придет Судный день в одном месяце соберутся И знамение для них – что Мы носили их потомство в нагруженном корабле у вас есть знак Божей силы как их потомства в корабле вшестером в Ноевом корабле который был полон всего того потомства...'</i>

С грамматической точки зрения арабский текст стоит обособленно, является вставкой в прямую речь, отдельным предложением или цитатой (...*jak u Kurane piše **Rabbu al-mashriqi wa al-maghribi** Božēja jest ushod I zahod Trista šestdzesat ushodav I zahodav što dzen iz adnago ushodzec a v inšem zahodzic... (16/b, 21) '...как пишется в Коране **Господь Востока и Запада** Божий есть восход и заход триста шестьдесят восходов и заходов что день из одного уходит а в другой заходит...'*).

В примере (21), извлеченном из китаба И. Хосеневича, при заимствовании цитаты из Корана употребляется союз на арабском языке. В 41-м аяте 36-й суры Корана данный союз отсутствует. Помимо прочего, пример (21) относится к той категории цитирования арабских религиозных текстов, в которой оригинальный аят переводится точно и не содержит последующих комментариев. Лексема *falakun* обозначает орбиту, небо, небесный свод [12, с. 609]. При переводе этой лексемы на старобелорусский язык

И. Хосеневич употребляет слово «мера», что может указывать на определенное толкование данной фразы (мера как предел, в котором осуществляется что-нибудь [24]), но не на ошибку в переводе. Здесь также стоит обратить внимание на форму прилагательного, образованного от имени существительного «Ной». Имя существительное *Nuh* взято из арабского языка, однако формообразование этого слова происходит в соответствии с грамматическими правилами старобелорусского языка.

В тексте памятника встречаются намеренные повторения отдельных фраз или слов после цитирования определенных частей сур Корана.

(22) ...*velikim plačenem u raji vidzec abliča Bože Inna nahnu nuhyi al-mawta wa naktubu ma qaddamu wa atharahum* peun 'a aživami martvih dna snudnago abo ževimi činim nutria... *tvaим Kur'anіm pre strahem pišem i prikazuem kīraman katibina angelem ketorija pišuc učenija učinki bred sebe paslanija i za saboju zastavnija što dobrogo I zloga inšiya muvac Wa atharahum*... (10/b, 3–7) '...великим плачем в раю видеть облик Бога **ведь Мы оживляем мертвых и записываем, что они уготовали раньше, и их следы** петухи оживляли мертвых Судного дня и живых исцеляем... твоим Кораном в страхе пишем и приказываем **благородные писцы** которые с ангелом пишут учения делают перед собой послания а за собой оставляют что хорошего и плохого говорят другие **и их следы**...'

Пример (22) является частью 12-го аята 36-й суры Корана. Здесь, как и во многих других вариантах цитирования аята, за арабским текстом следует его перевод-пояснение. В конце данного отрывка повторяется слово из аята, а далее по тексту повторяется часть первоначальной фразы.

(23) ...*getij ajat zaslanij Wa naktubu ma qaddamu wa atharahum*... (10/b, 9) '...этот аят посланный **и записываем, что они уготовали раньше, и их следы**...'

Если пример (22) представляет собой единую смысловую цепочку арабского и старобелорусского текстов, то пример (23) отличается семантической насыщенностью. В нем арабский текст стоит обособленно от славянского, не связан с ним.

Заключение

Автор настоящей статьи пришел к следующим выводам.

1. В китабе И. Хосеневича роль, которую играют цитаты из арабских религиозных текстов, становится очевидной, если обратить внимание на их расстановку в памятнике. Как правило, это фрагменты Корана, которые непременно сопровождаются либо точным переводом переписчика, либо его вольным изложением основной идеи коранической цитаты. В памятнике встречаются также отдельные слова и выражения, заимствованные из арабского языка. В этом случае необходимо учитывать частотность их употребления, особенности их чередования со славянскими эквивалентами, а также их грамматическую форму, которая может быть обусловлена грамматическими правилами языка китаба.

2. Арабские вкрапления в славянский текст выполняют функцию сигналов. Такие стилистические приемы используются для напоминания читателю или слушателю о связях с их традициями.

3. Причиной использования арабизмов являются социально-психологические факторы. Религиозная терминология имела коммуникативную актуальность, что отразилось в исторических памятниках. Для полного изучения данного пласта лексики необходимо рассматривать арабизмы с точки зрения фонетической, графической, семантической, словообразовательной и культурологической адаптации.

4. Использование элементов арабского языка в славянских памятниках письменности является, с одной стороны, попыткой познакомить белорусских мусульман с Кораном, а с другой стороны, проявлением специфического языкового стиля переписчика.

5. К когнитивно-семантическим признакам исследуемых арабизмов относятся ярко выраженные экспрессивность и образность. Несмотря на сильное влияние славянских традиций и обрядов, белорусские татары сохраняют собственное религиозное сознание. В их лексиконе продолжает существовать основная часть исламской терминологии.

6. Очевидно грамматическое влияние старобелорусского языка на арабские лексические единицы. С точки зрения фонетики основы арабских слов сохраняются, так как они являются не заимствованиями, а лексической основой текста китаба.

Арабизмы участвуют в деривационных процессах, что указывает на важность и актуальность этой лексики. Благодаря включению арабской лексики в текст китаба белорусские татары ощущают связь со своим прошлым, а также проникаются атмосферой Востока.

Библиографические ссылки

1. Мишкинене Г. О проекте Словаря китабов (славяноязычных арабскоалфавитных рукописей середины XVII века). *Slavistica Vilnensis*. 2000;49(2):123–127. DOI: 10.15388/SV.2000.23124.
2. Антонович АК. *Белорусские тексты, писанные арабским письмом и их графико-орфографическая система*. Вильнюс: Вильнюсский государственный университет; 1968. 418 с.
3. Kryczyński S. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej*. Warszawa: Wydanie Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskie; 1938. 318 p.
4. Akiner Sh. The vocabulary of a Byelorussian K'it'ab in the British Museum. *The Journal of Byelorussian Studies*. 1973;3(1):55–84. DOI: 10.30965/20526512-00301003.
5. Woronowicz A. Szczątki językowe Tatarów litewskich. W: Kryczyński L, redaktor. *Rocznik Tatarski: czasopismo naukowe, literackie i społeczne, poświęcone historii, kulturze i życiu Tatarów w Polsce. Tom 2*. Zamość: Wydanie Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskie; 1935. s. 351–366.
6. Мишкинене Г. Проблемы адаптации арабизмов и тюркизов в старобелорусском китабе КУ-1446. *Slavistica Vilnensis*. 1995;45(2):53–63.
7. Мишкинене Г. Счастливые и несчастные дни из хамаила Адама Радецкого (1888 г.). *Slavistica Vilnensis*. 2017;62:97–116. DOI: 10.15388/SlavViln.2017.62.11685.
8. Тарэлка МУ, Цітавец АІ, укладальнікі. *Рукапісы татараў Беларусі канца XVII – пачатку XX ст. з дзяржаўных кнігазбораў краіны*. Бярозкіна НЮ, рэдактар. Мінск: Беларуская навука; 2011. 221 с.
9. Pedersen J. *Encyclopaedia of Islam*, Second edition [Internet]. 2021 [cited 2022 April 3]. Available from: <https://referenceworks.brillonline.com/browse/encyclopaedia-of-islam-2>.
10. Янкоўскі ФМ. *Гістарычная граматыка беларускай мовы*. Мінск: Вышэйшая школа; 1983. 270 с.
11. Akiner Sh. *Religious language of a Belarusian Tatar Kitab. A cultural monument of Islam in Europe*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2009. 457 p. (Mediterranean language and culture monograph series; volume 11).
12. Баранов ХК. *Арабско-русский словарь*. Крачковский ИЮ, редактор. Москва: Русский язык; 1989. 928 с.
13. Гранде БМ. *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*. Москва: Восточная литература; 2001. 529 с.
14. Гиргас ВФ. *Арабско-русский словарь к Корану и хадисам*. Санкт-Петербург: Издательство «Диля»; 2006. 928 с.
15. Борисов ВМ. *Русско-арабский словарь*. Белкин ВМ, редактор. Санкт-Петербург: Сам Интернешнл; 2004. 1120 с.
16. Али-заде А. *Исламский энциклопедический словарь*. Москва: Ансар; 2007. 400 с.
17. Топбаш ОН. *История пророков. Том 5 (Пророк Мухаммад Мустафа. Часть 2)*. Разоренов А, переводчик. Москва: САД; 2009. 614 с.
18. Редькин ОИ, Берникова ОА. *Грамматика арабского языка (на примерах из Корана)*. Санкт-Петербург: Президентская библиотека; 2015. 219 с.
19. Крачковский ИЮ, переводчик. *Коран*. Москва: Наука; 1986. 727 с.
20. Милославский ГВ, Петросян ЮА, Пиотровский МБ. *Ислам. Энциклопедический словарь*. Прозоров СМ, редактор. Москва: Наука; 1991. 315 с.
21. Akiner Sh. Contents of the British Library Kitab. W: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska J, redaktorzy. *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze = Татары Великого княжества Литовского в истории, языке и культуре = The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. s. 103–124.
22. Мухий-д-дин Абу Закарийа Йахйя бин Шараф бин Мурри бин Хасан бин Хусайн бин Мухаммад бин Джум'а бин Хизам ан-Навави, составитель. *Сады праведных. Из слов Господина посланников*. Нирши ВМ, переводчик. Москва: Бадр; 2001. 880 с.
23. Adamec LW. *Historical dictionary of Islam*. Maryland: The Scarecrow Press, Inc.; 2001. 448 p. (Historical Dictionaries of Religions, Philosophies, and Movements, No. 37).
24. Даль ВИ. *Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2*. Москва: Олма-Пресс; 2002. 1120 с.

References

1. Mishkinene G. [About the project of the kitabs dictionary (Slavic-language Arabic-alphabetic manuscripts of the 17th century)]. *Slavistica Vilnensis*. 2000;49(2):123–127. DOI:10.15388/SV.2000.23124. Russian.
2. Antonovich AK. *Belorusskie teksty, pisannye arabskim pis'mom i ikh grafiko-orfograficheskaya sistema* [Belarusian texts written in Arabic script and their graphic and spelling system]. Vilnius: Vilnius University; 1968. 418 p. Russian.
3. Kryczyński S. *Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej*. Warszawa: Wydanie Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskie; 1938. 318 p.
4. Akiner Sh. The vocabulary of a Byelorussian K'it'ab in the British Museum. *The Journal of Byelorussian Studies*. 1973;3(1):55–84. DOI: 10.30965/20526512-00301003.
5. Woronowicz A. Szczątki językowe Tatarów litewskich. W: Kryczyński L, redaktor. *Rocznik Tatarski: czasopismo naukowe, literackie i społeczne, poświęcone historii, kulturze i życiu Tatarów w Polsce. Tom 2*. Zamość: Wydanie Rady Centralnej Związku Kulturalno-Oświatowego Tatarów Rzeczypospolitej Polskie; 1935. s. 351–366.
6. Mishkinene G. [Problems of Arabisms and Turkisms adaptation in the Old Belarusian Kitab KU-1446]. *Slavistica Vilnensis*. 1995;45(2):53–63. Russian.
7. Mishkinene G. Happy and unhappy days according to Adam Radecki chamail (1888). *Slavistica Vilnensis*. 2017;62:97–116. DOI: 10.15388/SlavViln.2017.62.11685. Russian.
8. Tarjelka MU, Citavec AI, compilers. *Rukapisy tataraw Belarusi kanca XVII – pachatku XX st. z dzjarzhawnych knigazboraw krainy* [Manuscripts of the Tatars of Belarus in the late 17th – early 20th centuries from the statebook of the country's assembly]. Bja-rozkina NJu, editor. Minsk: Belaruskaja navuka; 2011. 221 p. Belarusian.
9. Pedersen J. *Encyclopaedia of Islam*, Second edition [Internet]. 2021 [cited 2022 April 3]. Available from: <https://reference-works.brillonline.com/browse/encyclopaedia-of-islam-2>.

10. Jankowski FM. *Gistarychnaja gramatyka belaruskaj movy* [Historical grammar of the Belarusian language]. Minsk: Vyshjeshaja shkola; 1983. 270 p. Belarusian.
11. Akiner Sh. *Religious language of a Belarusian Tatar Kitab. A cultural monument of Islam in Europe*. Wiesbaden: Harrassowitz; 2009. 457 p. (Mediterranean language and culture monograph series; volume 11).
12. Baranov KhK. *Arabsko-russkii slovar'* [Arabic-Russian dictionary]. Krachkovskii IYu, editor. Moscow: Russkii yazyk; 1989. 928 p. Russian.
13. Grande BM. *Kurs arabskoi grammatiki v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii* [The course of Arabic grammar in comparative historical coverage]. Moscow: Vostochnaya literatura; 2001. 529 p. Russian.
14. Girgas VF. *Arabsko-russkii slovar' k Koranu i khadisam* [Arabic-Russian dictionary for the Qur'an and hadithes]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Dilya»; 2006. 928 p. Russian.
15. Borisov VM. *Russko-arabskii slovar'* [Russian-Arabic Dictionary]. Belkin VM, editor. Saint Petersburg: Sam Interneshnl; 2004. 1120 p. Russian.
16. Ali-zade A. *Islamskii entsiklopedicheskii slovar'* [Islamic encyclopedic dictionary]. Moscow: Ansar; 2007. 400 p. Russian.
17. Topbash ON. *Istoriya prorokov. Tom 5 (Prorok Mukhammad Mustafa. Chast' 2)* [The prophets' history. Volume 5 (Prophet Muhammad Mustafa. Part 2)]. Razorenov A, translator. Moscow: SAD; 2009. 614 p. Russian.
18. Red'kin OI, Bernikova OA. *Grammatika arabskogo yazyka (na primerakh iz Korana)* [Grammar of the Arabic language (on examples from the Qur'an)]. Saint Petersburg: Prezidentskaya biblioteka; 2015. 219 p. Russian.
19. Krachkovskii IYu, translator. *Koran* [The Qur'an]. Moscow: Nauka; 1986. 727 p. Russian.
20. Miloslavskii GV, Petrosyan YuA, Piotrovskii MB. *Islam. Entsiklopedicheskii slovar'* [Islam. Encyclopedic dictionary]. Moscow: Nauka; 1991. 315 p. Russian.
21. Akiner Sh. Contents of the British Library Kitab. W: Łapicz Cz, Kulwicka-Kamińska J, editors. *The Tatars of the Grand Duchy of Lithuania in history, language, and culture*. Toruń: Toruńskie Towarzystwo Naukowe; 2013. p. 103–124.
22. Mukhii-d-din Abu Zakariia Iakhia bin Sharaf bin Murri bin Khasan bin Khusain bin Mukhammad bin Dzhum'a bin Khizam an-Navavi, compiler. *Sady pravednykh. Iz slov Gospodina poslannikov* [The gardens of the righteous. From the words of the Lord of the messengers]. Nirshi VM, translator. Moscow: Badr; 2001. 880 p. Russian.
23. Adamec LW. *Historical dictionary of Islam*. Maryland: The Scarecrow Press, Inc.; 2001. 448 p. (Historical Dictionaries of Religions, Philosophies, and Movements; No. 37).
24. Dal' VI. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. Tom 2* [Explanatory dictionary of the living great Russian language]. Moscow: Olma-Press; 2002. 1120 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 07.06.2022.
Received by the editorial board 07.06.2022.

МЕТОДИКА

МЕТОДЫКА

METHODOLOGY

УДК 811.581'243

МАЛОИЗУЧЕННЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО В УЧРЕЖДЕНИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

ЛО СЮАНЬ¹⁾, МА ЛУН²⁾

¹⁾Пекинский профессиональный сельскохозяйственный институт,
ул. Даотянь Наньли, 5, 102442, г. Пекин, Китай

²⁾Витебский государственный университет им. П. М. Машерова,
пр. Московский, 33, 210038, г. Витебск, Беларусь

Описываются трудности обучения студентов китайскому языку как иностранному. Материалом исследования послужили научные работы и учебные пособия российских, белорусских и китайских лингвистов, методистов и преподавателей китайского языка как иностранного. Выявляются малоизученные аспекты иноязычного обучения студентов. Отсутствие хорошо разработанных способов и методов воссоздания естественной языковой среды, а также неприменение их на занятиях понижают мотивацию учащихся. На уроках недостаточно используется контрастно-сопоставительный метод, который способствует преодолению межъязыковой интерференции и формированию межкультурной коммуникативной компетенции. Без должного внимания остаются вопросы культурной коннотации китайской лексики и методика работы над грамматическими, лексическими и речевыми ошибками. В целях погружения учащихся в культурно-языковую среду предлагается проводить на базе учреждений высшего образования совместные занятия белорусских студентов, изучающих китайский язык, и китайских студентов, овладевающих русским языком, активно использовать китайский мессенджер *WeChat*,

Образец цитирования:

Ло Сюань, Ма Лун. Малоизученные аспекты преподавания китайского языка как иностранного в учреждении высшего образования. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2022;2:101–115.

For citation:

Luo Xuan, Ma Long. Low-study aspects of teaching the Chinese language as a foreign at the university. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2022;2:101–115. Russian.

Автор:

Ло Сюань – младший научный сотрудник отдела международного образования.

Ма Лун – преподаватель кафедры мировых языков факультета гуманитаристики и языковых коммуникаций.

Author:

Luo Xuan, junior researcher at the international education department.

80118@bvca.edu.cn

Ma Long, lecturer at the department of world languages, faculty of humanities and language communications.

ma.mixail@inbox.ru

применять инновационные технологии в обучении, совместно с китайскими преподавателями разрабатывать комплексы онлайн-уроков и методику исправления ошибок в устной и письменной речи учащихся, искать пути преодоления культурных стереотипов, а также уделять больше внимание межкультурным и языковым конфликтным ситуациям.

Ключевые слова: китайский язык как иностранный; коммуникативный метод обучения; языковая среда; языковая картина мира; контрастно-сопоставительный анализ; речевые упражнения; культурная коннотация; межкультурная коммуникативная компетенция; Республика Беларусь.

МАЛАВЫВУЧАНЫЯ АСПЕКТЫ ВЫКЛАДАННЯ КІТАЙСКОЙ МОВЫ ЯК ЗАМЕЖНАЙ ВА ЎСТАНОВАХ ВЫШЭЙШАЙ АДУКАЦЫІ

ЛО СЮАНЬ^{1*}, МА ЛУН^{2*}

^{1*}Пекінскі прафесійны сельскагаспадарчы інстытут,
вул. Даацянь Наньлі, 5, 102442, г. Пекін, Кітай

^{2*}Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава,
пр. Маскоўскі, 33, 210038, г. Віцебск, Беларусь

Апісваюцца цяжкасці навучання студэнтаў кітайскай мове як замежнай. Матэрыялам даследавання паслужылі навуковыя працы і вучэбныя дапаможнікі расійскіх, беларускіх і кітайскіх лінгвістаў, метадыстаў, выкладчыкаў кітайскай мовы як замежнай. Выяўляюцца малавывучаныя аспекты іншамоўнага навучання студэнтаў. Адсутнасць добра распрацаваных спосабаў і метадаў адбудоўвання натуральнага моўнага асяроддзя, а таксама неўжыванне іх на занятках зніжаюць матывацыю навучэнцаў. На ўроках недастаткова выкарыстоўваецца кантрасна-супастаўляльны метадаў, які спрыяе пераадоленню міжмоўнай інтэрферэнцыі і фарміраванню міжкультурнай камунікатыўнай кампетэнцыі. Без належнай увагі застаюцца пытанні культурнай канатацыі кітайскай лексікі і метадыка працы над граматычнымі, лексічнымі і маўленчымі памылкамі. У мэтах апускання навучэнцаў у культурна-моўнае асяроддзе прапануецца праводзіць на базе ўстаноў вышэйшай адукацыі сумеснія заняткі беларускіх студэнтаў, якія вывучаюць кітайскую мову, і кітайскіх студэнтаў, якія авалодваюць рускай мовай, актыўна выкарыстоўваць кітайскі месенджар *WeChat*, прымяняць інавацыйныя тэхналогіі ў навучанні, сумесна з кітайскімі выкладчыкамі распрацоўваць комплексы анлайн-урокаў і метадыку выпраўлення памылак у вусным і пісьмовым маўленні навучэнцаў, шукаць шляхі пераадолення культурных стэрэатыпаў, а таксама надаваць большую ўвагу міжкультурным і моўным канфліктным сітуацыям.

Ключавыя словы: кітайская мова як замежная; камунікатыўны метадаў навучання; моўнае асяроддзе; моўная карціна свету; кантрасна-супастаўляльны аналіз; маўленчыя практыкаванні; культурная канатацыя; міжкультурная камунікатыўная кампетэнцыя; Рэспубліка Беларусь.

LOW-STUDY ASPECTS OF TEACHING THE CHINESE LANGUAGE AS A FOREIGN AT THE UNIVERSITY

LUO XUAN^a, MA LONG^b

^aBeijing Vocational College of Agriculture, 5 Daotian Nanli Street, Beijing 102442, China

^bVitebsk State University named after P. M. Masherov,
33 Maskoŭski Avenue, Vitebsk 210038, Belarus

Corresponding author: Ma Long (ma.mixail@inbox.ru)

This article describes the challenges of teaching Chinese as a foreign language to students. The research material was scientific work and teaching aids of Russian, Belarusian and Chinese linguists, methodologists, teachers of Chinese as a foreign language. The analysis of the studied material showed that the poorly studied aspects of foreign language teaching include: ways and methods of recreating the natural language environment, without which high motivation of students is impossible; insufficient use of the contrast-comparative method in the classroom to overcome interlingual interference and the formation of intercultural communicative competence; the issues of cultural connotation of Chinese vocabulary

and methods of working on grammatical, lexical and speech errors remain without due attention. As ways of solving problematic issues, the authors propose to conduct joint classes of Belarusian students studying the Chinese language and Chinese students mastering the Russian language on the basis of universities in order to immerse themselves in the cultural and linguistic environment; actively use the Chinese messenger WeChat as a communication educational platform; apply innovative technologies in teaching; develop complexes of online lessons together with Chinese teachers, as well as contribute to the methodology for correcting mistakes in the speech and writing of students; look for ways to overcome the cultural stereotypes of students so that they abandon cultural discrimination; pay more attention to intercultural and linguistic conflict situations so that students can become full participants in intercultural communication.

Keywords: Chinese as a foreign language; teaching foreign languages; communicative method; language environment; linguistic picture of the world; contrast-comparative analysis; speech situations and exercises; cultural connotation; intercultural communicative competence; Republic of Belarus.

Введение

К фундаментальным исследованиям по методике преподавания китайского языка как иностранного относятся работы российских ученых Н. А. Деминой [1], И. В. Кочергина [2], Т. Л. Гурулевой [3] и О. А. Масловец [4].

В монографии [1] Н. А. Демина впервые применяет коммуникативный подход к обучению студентов китайскому языку, делает акцент на подчинении языковых знаний развитию речевой деятельности, на отборе грамматического материала с учетом ситуативно-тематического принципа, а также на комплексном преподавании всех видов речевой деятельности на основе развития устной речи. По мнению Н. А. Деминой, учебные материалы должны быть оригинальными и отобранными из китайских источников, а упражнения обязаны обладать коммуникативной ценностью, чтобы обучающиеся могли использовать полученные знания в процессе общения с носителями языка. При введении новой лексики необходимо раскрывать фонетические, грамматические и словообразовательные особенности слова, объяснять его значение и специфику его употребления в речи, соотносить новые лексемы с уже усвоенными синонимами и антонимами. Для развития навыков устной речи предлагается с 1-го семестра обучения студентов китайскому языку как иностранному использовать свободную беседу, которая предполагает продвинутое владение лексикой и грамматикой. На начальном этапе обучения студентов особое внимание требуется уделять комбинированным заданиям: чтению небольших текстов, составлению вопросов к ним и диалогов по теме. Кроме того, Н. А. Демина советует отказаться от заучивания материала и механического копирования предложений из текста. В конце издания [1] описываются основные методические требования к написанию учебников по китайскому языку, а также рассматриваются методические ошибки молодых преподавателей в процессе иноязычного обучения студентов.

Обеспокоенный проблемой совершенствования методов обучения студентов китайскому языку, И. В. Кочергин в книге [2] дает практические рекомендации по организации учебного процесса и повышению качества подготовки Китаистов в российских учреждениях высшего образования (УВО). В работе [2] решаются задачи по формированию речевых умений и навыков, обучению студентов лексике, грамматике, чтению, письму, а также неподготовленной монологической речи на китайском языке. Отдельное внимание уделяется отбору содержания обучения, тщательной разработке системы упражнений и составлению качественного учебника китайского языка. Стоит заметить, что И. В. Кочергин видит неэффективность учебного процесса в недостаточно профессиональном отборе языкового и грамматического материала, а также в отсутствии базового учебника, отвечающего всем принципам коммуникативного подхода.

Т. Л. Гурулева в монографии [3] предлагает авторскую модель формирования межкультурной коммуникативной и профессиональной компетенций переводчиков, представляет типологию коммуникативного поведения китайской языковой личности. Обучение студентов китайскому языку как иностранному понимается как кросс-культурная коммуникация, в которую должны быть внедрены цифровые информационные ресурсы (сервисы *Web 2.0*, *Web 3.0*) и мобильные технологии. Помимо прочего, Т. Л. Гурулева описывает специфические качества, умения и навыки преподавателя китайского языка как иностранного, утверждает, что педагог выполняет роль организатора межкультурного общения, а также предлагает инструкцию по созданию образовательных ресурсов по китайскому языку и переводу.

В учебном пособии [4] О. А. Масловец раскрывает специфику преподавания китайского языка как иностранного через призму коммуникативности, описывает требования к обучающим программам, методическим материалам и особенностям организации образовательного процесса. Следует отметить, что О. А. Масловец детально комментирует методику обучения студентов фонетике, лексике и грамматике китайского языка, а также таким видам речевой деятельности, как говорение, чтение, аудирование

и письмо. Пособие [4] содержит большое количество примеров с пояснениями на китайском языке, которые дают конкретное представление о способах работы над грамматическими и речевыми ошибками.

Отдельные аспекты методики преподавания китайского языка как иностранного являются предметом научно-исследовательской деятельности специалистов Иркутского государственного университета и Института Конфуция Дальневосточного федерального университета. Так, в Институте Конфуция Дальневосточного федерального университета ежегодно издается сборник методических материалов «Актуальные вопросы методики преподавания китайского языка». Исследователей, как правило, привлекают вопросы, касающиеся различий обучения студентов китайскому языку в российских и китайских УВО, специфики преподавания китайского языка как второго иностранного, использования игровых и компьютерных технологий в процессе освоения иностранного языка, интеграции научно-методической работы китайских и русских коллег, а также способов повышения квалификации преподавателей-китаистов.

В Беларуси серьезный вклад в решение данной проблемы вносят специалисты Республиканского института китаеведения имени Конфуция БГУ, кафедры китайской филологии филологического факультета БГУ, а также факультета китайского языка и культуры Минского государственного лингвистического университета и кафедры лингводидактики и методики обучения иностранным языкам Минского государственного лингвистического университета. В основном интерес лингвистов и методистов вызывают узкоспециальные темы: фонетические и лексико-грамматические трудности китайского языка [5], проблемы перевода, принципы обучения иероглифическому письму и чтению [6; 7], китайский язык как второй иностранный, использование китайской литературы для обучения студентов китайскому языку [8] и т. д.

Так, в диссертации [6] Ю. В. Молоткова анализирует особенности иероглифики с точки зрения лингвистики и графики, подтверждает эффективность гнездовой организации иероглифического минимума с учетом психологических особенностей студентов. На основании накопленного опыта и проведенных экспериментов Ю. В. Молоткова доказывает, что благодаря применению когнитивного подхода к обучению студентов иероглифическому письму можно сформировать у них графические и орфографические навыки.

Учебное пособие [7] М. С. Филимоновой содержит комплекс упражнений для решения коммуникативных задач в процессе чтения. По мнению М. С. Филимоновой, при отборе языкового материала следует учитывать системные связи между иероглифическими единицами, а также способности их включения друг в друга.

Научно-исследовательская деятельность преподавателей кафедры китайской филологии филологического факультета БГУ направлена на решение дидактических проблем, изучение особенностей функционирования китайского языка и литературы в социокультурном и образовательном пространстве Беларуси, а также на художественный перевод. За последние годы благодаря работе коллектива кафедры издано много учебно-методических пособий и учебников по китайскому языку для средних школ и УВО, «сформирована эмпирическая база исследования, внедряются инновационные технологии обучения китайскому языку, что способствует развитию национальной филологической школы китаистики» [9, с. 17–18].

Среди работ китайских лингвистов и методистов стоит отметить книгу [10] Чжао Юнсиня, который предлагает изучать фонетику, лексику, морфологию и синтаксис китайского языка через их контрастное сопоставление с соответствующими языковыми системами родного языка. Сравнительное исследование китайского, английского, французского и арабского языков дает богатый материал, который можно использовать при построении учебного процесса, а также при создании упражнений и заданий для студентов, изучающих несколько иностранных языков. Особенно интересны главы, посвященные сравнению культурных характеристик категории вежливости в китайском и других языках, культурных различий между китайским и английским языками, а также культурных коннотаций китайских идиом. К сожалению, в книге [10] отсутствует сопоставительный анализ китайского и русского языков.

В работе [11] Лу Цинхэ перечисляет ошибки, возникающие у иностранцев при изучении китайского языка, дает рекомендации преподавателям по применению метода параллельного обучения в соответствии с особенностями усвоения знаний учащимися. Лу Цинхэ описывает ключевые принципы обучения студентов грамматике и произношению, иероглифам и лексике, подробно объясняет важные моменты и трудности китайского языка, однако не рассматривает ошибки в речи русскоговорящих студентов при изучении китайского языка как иностранного.

Учебное пособие [12] Чжао Цзиньмина содержит характеристику и основы преподавания китайского языка как иностранного, рекомендации по составлению учебников, проведению языкового тестирования и применению современных технологий в процессе иноязычного обучения.

Справочник [13] Чжан Нинчжи, построенный в форме вопросов и ответов, является незаменимым источником информации в процессе подготовки учителей-новичков к профессиональной деятельности. Каждый вопрос базируется на наблюдениях педагогов-практиков, а ответ – на ценном опыте квалифицированных китайских преподавателей. К числу важных вопросов, затрагиваемых в книге [13], относятся основные концепции в области международного преподавания китайского языка, проблемы межкультурного общения и взаимодействия педагога-китайца и учеников-иностранцев, особенности использования учебных материалов и подготовки к уроку, сложности преподавания китайского языка за границей. Как видно, данное пособие ориентировано только на китайцев и представляет малую ценность для русских и белорусских педагогов.

В работе [14] Чжоу Сяобин рассуждает об отрицательном переносе родного языка на китайский язык, рассматривает межъязыковые ошибки, основанные на коммуникативных стратегиях, представляет когнитивную интерпретацию грамматических категорий. Один из разделов книги [14] посвящен методам и способам исследования нарушений грамматических норм по трем аспектам (сообщение, намеренная передача и избегание). Чжоу Сяобин проводит сравнительно-сопоставительный анализ китайского, английского, японского, корейского, испанского и французского языков, обсуждает внутриязыковые факторы возникновения неточностей. Ошибки, допускаемые русскоговорящими студентами, в исследовании Чжоу Сяобина не освещаются.

Работа [15] Ци Хуяна, основанная на учебной программе для иностранных студентов по специальности «китайский язык» в УВО, вбирает в себя новейшие результаты исследований современной китайской грамматики и всестороннее описание китайского языка как иностранного. Системный подход к обучению студентов грамматике отражается в подробном анализе китайских морфем, частей речи и компонентов предложений. Ци Хуян подробно разбирает различные виды ошибок и способы их исправления.

Методика обучения студентов китайскому языку как иностранному является предметом исследования таких китайских ученых, как Люй Бисун, Жэнь Юань, Ли Пэйюань, Шэн Янь, Чэн Юйчжэнь, Чжао Цзинмин, У Юньи и т. д.

Анализ учебно-методического материала свидетельствует об отсутствии широкого доступа к образовательным ресурсам в Китае, а также совместных проектов с китайскими учеными, что, в свою очередь, ставит перед педагогами высшей школы нелегкие задачи. К малоразработанным аспектам обучения студентов китайскому языку как иностранному в белорусских УВО относятся способы и методы воссоздания естественной языковой среды, связь между современными приемами преподавания китайского языка и теоретико-методологическими разработками в данной области, методика исследования студентами происхождения и способов исправления различных видов ошибок, база ситуативно-речевых упражнений, а также заданий, направленных на получение студентами знаний по лингвокультурологии, китайскому речевому этикету, культурной коннотации слов и по интерпретации невербальных средств общения, на сравнительный анализ коммуникативного поведения китайцев и белорусов и культурной специфики китайского и русского языков.

Цели данной статьи – изучить малоразработанные аспекты и проблемные моменты преподавания китайского языка как иностранного в белорусских УВО и наметить пути их решения. Достижению этих целей подчинены следующие задачи: анализ и обобщение сильных и слабых сторон научно-методических и учебных изданий российских, белорусских и китайских лингвистов и методистов, выявление основных трудностей обучения студентов китайскому языку как иностранному, поиск способов преодоления сложных педагогических ситуаций в ходе образовательного процесса.

Для решения поставленных задач использовались описательный и сопоставительный методы, а также метод сравнительного анализа.

Материалом исследования послужили научные работы и учебные пособия российских, белорусских и китайских лингвистов, методистов и преподавателей китайского языка как иностранного.

Авторы настоящей статьи надеются, что данное исследование поможет молодым специалистам определиться с темами дальнейших перспективных научных разработок в области методики преподавания китайского языка как иностранного, а также будет полезным при составлении учебных пособий.

Результаты и их обсуждение

Аспект 1: отсутствие хорошо разработанных способов и методов воссоздания естественной языковой среды на занятиях по китайскому языку. Одним из первых малоизученных аспектов обучения студентов китайскому языку как иностранному является воссоздание естественной языковой среды – исторически сформировавшегося на основе языка и культуры социума, в пределах которого реализуется общение.

Наиболее эффективным подходом в преподавании иностранного языка признан коммуникативный метод, разработанный доктором педагогических наук Е. И. Пассовым [16]. Для успешного воплощения данного метода в жизнь требуются естественные условия, когда неродной язык выступает в качестве единственного средства общения между учащимися. Основным принципом коммуникативной методики выступает речевая направленность, предполагающая применение такого коммуникативного материала, который используется в реальной жизни во время диалога или беседы. Для овладения говорением как ведущим видом речевой деятельности требуется ситуативность, которая подразумевает не только определенные обстоятельства, но и конкретные взаимоотношения между собеседниками. Однако на занятиях по китайскому языку все контакты сводятся к заданным социальным ролям: преподаватель – студент, учащийся – учащийся. В таких условиях невозможно «решить коммуникативную задачу, когда учащемуся необходимо использовать иноязычный код для вербального оформления своего речевого намерения» [17, с. 70].

Некоторые методисты уверены, что естественную языковую среду вполне реально воссоздать или симитировать через использование различных видов речевых упражнений, ситуативных заданий, просмотр документальных и художественных фильмов, телепередач на китайском языке, изучение китайской культуры и традиций. Авторы настоящей статьи не согласны с этой точкой зрения. Ничто не способно заменить «языковую стихию, естественный достоверный видеоряд, насыщенность фоновыми знаниями, настоящую ситуативность, создающую потенциальный контекст, в котором функционируют единицы речи, и включающую такие компоненты, как национальное коммуникативное поведение, социокультурный стереотип общения, межкультурный языковой шок» [18, с. 36].

В отличие от российских и белорусских исследователей китайские ученые-практики, в частности Лю Сюнь, Чжан Кай, Лю Шэхуэй, Чэнь Си и другие лингвисты, прекрасно понимают, что свободное общение с носителями изучаемого языка возможно, когда студент выступает в роли субъекта межкультурной коммуникации. По мнению Лю Сюня, «коммуникативные способности реализуются непосредственно в условиях полного погружения в жизненные реалии, которые выступают в качестве мощных стимуляторов освоения учебного материала и вырабатывают адекватное конкретной ситуации языковой среды поведение»¹ [19, с. 96].

В последние годы деятели науки переосмысливают методологию иноязычного обучения студентов и стараются решить проблему отсутствия естественной языковой среды, с которой тесно связаны отбор учебного материала для занятия и поддержание мотивации учащихся. К сожалению, учебные пособия по китайскому языку как иностранному не в полной мере соответствуют коммуникативному принципу. Ситуативно-речевые задания, имитирующие ситуации из реальной жизни и стимулирующие студентов к активному говорению, мало разработаны. Темы, выбранные для диалога, не всегда отвечают критериям актуальности и современности. Аспектам лингвокультурологии, речевому этикету и культурной коннотации не уделяется должного внимания [20].

Несомненно, что в естественной языковой среде успех и результативность овладения студентами иностранным языком достигаются благодаря объединению внутренней и внешней мотивации, которая стимулируется объективной реальностью. Среда проживания (неродная страна) и социум вынуждают человека овладевать речевой компетенцией, чтобы выжить, активизируют его лингвистическую активность и заставляют его решать коммуникативные задачи (читать и переводить прочитанное, воспринимать китайскую речь на слух и понимать говорящего, вступать в диалог и преодолевать трудности в общении).

Каким образом превратить процесс обучения в модель общения, восполнить отсутствие естественной языковой среды и повысить мотивацию учащихся? Педагоги Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина И. А. Орехова и Е. В. Нечаева уделяют особое внимание вопросам практики обучения студентов иностранному языку вне естественной языковой среды и воссозданию ее искусственным путем [21]. Разработанные ими практические рекомендации и методические материалы облегчают работу преподавателей иностранного языка.

При овладении китайским языком для развития речевых умений и навыков студентам необходимо быть постоянно вовлеченными в процесс общения не только с педагогом, но и с другими носителями языка. В этих целях на занятия могут приглашаться китайские студенты, которые обучаются на разных факультетах данного УВО. К сожалению, совместные занятия белорусских студентов, изучающих китайский язык, и китайских студентов, овладевающих русским языком, проводятся редко, так как это средство погружения в культурно-языковую среду требует от преподавателя большой подготовки. Заранее выбранная тема для общения должна быть востребована студенческой аудиторией (например, «Речевой этикет при встрече (прощании) с кем-либо, во время приема гостей», «Моя семья», «Кем ты хочешь стать?» («Моя специальность и будущая профессия»), «Досуг и увлечения», «Дружба и обще-

¹Здесь и далее перевод наш. – М. Л.

ние в современном мире», «Китайская (белорусская) кухня», «Проблемы современной молодежи», «Беларусь и Китай: диалог культур» и т. д.). Китайские студенты готовят сообщение на родном для них языке, а белорусские студенты формулируют вопросы по теме высказывания на иностранном языке. Во время общения между участниками беседы преподаватель обращает внимание на ошибки в речи студентов, чтобы в конце занятия уделить время их разбору. К преимуществам совместных занятий относятся непосредственная коммуникация между носителями языка и теми, кто им овладевает, погружение в культуру и менталитет чужих стран, знакомство с новыми людьми, преодоление языкового барьера, практика восприятия живой речи, а также исправления и комментирования речевых ошибок.

Для продолжения общения белорусских и китайских студентов вне учебного процесса авторы настоящей статьи рекомендуют использовать в качестве коммуникационной образовательной площадки популярный в Китае мессенджер *WeChat*. В этом приложении можно создавать групповые чаты и сообщества, чтобы студенты и преподаватели обсуждали волнующие их вопросы, интересовались культурой и традициями друг друга. Формат общения при помощи текстовых сообщений позволяет учащимся отрабатывать лексические умения и навыки, знакомиться с грамматической системой китайского и русского языков. В процессе коммуникации путем голосовых сообщений студенты обучаются пониманию смысла высказывания на слух, отрабатывают правильное произношение, разбирают фонетические ошибки. Благодаря возможности мессенджера обмениваться фото- и видеофайлами учащимся становятся известными реалии и социальная среда Беларуси и Китая.

Преимущества приложения *WeChat* как электронного коммуникационного пространства давно оценили китайские коллеги, в УВО которых мессенджер активно используется при обучении студентов русскому языку как иностранному. С его помощью рассылаются и проверяются домашние задания, проводятся консультации, фронтальные опросы, тестирования и творческие конкурсы. Преподаватель предлагает темы, которые студенты обсуждают в групповом чате посредством аудиозаписей или текстовых сообщений. К сожалению, в Беларуси данное направление, как и обучение студентов иностранному языку при помощи мобильных технологий, QR-кодов и виртуальной реальности, слабо развито.

Применение информационно-коммуникативных и мобильных технологий в процессе иноязычного обучения студентов обладает множеством преимуществ: «...привлечение актуальных форм и методов в аудиторную и внеаудиторную работу; новые способы разработки учебного контента; повышение мотивации студентов за счет возможности активного участия в творческой работе; увеличение доли самостоятельной работы студента; экономия учебного времени; доступ к разнообразным аутентичным материалам; большая степень иллюстративности; сокращение голосовой нагрузки преподавателя и т. д.» [22, с. 173–174].

Мобильные технологии позволяют обрабатывать информацию на иностранном языке с помощью разных каналов ее восприятия и воспроизведения (в первую очередь с помощью слухового и зрительного каналов), выступают в качестве эффективного средства и мощного мотиватора для самостоятельного овладения коммуникативными знаниями и умениями, а также для совершенствования навыков иноязычной речи [23]. Интернет предоставляет неограниченные возможности для общения и речевой практики, превращает процесс обучения студентов в увлекательное путешествие по миру китайского языка и культуры.

Аспект 2: разрыв между теоретическими основами методики преподавания китайского языка и реализацией принципов обучения на практике. Следующая проблема иноязычного обучения кроется в реализации теоретических основ коммуникативной методики преподавания китайского языка как иностранного на практике, точнее, в разрыве между теорией и практикой. Как заявляет Ли Юнсинь, «преподаватели должны обучать студентов не новому языку, а лишь новому способу языкового выражения мыслей, и воспитывать новую языковую привычку» [24, с. 9–10].

С каждым годом в Китае все острее встает вопрос о необходимости развития межкультурной осведомленности иностранных студентов, изучающих китайский язык. Однако единая межкультурная программа, которая работала бы на практике, отсутствует. Преподаватель Юньнаньского педагогического университета Пэн Цзэньань уделяет пристальное внимание этому вопросу: «Кросс-культурная осведомленность – это особое мышление, которое приобретает в процессе иноязычного общения, обеспечивает точную передачу мыслей и чувств коммуникаторов. Задачи преподавателя – преодолеть культурные стереотипы учащихся, чтобы они отказались от культурной дискриминации, и дать им возможность получить объективное представление о целевой языковой культуре» [25, с. 57].

Данные выводы созвучны лингвокультурологическому подходу к обучению студентов иностранному языку. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, «каждый урок иностранного языка – это перекресток культур, практика межкультурной коммуникации, потому что каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным

сознанием представление о мире» [26, с. 25]. В настоящее время в УВО программа изучения китайского языка как иностранного включает в себя такие дисциплины, как «Мир изучаемого языка», «Страноведение», «Культура страны изучаемого языка», «Литература изучаемого языка». Студенты осваивают социокультурную картину мира через призму языковой картины мира.

Анализ некоторых российских, белорусских и китайских учебников позволяет говорить о ряде недостатков и пробелов в обучении студентов иностранному языку, а также о несоответствии данного обучения лингвокультурологическому подходу. Во многих случаях преподаватель использует те материалы и электронные ресурсы, которые находятся в открытом доступе, а их выбор основывается на его личных предпочтениях. Одни педагоги выбирают китайские пособия, а другие опираются на отечественные материалы, при этом системный подход и критическая оценка упражнений и заданий отсутствуют.

Китайские учебники зачастую «оставляют без внимания специфические трудности русскоговорящих обучаемых, т. е. не предусматривают возможность опоры в обучении на родной язык и необходимость нейтрализации учебных трудностей, порождаемых интерференцией языков. Они бессистемны и не обеспечивают достижения цели формирования навыков, т. е. автоматизмов. Что касается языкового наполнения, то в нем отсутствует российский лингвострановедческий компонент, который должен быть объектом речевой деятельности вместе с китайским» [2, с. 7].

Единственный выход из сложившейся ситуации видится в разработке и создании педагогами собственных учебных пособий с учетом их практического опыта преподавания китайского языка как иностранного.

Аспект 3: недостаточная разработанность ситуативно-речевых упражнений, стимулирующих учащихся к активному говорению, а также заданий, направленных на получение студентами знаний по лингвокультурологии и китайскому речевому этикету. В основе учебного процесса должна лежать ситуация, под которой авторы настоящей статьи понимают не локальный отрезок действительности, а отрезок деятельности. «Если один человек возмущается чьим-то поступком, а другой его оправдывает или согласен с этим, то “возмущение – оправдание” или “возмущение – согласие” и есть ситуация. Вернее, это ее основа, на которую наслаивается многое, в том числе и внешние обстоятельства. Но только наличие этой основы способно служить стимулом к высказыванию» [16, с. 221–222].

Ситуация представляет собой подвижную и быстро изменяющуюся систему отношений между реципиентами. Эти отношения формируются под влиянием таких факторов, как социальный статус человека, его роль как субъекта общения, деятельность и нравственные качества. Это надо учитывать при составлении речевых упражнений и ситуативных заданий. К примеру, в китайской культуре социальный статус влияет на стиль и форму общения, что отражается в языке. К старшим принято обращаться с почтением и использовать для этого конструкцию «имя прилагательное 老 [lǎo] ‘старший, старый, опытный’ + фамилия» (например, 老李 ‘старина Ли, старший Ли, старик Ли’). Работники офисов, предприятий и сферы обслуживания при общении друг с другом акцентируют внимание на занимаемой должности. Для обращения к высшему начальству используются конструкция «фамилия + должность» (например, 李经理 [jīnglǐ] ‘Ли директор’ и конструкция «фамилия, имя + должность». В УВО название должности младшего персонала (ассистентов), как правило, не употребляется, но при обращении к профессору, доценту или заведующему кафедрой непременно стоит подчеркнуть его звание или должность. Студенты обращаются к преподавателю без указания ученой степени, используя конструкцию «фамилия + 老师 [lǎoshī] ‘учитель’» (например, 李老师 ‘Ли учитель’).

При создании речевой ситуации на уроке преподаватель должен учитывать, что в Китае социальная структура является формальной и иерархичной, а все виды общения и взаимодействия людей (от личных до деловых и международных контактов) обусловлены концепцией налаживания связей, или 关系 [guānxi] ‘гуаньси’).

Ситуативность иноязычного обучения студентов требует, чтобы информация затрагивала и волновала собеседников – учащихся, находящихся в определенных отношениях друг с другом. По мнению Е. И. Пассова, для каждого вида речевой деятельности как средства общения необходимы два типа упражнений. Условно-речевые упражнения направлены на формирование речевых навыков, а речевые упражнения – на развитие речевых умений (говорение, письмо, чтение и аудирование). Обязательным элементом речевых упражнений является стратегическая задача говорящего (например, посоветовать фильм, доказать вред курения для здоровья, возразить на замечание, вдохновить на выполнение трудного задания, высказать одобрение или осуждение по поводу чего-либо, пожелать или одобрить что-либо, похвалить, извиниться, поблагодарить или покритиковать за что-либо и др.). Следует заметить, что некоторые речевые задачи, предполагающие негативные высказывания и оценки, противоречат китайскому менталитету, так как китайцам не свойственно прямо выражать свое отрицательное отношение к собеседнику или происходящему. Преподаватель должен уделять внимание особенностям

китайского речевого этикета. В китайской культуре не принято открыто и тем более категорично отказывать собеседнику в чем-то и не соглашаться с чем-то, чтобы не обидеть, не унизить и не оскорбить его. Носители китайского языка редко используют прямое отрицание 不 [bù] 'нет'. Из-за этого часто возникают недопонимание и конфликты, в связи с чем спрашивающему лучше уточнить, правильно ли он понимает говорящего.

Для освоения тонкостей китайского языка, студенты должны научиться отказывать собеседнику и не соглашаться с ним, не сказав 不 [bù] 'нет'. Например, чтобы сослаться на некие обстоятельства, которые не зависят от решения или желания человека, можно использовать выражение 没办法 [méi bànfǎ] 'Нет возможности (способа) осуществить это'. В случае если требуется прямой и категоричный ответ, следует сначала извиниться, а потом выразить свое несогласие с помощью выражений 我觉得您不对 [wǒ juéde nín bú duì] 'Мне кажется, вы неправы', 我不能 [wǒ bù néng] 'Я не могу', 我不同意 [wǒ bù tóngyì] 'Я не согласен'. Для выражения неуверенности в выполнении какой-то просьбы используются глаголы 尽量 [jǐnliàng] 'постараюсь', 试试 [shì shì] 'попробую (попытаюсь)', которые чаще всего являются формой непрямого отказа.

Что касается стратегической задачи похвалить кого-либо, то в китайской речевой культуре не принято отвечать благодарностью на комплимент, так как это слишком самонадеянно и высокомерно. Студенту необходимо проявить скромность, указать на то, что он недостоин такого внимания и хороших слов в свой адрес. Для этого используются выражения 哪里哪里! [nǎlǐ nǎlǐ!] 'Что вы, что вы', 不不! [bù bù!] 'Нет, нет!', 马马虎虎 [mǎmǎhǔhǔ] 'Так себе' (при неформальном стиле общения).

При выражении благодарности принято преувеличивать заслуги адресата. В этих целях употребляются фраза 真的很麻烦你了 [zhēnde hěn máfan nǐ (nín) le] 'Я очень тебя (Вас) обременил. Прошу прощения за беспокойство' и фраза 你辛苦了, 多谢! [nǐ xīnkǔ le, duōxiè!] 'Огромное спасибо за то, что так много сделали!'. В ответ на эти слова вежливо отвечают выражением 不辛苦 [bù xīnkǔ] 'Ничего, не устал (не трудно)'. Следует отметить, что в Китае слово «спасибо» редко используется среди знакомых, и чем ближе отношения между собеседниками, тем меньше нужно благодарить человека, сделавшего комплимент, в противном случае он почувствует себя чужим.

В процессе коммуникации между представителями двух стран культурные различия могут привести к разнообразным проблемам и конфликтам, что неминуемо грозит снижением эффективности общения. В связи с этим одним из конечных результатов при обучении студентов иностранному языку является «создание у обучающихся нового культурного сознания, заключающегося в способности при контактах с другой культурой понять иной образ жизни, иные ценности, по-иному воспринять ценности собственной культуры и отказываться от существующих стереотипов и предубеждений» [27, с. 57].

Аспект 4: отсутствие сравнительного анализа коммуникативного поведения китайцев и белорусов, а также межкультурных особенностей китайского и русского языков. Авторы настоящей статьи вынуждены констатировать, что при обучении студентов китайскому языку как иностранному культурным различиям в процессе коммуникации не уделяется должного внимания. На занятиях слабо представлен контрастивно-сопоставительный анализ китайского и русского языков, о культурной коннотации и невербальных средствах общения упоминается вскользь. Без учета этих компонентов студенты не смогут стать полноправными медиаторами культур, выбирать верные формы взаимодействия с носителями китайского языка, знать о возможных нестандартных ситуациях и психологических реакциях собеседника, чувствовать и понимать особенности менталитета, уметь сотрудничать и находить общее, несмотря на различия во взглядах и ценностях.

Исследователи изучают русское и китайское коммуникативное поведение и формы речевого этикета. Особенный интерес представляет сопоставление языковой категории вежливости в русской и китайской лингвокультурах [28–30]. От преподавателя китайского языка как иностранного требуется уметь пользоваться имеющимися наработками при построении урока и отборе учебного материала. Первая учебная задача – познакомить учащихся с особенностями китайского речевого поведения, рассмотреть лексико-грамматические конструкции, которые используются при встрече и расставании, извинении и благодарности. К примеру, в Китае при встрече принято здороваться при помощи улыбки, слов и кивка головой. Рукопожатие применяется только во время официальных мероприятий и является показателем делового стиля общения. Когда китайцы встречают своих знакомых, то произносят необычную для русскоговорящих людей фразу 你吃了吗? [nǐ chī le ma?] 'Ты (Вы) покушал(и)?'. Отвечать на этот вопрос следует выражением 吃了, 你呢? [chī le, nǐ ne?] 'Да, спасибо. А ты (Вы)?'. При прощании китайцы обычно кивают головой. Когда гостю желают добра, то по традиции ему советуют все делать медленно. Например, перед его уходом хозяева говорят фразу 慢走 [màn zǒu] 'Иди(те) осторожнее', а перед приемом пищи – фразу 慢用 [màn yòng] 'Ешь(те) медленнее'. Вторая учебная задача – научить студентов практическому применению полученных знаний: составлению диалогов по предложенной

теме с учетом разных стилей общения, созданию речевых ситуаций, ролевым играм. Студентам можно дать задание выразить извинение перед преподавателем за опоздание, перед другом за невыполненное обещание, перед начальником за поздний звонок, перед однокурсником за случайно пролитый на конспект кофе и т. д. В качестве самостоятельной работы на своих занятиях авторы настоящей статьи предлагают учащимся узнать, каким жестом в Китае заменяется слово «спасибо», какова история происхождения данной невербальной формы благодарности. Параллельно с изучением правил и норм речевого этикета особое внимание следует уделять сравнительно-сопоставительному анализу невербальных средств коммуникации русского и китайского языков как части языковой картины мира двух неродственных культур.

Стоит заметить, что ограничиться указанием различий коммуникативного поведения китайцев и белорусов недопустимо. На занятиях необходимо сформировать такую модель китайской культуры, которая могла бы компенсировать отсутствие реальной культурной среды. «Это позволит создать некий аналог действительности, способный аутентично представить всю культуру и выполнить свою главную функцию – дать учащемуся возможность проникнуть в ментальное пространство народа, преодолеть свою культурную изолированность, стать преградой на пути ксенофобии и национализма, а следовательно, послужить основой взаимопонимания» [16, с. 76].

С данной точкой зрения полностью согласен Чжао Юнсинь: «Необходимо не только помочь студентам понять сам язык через образование культурных фоновых знаний, но и попытаться заставить их устранить психологические барьеры, адаптироваться к китайской социальной среде. Следует развивать культурную адаптивность в общении и повышать их чувствительность к сходствам и различиям китайской и иностранной культур» [10, с. 75].

Формирование межкультурной коммуникативной компетенции является ведущим понятием методики иноязычного обучения студентов. В рамках кросс-культурного подхода студенты, овладевающие иностранным языком, выступают в качестве специалистов по межкультурному общению, от которых требуется умение строить конструктивный диалог с представителями чужой культуры с учетом их менталитета, национальных обычаев и традиций. Задача преподавателя иностранного языка состоит в том, чтобы через отбор учебного материала и создание межкультурной ситуации общения на занятиях способствовать уяснению студентами китайской языковой картины мира и этимологической связи между фактом культуры и словом, видению в чужой культуре черт, которые не только отличают ее от родной культуры, но и объединяют с ней, пониманию и расшифровке вербальных и невербальных средств общения с учетом полученных лингвокультурологических знаний, а также преодолению коммуникативных барьеров, связанных со стереотипами восприятия.

Лингвострановедческий материал не только благоприятно влияет на мотивацию учащихся, но и выступает в качестве средства формирования межкультурной компетенции. Специфика языковой картины мира носителей китайского языка отражается в концептах благодарности и извинения, а также в различных формах речевого этикета. Знание китайской истории, культуры и философии способствует преодолению культурных стереотипов и пониманию того, почему благодарность в китайском языке выражается в виде извинений и сопровождается самоуничижением, почему при первом знакомстве прилично интересоваться возрастом собеседника, его социальным статусом, количеством детей, местом работы и размером зарплаты и почему в ответ на приглашение в гости следует спросить: 我很打扰您吗? ‘Я сильно вас беспокою?’. Автор практического пособия по выстраиванию деловых отношений с китайскими партнерами Минг-Джер Чен подробно характеризуют китайские менталитет и тип мышления, привычки и образ жизни: «Китайцы всегда считали вежливостью вопросом морального совершенствования, а не согласованием интересов двух сторон. Для них важно почтительное отношение к другим, а не требование уважения к себе или признания собственной автономии, важно сбалансировать интересы обеих сторон в общении и приспособиться к говорящему. В межличностных отношениях китайского народа проявляется сдержанность эмоций...» [31, с. 201]. В понимании китайца вежливое отношение – это избегание разногласий, а не поиск истины в споре. Уход от конфликтов и противоречий не хитрость и уловка, а способ эмоциональной конфронтации между собой и другими. Выражение собственных взглядов, отличных от точки зрения собеседника, может причинить ему вред, обидеть или оскорбить его, поэтому китайцы держат свое мнение при себе, преуменьшая тем самым собственную значимость (принцип смирения), чтобы не задевать и не унижать чувства окружающих. Исследователи китайского речевого этикета, межличностных отношений и деловой коммуникации считают, что «каждый китаец с детства приучен держать свое мнение при себе и сдерживать недовольство ради согласия в коллективе – никаких обсуждений и споров, а простое “безмолвное постижение”

смысла происходящего. Открытый обмен мнениями и тем более противодействие начальнику – вещи совершенно немыслимые в китайской среде» [32, с. 462].

Для китайца важно не опорочить свою репутацию (出乖露丑 [chū guāi lù chǒu] ‘осрамиться, опозориться, стать всеобщим посмешищем’). Концепция 面子 [miànzi] ‘лицо’ чрезвычайно важна для понимания китайского менталитета. Данную концепцию можно рассматривать с нескольких сторон. Если человек проявил слабость или критиковал кого-либо, то это наносит ущерб его репутации, а если человеку удалось получить всеобщее одобрение, то он повысил репутацию (长脸 [zhǎng liǎn] ‘удлинить, добавить лицо’) и себе, и своей семье, и социальной группе, к которой он принадлежит, и своему руководителю, и организации, в которой он работает. Китайцам чужды идеи индивидуализма, коллективное мышление отразилось в их языке и поведении.

Расплывчатый и завуалированный язык китайцев, к которому они прибегают при выражении собственного мнения, эвфемизмы, которые используются для критики и предъявления требований, неоднозначные и неконкретные ответы – попытки не задеть чувства окружающих (т. е. сохранить свою репутацию и репутацию другого человека) или постараться никого не подвести, сохранить свой социальный статус.

Сопоставление языков помогает различать существенные и незначительные ошибки, анализировать причины их возникновения, находить эффективные методы их исправления и предотвращать их повторение. Необходимо учитывать, что новые китайские слова студенты воспринимают через призму родного языка и ищут соответствия между единицами родного и иностранного языков. Педагог должен объяснить студентам, что в разных языках слова не всегда являются полноэквивалентными по значению и стилистике. Должное внимание придется уделить понятию «культурная коннотация», сделать акцент на частичных совпадениях между словами родных языков и на безэквивалентной лексике. По мнению С. Г. Тер-Минасовой, языковая эквивалентность – миф. Авторы настоящей статьи согласны с этой точкой зрения, потому что одинаковая семантика, лексическая сочетаемость и коннотации слов, принадлежащих к разным языкам, невозможны. К примеру, китайский и русский самовары – разные вещи. В китайском языке слово 火锅 [huǒguō] ‘хого, китайский самовар’ обозначает и способ приготовления пищи, и посуду для варки, и само горячее блюдо из овощей, мяса, морепродуктов и приправ. По мнению лингвистов, исследующих концепт «любовь» в китайской культуре, слово 爱情 [àiqíng] ‘любовь’ появилось в начале XX в. при переводе европейской литературы и получилось путем слияния иероглифов 爱 [ài] ‘ценить, жалеть, питать слабость к чему-либо’ и 情 [qíng] ‘чувства, эмоции’. В Китае фразу 我爱你 [wǒ ài nǐ] ‘Я тебя люблю’ (калька с английского языка) редко можно услышать между влюбленными. В основном носители китайского языка предпочитают невербальные средства выражения своих чувств и эмоций.

При сравнении русского и китайского языков на занятиях любые сходства и различия должны быть объяснены и проанализированы. Однако реализация данной задачи предъявляет серьезные требования к преподавателям китайского языка как иностранного. Они обязаны владеть знаниями в области сопоставительной лингвистики (рассматривать со студентами трудные моменты, лингвистические и культурные ошибки, которые возникают из-за негативного переноса, вызванного различиями в стилях мышления носителей русского и китайского языков).

Аспект 5: уделение недостаточного внимания исследованию происхождения различных видов ошибок и способов их исправления. Так, Е. Н. Соловова классифицирует возможные трудности и ошибки при обучении студентов иностранному языку с позиции возникновения межъязыковой и внутриязыковой интерференции: «Соизучение родного и иностранного языка неизбежно приводит к определенной межъязыковой интерференции, когда правила из одного языка механически переносятся на другой, что и приводит к появлению ошибок» [33, с. 107]. К сожалению, преподаватели не всегда учитывают тот факт, что при изучении китайских слов студенты извлекают их из чужеродной картины мира и пытаются совместить их с русской языковой картиной мира. Они воспринимают незнакомые слова и понятия, преломляя их через русское сознание. В этом, по мнению многих ученых, заключается одна из главных трудностей в овладении иностранным языком.

В процессе иноязычного общения возникают языковые и культурные ошибки, причем последние имеют более серьезный характер. Китайский лингвист Лю Сюнь уделяет пристальное внимание данному вопросу: «В контакте с иностранцами носители языка обычно могут терпеть фонетические или грамматические промахи. Напротив, часто считается невежливым нарушать правила речи, потому что носители языка не признают относительности социолингвистики. Нарушение культурных обычаев родной страны оскорбительно и вызывает эмоциональное недовольство между двумя

сторонами» [19, с. 58]. Авторы настоящей статьи разделяют точку зрения ученых, которые считают, что для преодоления барьеров межкультурной коммуникации нужно повышать культурную грамотность учащихся. Под данным процессом понимаются целенаправленное изменение субъекта общения, формирование у него необходимых знаний и навыков, способствующих адекватной ориентации в практических ситуациях межкультурной коммуникации.

Рассмотрение, анализ и исправление грамматических, лексических и речевых ошибок в процессе иноязычного обучения студентов могут сыграть не последнюю роль в успешном овладении ими иностранным языком. По мнению Н. А. Деминой, «ошибки обучающихся любого направления являются ценным объектом исследования для формирования методики преподавания китайского языка, которая сможет предотвратить и минимизировать количество ошибок» [1, с. 35]. К сожалению, проблеме выделения и классификации ошибок в устной и письменной китайской речи учащихся, а также конфликтным ситуациям посвящены немногочисленные исследования. Это обусловлено спецификой китайского языка, в котором нарушение нормы часто можно отнести к разряду иероглифической, лексической или грамматической ошибки. По мнению И. В. Кочергина, преподаватель должен постоянно исправлять слова, произнесенные студентами с неправильной интонацией, классифицировать данную погрешность в учебном процессе как лексическое (смысловое) нарушение языковой нормы.

Правильное исправление ошибок преподавателем призвано служить успешному обучению студентов китайскому языку. К примеру, Н. А. Демина предлагает в качестве корректировки речевых ошибок переспрашивать учащихся и тактично подсказывать им верный ответ. Авторы настоящей статьи больше склоняются к профилактическому способу, который состоит в том, чтобы в момент изучения конкретной темы или при выполнении задания заранее обращать внимание студентов на возможные неверные ответы. Не следует указывать учащимся на грамматические неточности в их речи, если они не мешают ее пониманию. Можно привлекать внимание студента к неверному употреблению или изношению слова, просить его найти и объяснить ошибку, а также эффективно побуждать принимать участие в данном процессе других учащихся.

Заключение

К малоизученным аспектам обучения студентов китайскому языку как иностранному в белорусских УВО относятся способы и методы воссоздания естественной языковой среды, связь между современными приемами преподавания китайского языка и теоретико-методологическими разработками в данной области, методика исследования студентами происхождения и способов исправления различных видов ошибок, база ситуативно-речевых упражнений, а также заданий, направленных на получение студентами знаний по лингвокультурологии, китайскому речевому этикету, культурной коннотации слов и по интерпретации невербальных средств общения, на сравнительный анализ коммуникативного поведения китайцев и белорусов и культурной специфики китайского и русского языков.

Для решения указанных проблем авторы настоящей статьи предлагают переосмыслить методологию иноязычного обучения студентов и следовать данным рекомендациям:

- проводить на базе УВО совместные занятия белорусских студентов, изучающих китайский язык, и китайских студентов, овладевающих русским языком, в целях погружения обучающихся в культурно-языковую среду;
- использовать мессенджер *WeChat* для продолжения общения вне учебного процесса;
- активно применять инновационные технологии в обучении студентов китайскому языку как иностранному;
- разрабатывать комплексы онлайн-уроков совместно с китайскими преподавателями и студентами, находящимися в Китае, т. е. активно использовать международное сотрудничество для китайско-белорусского диалога языков и культуры;
- применять сравнительно-сопоставительный метод для формирования межкультурной коммуникативной компетенции и кросс-культурного просвещения при составлении учебных пособий и на занятиях;
- преодолевать в процессе иноязычного обучения студентов культурные стереотипы учащихся, чтобы они отказались от культурной дискриминации;
- создавать собственные учебные пособия на основе приобретенного опыта иноязычного обучения студентов;
- уделять пристальное внимание анализу ошибок в устной и письменной речи учащихся, а также межкультурным и языковым конфликтным ситуациям, чтобы студенты могли стать полноправными участниками международной коммуникации.

Библиографические ссылки

1. Демина НА. *Методика преподавания практического китайского языка*. Москва: Восточная литература; 2006. 88 с.
2. Кочергин ИВ. *Очерки лингводидактики китайского языка*. Москва: Восточная книга; 2012. 184 с.
3. Гурулева ТЛ. *Теория обучения китайскому языку и переводу (в языковой паре китайский – русский). Межкультурная лингводидактика*. Москва: ВКН; 2019. 445 с.
4. Масловец ОА. *Методика обучения китайскому языку в средней школе*. Москва: Восточная книга; 2012. 187 с.
5. Тиханович ЕВ. Проблемы преподавания тонов китайского языка. В: Молоткова ЮВ, Букатая АМ, редакторы. *Состояние и перспективы преподавания китайского языка в Беларуси. Материалы III Республиканской научно-практической конференции преподавателей и учителей китайского языка; 22 декабря 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: РИВШ; 2018. с. 102–111.
6. Молоткова ЮВ. *Обучение китайскому иероглифическому письму студентов языкового вуза*. Минск: РИВШ; 2016. 178 с.
7. Филимонова МС. *Китайский язык. Практикум по иероглифическому письму и чтению*. Минск: РИВШ; 2020. 220 с.
8. Букатая АМ. Использование материалов по китайской литературе в преподавании китайского языка. В: Молоткова ЮВ, Букатая АМ, редакторы. *Состояние и перспективы преподавания китайского языка в Беларуси. Материалы III Республиканской научно-практической конференции преподавателей и учителей китайского языка; 22 декабря 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: РИВШ; 2018. с. 58–70.
9. Жуковец ВВ, Хмельницкий НН. Китаистика на филологическом факультете БГУ: история, современное состояние и перспективы. *Журнал Белорусского государственного университета. Филология*. 2021;2:13–19.
10. 赵永新. 汉外语言文化对比与对外汉语教学. 北京: 北京语言文化大学出版社; 1997. 443页 = Чжао Юнсинь. *Сопоставление китайского и иностранных языков и культур при преподавании китайского языка как иностранного*. Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры; 1997. 443 с.
11. 陆庆和. 实用对外汉语教学语法. 北京: 北京大学出版社; 2006. 501页 = Лу Цинхэ. *Практикум по преподаванию грамматики китайского языка для иностранцев*. Пекин: Издательство Пекинского университета; 2006. 501 с.
12. 赵金铭. 对外汉语教学概论. 北京: 商务印书馆; 2004. 516页 = Чжао Цзиньмин. *Введение в теорию преподавания китайского языка как иностранного*. Пекин: Коммерческая пресса; 2004. 514 с.
13. 张宇志. 国际汉语教师手册: 新教师必备 81问. 北京: 商务印书馆; 2012. 244页 = Чжан Нинчжи. *Справочник для международного преподавателя китайского языка: 81 обязательный вопрос для учителей-новичков*. Пекин: Коммерческая пресса; 2012. 244 с.
14. 周小兵. 外国人学汉语语法偏误研究. 北京: 北京语言大学出版社; 2007. 389 页 = Чжоу Сяобин. *Исследования грамматических ошибок при изучении иностранцами китайского языка*. Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры; 2007. 389 с.
15. 齐沪扬. 对外汉语教学语法. 上海: 复旦大学出版社; 2005. 385 页 = Ци Хуян. *Преподавание грамматики китайского языка для иностранцев*. Шанхай: Издательство Фуданьского университета; 2005. 385 с.
16. Пассов ЕИ, Кузовлева НЕ. *Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного*. Москва: Русский язык. Курсы; 2010. 568 с.
17. Свирина ЛО. О коммуникативном подходе в обучении иностранному языку вне языковой среды. *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2008;1(12):70–73.
18. Орехова ИА. Языковая среда есть. Языковой среды нет. *Русский язык за рубежом*. 2007;3:35–38.
19. 刘昶. 对外汉语教育导论. 北京: 北京语言大学出版社; 2000. 422 页 = Лю Сюнь. *Введение в преподавание китайского языка как иностранного*. Пекин: Издательство Пекинского университета языка и культуры; 2000. 422 с.
20. Ма Лун, Ма ИВ. Проблема обучения коммуникативной грамматике китайского языка как иностранного в вузе. В: Баранова НП, редактор. *Тенденции развития языкового образования в современном мире – 2021. Материалы Международной научно-практической конференции; 25–26 ноября 2021 г.; Минск, Беларусь*. Минск: Минский государственный лингвистический университет; 2021. с. 103–106.
21. Нечаева ЕВ. *Из аудитории – в жизнь*. Москва: Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина; 2000. 129 с.
22. Новосельцева НВ. Мобильные технологии как средство обучения иностранному языку в неязыковом вузе. *Вестник Бурятского государственного университета. Философия*. 2017;1:172–179. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-1-172-179.
23. Титова СВ, Авраменко АП. *Мобильное обучение иностранным языкам*. Москва: Икар; 2014. 224 с.
24. Бочкарёва АГ, редактор. *Актуальные вопросы методики преподавания китайского языка*. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета; 2010. 36 с.
25. 彭增安. 论留学生跨文化意识的培养. 雲南師範大學學報. 2006;6(4):55–60 = Пэн Цзэнъань. О развитии межкультурной осведомленности иностранных студентов. *Вестник Юньнаньского педагогического университета*. 2006;6(4):55–60. DOI: 10.3969/j.issn.1672-1306.2006.06.012.
26. Тер-Минасова СГ. *Язык и межкультурная коммуникация*. Москва: Слово; 2000. 262 с.
27. 朱丽萍. 论对外汉语教学中学生跨文化交际能力的培. 雲南師範大學學報. 2003;1(3):56–60 = Чжу Липин. О формировании межкультурной коммуникативной компетентности студентов при обучении китайскому языку как иностранному. *Вестник Юньнаньского педагогического университета*. 2003;1(3):56–60.
28. Стернин ИА, редактор. *Русское и китайское коммуникативное поведение. Выпуск 1*. Воронеж: Истоки; 2002. 76 с.
29. Глазачева НЛ. Категория вежливости в китайском языке и ее языковая реализация в свете специфики китайского ассоциативного мышления. В: Глазачева НЛ, Залесская ОВ, редакторы. *Россия и Китай: аспекты взаимодействия и взаимовлияния. Материалы I Международной заочной научно-практической конференции, посвященной 20-летию основания кафедры китаеведения БГПУ; 23 октября 2009 г.; Благовещенск, Россия*. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет; 2009. с. 37–40.
30. Лю Вэй Цзинь. Категория вежливости в русском и китайском общении (выражение благодарности). В: Стернин ИА, редактор. *Коммуникативное поведение. Выпуск 17. Вежливость как коммуникативная категория*. Воронеж: Истоки; 2003. с. 159–160.
31. Минг-Джер Чен. *Китайский бизнес изнутри. Практическое пособие по выстраиванию деловых отношений с китайскими партнерами*. Печерица НГ, переводчик. Москва: Эксмо; 2009. 282 с.

32. Шогенова ЛА. Особенности социальной коммуникации и этикета в китайской культуре: традиционные основы и современность. *Обсерватория культуры*. 2018;15(4):460–467.

33. Соловова ЕН. *Методика обучения иностранным языкам: базовый курс лекций: пособие для студентов педагогических вузов и учителей*. Москва: Астрель; 2008. 238 с.

References

1. Demina NA. *Metodika prepodavaniya prakticheskogo kitaiskogo yazyka* [Methodology for teaching practical Chinese language]. Moscow: Vostochnaya literatura; 2006. 88 p. Russian.
2. Kochergin IV. *Ocherki lingvodidaktiki kitaiskogo yazyka* [Essays on linguodidactics of the Chinese language]. Moscow: Vostochnaya kniga; 2012. 184 p. Russian.
3. Guruleva TL. *Teoriya obucheniya kitaiskomu yazyku i perevodu (v yazykovo pare kitaiskii – russkii). Mezhkul'turnaya lingvodidaktika* [The theory of teaching Chinese language and translation in a language pair (Chinese – Russian). Intercultural linguodidactics]. Moscow: VKN; 2019. 445 p. Russian.
4. Maslovets OA. *Metodika obucheniya kitaiskomu yazyku v srednei shkole* [Methods of teaching Chinese language in high school]. Moscow: Vostochnaya kniga; 2012. 187 p. Russian.
5. Tikhanovich EV. [Problems of teaching Chinese tones]. In: Molotkova YuV, Bukataya AM, editors. *Sostoyanie i perspektivy prepodavaniya kitaiskogo yazyka v Belarusi. Materialy III Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei i uchitelei kitaiskogo yazyka; 22 dekabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Status and prospects of teaching Chinese language in Belarus. Proceedings of the 3rd Republican scientific-practical conference of teachers and teachers of the Chinese language; 2017 December 22; Minsk, Belarus]. Minsk: RIVSh; 2018. p. 102–111. Russian.
6. Molotkova YuV. *Obuchenie kitaiskomu ieroglificheskomu pis'mu studentov yazykovogo vuza* [Teaching Chinese language character writing to students of a language university]. Minsk: RIVSh; 2016. 178 p. Russian.
7. Filimonova MS. *Kitaiskii yazyk. Praktikum po ieroglificheskomu pis'mu i chteniyu* [Chinese language. Workshop on hieroglyphic writing and reading]. Minsk: RIVSh; 2020. 220 p. Russian.
8. Bukataya AM. [The use of materials on Chinese literature in teaching Chinese language]. In: Molotkova YuV, Bukataya AM, editors. *Sostoyanie i perspektivy prepodavaniya kitaiskogo yazyka v Belarusi. Materialy III Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii prepodavatelei i uchitelei kitaiskogo yazyka; 22 dekabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Status and prospects of teaching Chinese language in Belarus. Proceedings of the 3rd Republican scientific-practical conference of teachers and teachers of the Chinese language; 2017 December 22; Minsk, Belarus]. Minsk: RIVSh; 2018. p. 58–70. Russian.
9. Zhukavets VV, Khmialnitski MM. Sinology at the philology faculty of the Belarusian State University: history, current state and prospects. *Journal of the Belarusian State University. Philology*. 2021;2:13–19. Russian.
10. Zhao Yongxin. [Comparison of Chinese and foreign languages and culture and teaching Chinese language as a foreign language]. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 1997. 443 p. Chinese.
11. Lu Qinghe. [Practical grammar for teaching Chinese language as a foreign language]. Beijing: Peking University Press; 2006. 501 p. Chinese.
12. Zhao Jinming. [An introduction to teaching Chinese language as a foreign language]. Beijing: The Commercial Press; 2004. 516 p. Chinese.
13. Zhang Ningzhi. [Handbook for international Chinese language teachers: a must for new teachers 81 questions]. Beijing: Commercial Press; 2012. 244 p. Chinese.
14. Zhou Xiaobing. [A study of grammar errors in Chinese language learning by foreigners]. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2007. 389 p. Chinese.
15. Qi Huyang. [Grammar of Teaching Chinese language as a foreign language]. Shanghai: Fudan University Press; 2005. 385 p. Chinese.
16. Passov EI, Kuzovleva NE. *Osnovy kommunikativnoi teorii i tekhnologii inoyazychnogo obrazovaniya: metodicheskoe posobie dlya prepodavatelei russkogo yazyka kak inostrannogo* [Fundamentals of communicative theory and technology of foreign language education: a methodological guide for teachers of Russian language as a foreign language]. Moscow: Russkii yazyk. Kursy; 2010. 568 p. Russian.
17. Svirina LO. [About the communicative approach in teaching a foreign language outside the language environment]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 2008;1(12):70–73. Russian.
18. Orekhova IA. [There is language environment. There is no language environment]. *Russkii yazyk za rubezhom*. 2007;3:35–38. Russian.
19. Liu Xun. [Introduction to teaching Chinese language as a foreign language]. Beijing: Beijing Language and Culture University Press; 2000. 422 p. Chinese.
20. Ma Lun, Ma IV. [The problem of teaching communicative grammar of Chinese language as a foreign language at the university]. In: Baranova NP, editor. *Tendentsii razvitiya yazykovogo obrazovaniya v sovremennoy mire – 2021. Materialy Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii; 25–26 noyabrja 2021 g.; Minsk, Belarus'* [Trends in the development of language education in the modern world – 2021. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2021 November 25–26; Minsk, Belarus]. Minsk: Minsk State Linguistic University; 2021. p. 103–106. Russian.
21. Nechaeva EV. *Iz auditorii – v zhizn'* [From audience to life]. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute; 2000. 129 p. Russian.
22. Novoseltseva NV. Mobile technologies as aids for foreign language independent learning at nonlinguistic universities. *Buryat State University bulletin. Philosophy*. 2017;1:172–179. DOI: 10.18101/1994-0866-2017-1-172-179. Russian.
23. Titova SV, Avramenko AP. *Mobil'noe obuchenie inostrannym yazykam* [Mobile learning of foreign languages]. Moscow: Ikar; 2014. 224 p. Russian.
24. Bochkareva AG, editor. *Aktual'nye voprosy metodiki prepodavaniya kitaiskogo yazyka* [Topical issues of Chinese language teaching methodology]. Vladivostok: Izdatel'stvo Dal'nevostochnogo universiteta; 2010. 36 p. Russian.

25. Peng Zeng-an. On the enhancement of the students' cross-cultural awareness. *Journal of Yunnan Normal University*. 2006; 6(4):55–60. DOI: 10.3969/j.issn.1672-1306.2006.06.012. Chinese.
26. Ter-Minasova SG. *Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Language and intercultural communication]. Moscow: Slovo; 2000. 262 p. Russian.
27. Zhu Liping. [On the formation of intercultural communicative competence of students in teaching Chinese language as a foreign language]. *Journal of Yunnan Normal University*. 2003;1(3):56–60. Chinese.
28. Sternin IA, editor. *Russkoe i kitaiskoe kommunikativnoe povedenie. Vypusk 1* [Russian and Chinese communicative behaviour. Issue 1]. Voronezh: Istoki; 2002. 76 p. Russian.
29. Glazacheva NL. The category of politeness in Chinese and its linguistic implementation in the light of the specifics of Chinese associative thinking. In: Glazacheva NL, Zalesskaya OV, editors. *Rossiya i Kitai: aspekty vzaimodeistviya i vzaimovliyaniya. Materialy I Mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 20-letiyu osnovaniya kafedry kitaevedeniya BGPU; 23 oktyabrya 2009 g.; Blagoveshchensk, Rossiya* [Russia and China: aspects of interaction and mutual influence. Proceedings of the 1st International correspondence scientific and practical conference dedicated to the 20th anniversary of the founding of the department of sinology of the Blagoveshchensk State Pedagogical University; 2009 October 23; Blagoveshchensk, Russia]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University; 2009. p. 37–40. Russian.
30. Liu Wei Jin. [Category of politeness in Russian and Chinese communication (expression of gratitude)]. In: Sternin IA, editor. *Kommunikativnoe povedenie. Vypusk 17. Vezhlivost' kak kommunikativnaya kategoriya* [Communicative behaviour. Issue 17. Politeness as a communicative category]. Voronezh: Istoki; 2003. p. 159–160. Russian.
31. Ming-Jer Chen. *Inside Chinese business. A guide for managers worldwide*. Brighton: Harvard Business Review Press; 2003. 256 p.
- Russian edition: Ming-Dzher Chen. *Kitaiskii biznes iznutri. Prakticheskoe posobie po vystraivaniyu delovykh otnoshenii s kitaiskimi partnerami*. Pecheritsa NG, translator. Moscow: Eksmo; 2009. 282 p.
32. Shogenova LA. Features of the social communication and etiquette in Chinese culture: the traditional basics and modernity. *Observatory of Culture*. 2018;15(4):460–467. Russian.
33. Solovova EN. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam: bazovyi kurs lektsii: posobie dlya studentov pedagogicheskikh vuzov i uchitelei* [Methods of teaching foreign languages: a basic course of lectures: a manual for students of pedagogical universities and teachers]. Moscow: Astrel'; 2008. 238 p. Russian.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022.
Received by the editorial board 03.03.2022.

Р ЕЦЕНЗИИ

Рэцэнзіі

REVIEWS

Пригодич Н. Г. Авторская неологизация в белорусском языке : пособие. Минск : БГУ, 2021. 175 с.

Прыгодзіч М. Р. Аўтарская неалагізацыя ў беларускай мове : дапаможнік. Мінск : БДУ, 2021. 175 с.

Pryhodzich M. R. Author's neologisation in Belarusian language : a manual. Minsk : Belarus. State Univ., 2021. 175 p.

Неалогія – раздзел мовазнаўства, што пачаў развівацца параўнальна нядаўна. Ён узнік, таму што ва ўмовах функцыянавання мовы ўтварэнне новых слоў уяўляе несупынны працэс, і яго вывучэнне з’яўляецца адной з важнейшых задач мовазнаўцаў.

Адным з даследчыкаў, якія актыўна займаюцца вывучэннем індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў, з’яўляецца доктар філалагічных навук, прафесар М. Р. Прыгодзіч. Апошняя яго работа – дапаможнік для студэнтаў-філолагаў «Аўтарская неалагізацыя ў беларускай мове» – кніга, у якой сабраны неабходны для вывучэння беларускай неалогіі тэарэтычны і практычны матэрыял.

Дапаможнік складаецца з трох раздзелаў.

У першым раздзеле – «Аўтарская неалагізацыя як моўны феномен» – аўтар змястоўна і паслядоўна прасочвае развіццё ўсходнеславянскага індывідуальна-аўтарскага словаўтварэння з часоў Францыска Скарыны да нашых дзён, акрэслівае адметныя рысы аўтарскіх неалагізмаў, грунтоўна і ўсебакова вызначае прычыны і ўмовы іх з’яўлення,

месца і ролю ў маўленні, а таксама шляхі пераходу аказіянальных слоў у разрад узуальных. На прыкладзе прыслоўяў ён пераканаўча паказвае асаблівасці словаўтварэння індывідуальна-аўтарскай лексікі, яе функцыянальны статус.

Кратка, але дакладна ў дапаможніку асвятляецца гісторыя вывучэння аказіянальнай лексікі беларускай мовы, звязаная з імёнамі А. І. Наркевіча, М. Г. Булахава, Г. І. Басавай, У. А. Бобрыка, І. П. Казейкі, М. В. Шабоўіча, Н. У. Чарнаброўкінай, В. А. Зразікавай і інш.

У дапаможніку зроблены акцэнт на словатворчасць вядомага паэта-лірыка, паэта-песенніка і даследчыка індывідуальна-аўтарскай неалогіі 1920–30-х гг., стваральніка ўласных неалагізмаў М. В. Шабоўіча. Аўтар аналізуе асаблівасці словатворчасці паэта, адзначае яго ўменне выбраць патрэбны словаўтваральны сродак, каб не пераступіць мяжу, не дайсці да «моўнага свавольства» (с. 30).

Завяршаецца першы раздзел пытаннямі і заданнямі, праца з якімі арыентавана на паглыбленае вывучэнне студэнтамі праблем тэорыі неалогіі, рашэнне практычных задач па пошуку і ўсебаковым аналізе індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў. Пытанні і заданні могуць выкарыстоўвацца як для індывідуальнай, так і для групавой працы студэнтаў.

У другім раздзеле – «Выбраныя даследаванні аўтарскіх неалагізмаў» – чытач знаёміцца з арыгінальнымі працамі беларускіх даследчыкаў, у якіх асвятляюцца разнастайныя пытанні беларускай

неалогіі. Так, у артыкулах Г. І. Басавай разглядаюцца заканамернасці ўтварэння і выкарыстання аказіяналізмаў як моўна-выяўленчых сродкаў у сучаснай беларускай паэзіі, аналізуюцца назоўнікі, створаныя па канкрэтным узору. В. А. Зразікава паводле словаўтваральных і семантычных асаблівасцей назоўнікаў-неалагізмаў вылучае пяць іх разнавіднасцей у творах В. Ластоўскага. Даследчыца падкрэслівае адзначаны ўплыў кантэксту і сэнсавай сувязі з утваральнымі асновамі на фарміраванне лексічнага значэння неалагізмаў. На аснове гэтай сувязі В. А. Зразікава вылучае дзве групы неалагізмаў: з экспліцытнай і імпліцытнай актуалізацыяй семантыкі.

Акрамя таго, у дадзеным раздзеле згадваюцца працы, якія будуць спрыяць развіццю навукова-даследчыцкіх уменняў студэнтаў і дапамогуць ім авалодаць навыкамі словаўтваральнага, семантычнага, марфалагічнага, кантэкстуальнага, стылістычнага аналізу, а таксама метадамі абгульнення, сістэматызацыі, тыпалагізацыі, інтэрпрэтацыі, апісання.

У склад трэцяга раздзела – «Слоўнік аўтарскіх неалагізмаў» – уключана 988 слоў, утвораных пераважна паэтамі і пісьменнікамі на працягу XX – пачатку XXI ст. Сярод іх прызнаныя майстры мастацкага слова Р. Барадулін, З. Бядуля, Н. Гілевіч, П. Глебка, У. Дубоўка, М. Зарэцкі, У. Караткевіч, Я. Колас, Я. Купала, В. Ластоўскі, М. Лужанін, П. Панчанка, М. Танк, П. Трус і многія іншыя пісьменнікі, а таксама тыя, хто толькі пачынае свой творчы шлях у літаратуры. У ліку аўтараў неалагізмаў адзначаецца і мітрапаліт Мінскі і Заслаўскі Павел, Патрыяршы экзарх усяе Беларусі. У слоўніку змешчаны аўтарскія неалагізмы, якія выбраны з рознастылявых тэкстаў і характарызуюцца неаднолькавай словаўтваральнай структурай. Увага да іх будовы дазволіць выкладчыкам разнастаіць працу са студэнтамі. Так, лексічны матэрыял слоўніка дазваляе вызначыць шэраг спосабаў словаўтварэння, якія падаюцца ў беларускіх граматыках, і звярнуць увагу на тыя, што апісаны пакуль яшчэ толькі ў спецыяльных працах. Няпоўны іх пералік выглядае наступным чынам:

- суфіксацыя (*пацучызм* < *пацук* + *-ызм*);
- нульсуфіксацыя (*шчым* < *шчым/е/(ць)* + *-ø*);
- прэфіксацыя (*антыабстрактны* < *анты-* + *абстрактны*);
- прэфіксацыя + суфіксацыя (*засветлафорыць* < *за-* + *светлафор* + *-ы-ць*);
- прэфіксацыя + дэпостфіксацыя + дэсуфіксацыя + нульсуфіксацыя (*непрасып* < *не-* + *прасып/а/цца/* + *-ø*);
- суфіксацыя + постфіксацыя (*шчодрыцца* < *шчодр(ы)* + *-ы-* + *-цца*);

- прэфіксацыя + суфіксацыя + постфіксацыя (*ашлюбавання* < *а-* + *шлюб* + *-ава-* + *-цца*);
- прэфіксацыя + асноваскладанне + нульсуфіксацыя (*асмуглачы* < *а-* + *смугл(ы)* + *-а-* + *чал(о)* + *-ø-ы*; чаргаванне *a||o*);
- асноваскладанне + суфіксацыя (*звонкагліны* < *звонк(і)* + *-а-* + *глін(а)* + *-н-ы*);
- асноваскладанне + нульсуфіксацыя (*аблокабровыя* < *аблок(і)* + *бров(ы)* + *-ø*);
- асновасловаскладанне (*аддана-наіўны* < *аддан(ы)* + *-а-* + *наіўны*);
- словаскладанне (*аер-чарот* < *аер* + *чарот*);
- суфіксацыя + плюралізацыя (*Амерычкі* < *Амерык(а)* + *-к-і*);
- імпазіцыя (*выдро* < *выдр(а)* + *вядро*);
- дэсуфіксацыя + суфіксацыя (*наплявізм* < *напляв/а/(ць)* + *-ізм*);
- дэсуфіксацыя + нульсуфіксацыя (*непрагляд* < *непраглед/н/(ы)* + *-ø*);
- дэсуфіксацыя + імпазіцыя (*намуляваць* < *намаляваць* + *Муляв/ін/*);
- слоўны тмезіс (*аграўсімпром* < *агра||пром* + *усім*);
- дэсуфіксацыя + суфіксацыя (*адзетак* < *адзе/нн/(е)* + *-так*);
- аферэзіс (немарфемнае скарачэнне пачатку слова) + асноваскладанне (*сталіназаўры* < *Сталін* + *-а-* + */дына/заўры*, */іхтыя/заўры*);
- апакопа (немарфемнае скарачэнне канца слова) + суфіксацыя (*іглініць* < *іглін/к/(і)* + *-і-ць*);
- апакопа + асновасловаскладанне (*аўтатабун* < *аўта/мабіль-н/(ы)* + *табун*);
- дэсуфіксацыя + аферэзіс + асноваскладанне (*сеціратура* < *сец/ів/(а)* + *-і-* + */літа/ратура*);
- галафразіс (*неганісабакузхаты* < *не* + *гані* + *сабаку* + *з* + *хаты*);
- галафразіс + суфіксацыя (*нічоганяробнікі* < *нічога* + *не* + *раб/і/(ць)* + *-нік-і* і чаргаванне *e||я, a||o, б'||б*).

Сярод індывідуальна-аўтарскіх неалагізмаў у слоўніку ёсць лексічныя адзінкі, якія адрозніваюцца ад іншых слоў, утвораных адным і тым жа спосабам, структурнымі асаблівасцямі. Пры асновасловаскладанні і словаскладанні, напрыклад, словы могуць утварацца не з двух слоў, як звычайна, а з трох і больш: *мужыцка-беларуска-партызанскі* (с. 147), *узнёсла-рамантычна-любоўна-лірычны* (с. 166), *амлет-рулет-сардэлькі* (с. 120) і інш. Спосабам прэфіксацыя + словаскладанне + суфіксацыя ўтвораны дзеяслоў *надорэміфасоліць* (с. 13), утваральнай базай якога з'явіліся пяць слоў – назваў нот: *до*, *рэ*, *мі*, *фа*, *соль*.

Нярэдка можна знайсці словы, утвораныя праз адну або дзве ступені. Назоўнік *паўднёва-вейнасьць* (с. 157), напрыклад, утвораны не ад

приметніка, як звычайна ўтвараюцца назоўнікі з суфіксам *-асць*, а праз ступень, ад приметніка і дзеяслова, паколькі приметнік *паўднёвавейны* ў мове адсутнічае. Студэнты могуць скласці схему ўтварэння дадзенага слова: *паўднёвавейнасць* < [*паўднёвавейны*] < *паўднёвы* + *вैयाць*. Дзееприметнік *аблаўрэачаны* (с. 113) утвораны не ад дзеяслова *аблаўрэаціць* (такі ў мове не існуе), а непасрэдна ад назоўніка: *аблаўрэачаны* < [*аблаўрэаціць*] < *лаўрэат*.

У раздзел «Слоўнік аўтарскіх неалагізмаў» уключаны наватворы, якія з’яўляюцца рознымі часцінамі мовы: назоўнікамі, приметнікамі, дзеясловамі і яго формамі (дзееприметнік і дзеепрыс-

лоўе), прыслоўямі, безасабова-прэдыкатыўнымі словамі. Гэта дазваляе разгледзець словаўтваральныя асаблівасці кожнай часціны мовы асобна.

Відавочна, што матэрыял, змешчаны ў дапаможніку, раскрывае розныя аспекты айчыннай неалогіі, у тым ліку рэдкія і спецыфічныя спосабы словаўтварэння, асаблівасці семантыкі і функцыянальныя магчымасці індывідуальна-аўтарскай лексікі. Выданне, безумоўна, знойдзе належнае прымяненне ў працы выкладчыкаў вышэйшых навучальных устаноў.

А. В. Салахаў¹

¹Алексей Васильевич Солохов – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры специальной педагогики и методики дошкольного и начального образования факультета дошкольного и начального образования Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина.

Аляксей Васільевіч Салахаў – кандыдат філалагічных навук, дацэнт; дацэнт кафедры спецыяльнай педагогікі і метадык дашкольнай і пачатковай адукацыі факультэта дашкольнай і пачатковай адукацыі Мазырскага дзяржаўнага педагогічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна.

Aliaxiej V. Solakhau, PhD (philology), docent; associate professor at the department of special pedagogy and methods of preschool and primary education, faculty of preschool and primary education, Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamiakin.

E-mail: solakhau@yandex.by

Кондратюк О. **Родинне коло: трансформація спорідненості в українському суспільстві впродовж XIX–XX століть** : монографія. Вінниця : Твори, 2021. 348 с.

Kondratjuk O. **Family circle: transformation of kinship in Ukrainian society during the 19th and the 20th centuries** : monograph. Vinnytsja : Tvory, 2021. 348 p.

Сярод замежных навуковых кніг ёсць такія, што чытаеш і вучышся новым методыкам і падыходам, насычаешся новымі фактамі, а ёсць такія, якія хочацца прадубліраваць на сваім, беларускім, матэрыяле. Чытаючы манаграфію А. Кондрацюк «Сямейнае кола: трансфармацыя сваяцтва ва ўкраінскім грамадстве на працягу XIX–XX стагоддзяў», аўтар гэтай рэцэнзіі ўвесь час у думках суадносіла прапанаваныя ідэі з ведамі са сферы сваяцтва, якія ёй давалося назапасіць у шматлікіх палявых экспедыцыях па тэрыторыі Беларусі.

Адрэз прыгадалася традыцыя такога пачціванага звароту да бацькі, як *тата*, *тата* на фоне сённяшняга *папа* (і ўжо амаль зніклага значэння ‘хлебная ссабойка’ слова *папка*) ці часты на паўднёвым усходзе Беларусі звычай звяртацца да жанчыны-суразмоўцы *мамка*, *мамачка*. Заслугоўваюць увагі і складана рэгламентаваныя радзінныя ці вясельныя звычаі. Пры чытанні манаграфіі пачынаеш разумець, што гэта найбагацейшая, зусім не даследаваная і ўжо ў многім згубленая сістэма тэрмінаў і ўяўленняў са сферы сваяцтва.

Українська дослідчиця А. Кондрацюк¹ прысвяціла вивченню сваяцтва цэлую манаграфію, прадставіўшы даволі складаную культурную схему каштоўнасцей, заснаваную на пэўных сацыяльных сувязях. Прыкладна за стагоддзе, з сярэдзіны XIX да апошняй чвэрці XX ст., украінцы адышлі ад традыцыйнага грамадства, у якім сваяцтва рэгулявала не толькі адносіны, але і ўсю гаспадарчую дзейнасць. Незваротныя змены (трансфармацыя, дэфармацыя, памяншэнне або знікненне) традыцыйных кампанентаў сістэмы сваяцтва адбываліся паступова, пад уздзеяннем розных фактараў, сярод якіх калгасны лад, раскулачванне, голад, дамінаванне камуністычнай партыі, змена светапоглядных прыярытэтаў, закрыццё і разбурэнне культурных будынкаў, маральнае і фізічнае знішчэнне духавенства і вернікаў, урбанізацыя, інфарматызацыя, аварыя на Чарнобыльскай АЭС і інш. Змяніліся тэрміны і структура, іншым стаў працэс ут-

варэння роднасных сувязей, аднак каштоўнасця характарыстыкі зместу гэтых адносін засталіся нязменнымі.

Зрабіць выснову аб нязменнасці аксіялогіі сваяцтва аўтару дазволіў багаты палявы матэрыял, сабраны ў XXI ст. па ўласна распрацаваным апытальніку, што асабліва важна. У параўнанні з данымі папярэднікаў сённяшнія запісы дазволілі глыбей зразумець трансфармацыйныя працэсы, якія адбываліся і адбываюцца ў гэтай сферы. У сувязі з тым, што сваяцтва, роднасць – шматкампанентная з’ява, для найбольш поўнага асвятлення ўсіх яе складнікаў у манаграфію ўключаны матэрыялы аб сямейна-каляндарнай абраднасці, гаспадарчай дзейнасці і народных ведах, сямейным і грамадскім побыце, этналінгвістычным звесткі, песенна-празаічны фальклор. Інстытут сваяцтва здаўна прадугледжваў узнікненне асабліва цесных, сяброўскіх, блізкіх роднасных сувязей паміж асобамі з агульнымі інтарэсамі, скажам прадстаўнікамі адной прафесіі (чумакі, пчалары), або стварэнне аб’яднання паміж сіротамі (братэрства, сястрынства). Нельга ігнараваць і часовае сваяцтва паміж маладымі людзьмі, якое склалася ў пераходны перыяд да дарослага жыцця. Ва ўкраінскім грамадстве сваяцтва ніколі не існавала як канстатацыя дасягненняў, гэта заўсёды быў дынамічны працэс. І кожны раз у цэнтры ўвагі заставаўся чалавек з яго пачуццямі, перакананнямі, каштоўнасцямі і нават жыццём, што важна ў падтрыманні любых сацыяльных сувязей.

А. Кондрацюк, як аўтар сур’ёзнага культурна-гістарычнага выдання, пачынае выклад з аналізу крыніц і літаратуры, затым падае гістарычную рэтраспектыву сваяцтва ў прававых актах, аналізуе кодэкс «Права, за якімі судзіцца маларосійскі народ», звяртаецца да статутаў Вялікага Княства Літоўскага і наказаў Свяшчэннага сінода. У манаграфіі змешчана падрабязная класіфікацыя сацыяльных адносін з увагай на сваяцтва (кроўнае, сямейнае або духоўнае), якое перадусім уплывала на функцыянаванне шлюбнага і спадчыннага права. Безумоўна, найбольш заўважнай, даўняй і ў той жа час жывой па сёння застаецца сістэма кроўнага сваяцтва, замацаваная ў тэрмінах (таксама старанна прапісаных у працы) і безлічы сацыяльных правіл і повязей, абрадаў, рытуалаў і звычайў.

Уяўляюць каштоўнасць назіранні аўтара за зменамі ў семантыцы і канатацыях асноўных тэрмінаў сваяцтва. Напрыклад, слова *бацька* азначала

¹ А. Кондрацюк – загадчык аддзела этналогіі Дзяржаўнага навуковага цэнтру аховы культурнай спадчыны ад тэхнагенных катастроф (Україна), аўтар шэрагу навуковых даследаванняў сямейнага і грамадскага жыцця і абраднасці, звычайнага права, гендарных пытанняў, вуснай гісторыі.

і наяўнасць біялагічнай сувязі, і адносіны паміж людзьмі, якія не былі блізкімі па крыві, але мелі ўсе правы і абавязкі гэтага віду адносін. Узгадаем цэлы шэраг тэрмінаў для наймення нявесткі, мачахі, стрычнага брата, сястры і г. д. Так, для абазначэння жонкі роднага дзядзькі, акрамя пашыранага слова *тітка*, існуюць звароты *дядина*, *дядна*, а ў раёнах, дзе захавалася адрозненне братоў бацькоў, функцыянуюць найменні *вуйна* і *стрина* для жонак брата маці і брата бацькі адпаведна (с. 85). Адно і тое ж слова магло выкарыстоўвацца для абазначэння асоб рознай ступені сваяцтва або пры яго адсутнасці. Напрыклад, да гэтага часу са словамі *сын* ці *дачка* прадстаўнікі старэйшага пакалення могуць звяртацца не толькі да ўласных дзяцей, але і да ўнукаў, пляменнікаў, хрэснікаў, незнаёмых людзей адпаведнага ўзросту (гэта сітуацыя назіраецца і сярод беларусаў). «Такая наменклатура перадае захаваныя рысы даўнейшай сістэмы сваяцтва, калі дамінавалі не кроўныя сувязі, а прыналежнасць да сацыяльна-ўзроставай групы, і таму пакаленне бацькоў было адказным за пакаленне дзяцей» (с. 88).

Вельмі падрабязна прадстаўлена традыцыя рэгулявання шлюбных стасункаў у залежнасці ад ступені сваяцтва. Шмат інфармацыі можна атрымаць пры суаднясенні матэрыялаў спраў, якія разглядаліся ў Духоўнай кансісторыі, і мясцовых звычаяў. Напрыклад, забаранялася браць шлюб зводным брату і сястры, хоць паміж імі няма кроўнага сваяцтва, або мужчына не меў права ажаніцца з сястрою памерлай жонкі (с. 100). У раздзеле «Роля ступеней сваяцтва пры заключэнні шлюбаў у другой палове XIX – пачатку XX ст.» паказана, як у розныя гістарычныя перыяды сваяцтва (кроўнае, сямейнае або духоўнае) па-рознаму ўплывала на спадчыннае права.

Наступны аб’ёмны блок працы прысвечаны сваяцтву як сацыяльнай сувязі, якая ўзнікае ў выніку шлюбу, – адносінам паміж мужам і кроўнымі сваякамі жонкі, паміж жонкай і кроўнымі сваякамі мужа, паміж сваякамі сужэнцаў. Украінцы, як і беларусы, распрацавалі адпаведны тэрміналагічны апарат, падрабязна апісаны ў кнізе (с. 108–110). Паступовае фарміраванне сваяцкіх сямейных сувязей аўтар паказвае праз аналіз асноўных этапаў вясельнага абраду. Даследаванне абапіраецца на ўжо вядомы метада разгляду вясельля як дыялогу двух партый. Два роды прадстаўлены праз апазіцыю *свой – чужы*. Шматлікія палявыя запісы дэманструюць нам найбагацейшы рытуальны комплекс вясельля, кожны этап якога адлюстроўвае працэс

разрыву адных і ўтварэння іншых сямейных сувязей. Непарушнасць шлюбных пагадненняў падчас вясельнага абраду неаднаразова замацоўвалася пры абмене матэрыяльнымі каштоўнасцямі (падарункамі) паміж сем’ямі маладых. Цікавым падзея назіранне аўтара за проціпастаўленасцю пасіўнасці жаніха празмернай актыўнасці нявесты (прыбіранне і гатаванне ежы), што пацвярджала яе ролю жонкі, нявесткі, замужняй жанчыны. Як заключае А. Кандрацюк, «першыя дзеянні нявесты ў чужым для яе доме (прыбраць, замяніць рушнікі, прынесці вады і дроў, распаліць печ) былі закліканы ўзнавіць і прывесці ў парадак новую прастору, наколькі гэта магчыма, каб асвоіць яе, лёгка ўпісацца ў мікрасвет новай сям’і»² (с. 151). Завяршальным этапам стала наведванне дома бацькоў нявесты, куды яна прыходзіла ўжо як гасць і прадстаўнік іншай сям’і.

Асобная глава ў выданні прысвечана інстытуту кумаўства ў абрадавым і побытавым кантэкстах. Тут мы бачым надзвычай многа аналагічных беларускім уяўленняў пра выбар кумоў, рытуал хрышчэння, змены, што адбыліся ў ім у савецкі час. Заслугоўваюць увагі назіранні над культурнай семантыкай абраду, калі аўтар сцвярджае, што асноўным матывам рытуальнага адорвання кумоў пірагамі было «вызваленне ад пэўнага цяжару на тым свеце» (с. 186). Сярод палешукоў дагэтуль існуе павер’е, што калі хросным бацькам не даваць пірагоў, то на тым свеце іх прывязваюць да слупа, дрэва, крыжа. Аднак самая распаўсюджаная матывацыя тут іншая – выкупіць сваё дзіця. Далей у главе прасочваецца роля хросных бацькоў у жыцці чалавека – ад першага подстрыгу да абавязковага ўдзелу ў вясельных урачыстасцях. Пры апісанні рэгламентацыі ўзаемаадносін паміж самімі кумаі аўтар звяртаецца да беларускай легенды аб Божым пакаранні за парушэнне забароны на інцэст, да якога прыраўноўваліся і стасункі кумоў. Важна мець на ўвазе, што інстытут духоўнага сваяцтва, які часта называюць кумаўствам, быў уведзены ў практыку царквы і ў цэлым адпавядаў народнай традыцыі.

Цікавыя прыклады і назіранні змешчаны ў параграфе пра абрадавыя адносіны, што ўзнікаюць у выніку пэўнага рытуалу радзінна-хрэсьбіннага цыклу, напрыклад дапамогу бабкі-павітухі падчас родаў, пра этапы дачыненняў паміж ёй і ўнукамі. Гэта дазваляе сцвярджаць сімвалічную функцыю павітухі як пасрэдніка паміж светамі. У традыцыйным грамадстве кожны тып сваяцтва пэўным чынам кадыфікаваў далейшыя адносіны:

²Тут і далей пераклад наш. – Т. В.

візіты, падарункі і інш. Паказальна, што аўтар абазначае дзейнасць бабкі-павітухі як распарадчыка ў дахрэсьбінных або пасляхрэсьбінных мерапрыемствах: купанні і спавіванні немаўляці, сустрэчах з хроснымі бацькамі, гатаванні кашы, хрэсьбінах.

Калі абрады і ўяўленні сямейна-абрадавага цыклу апісаны і ў беларускай традыцыі, то вывучэнне сацыяльных адносін пазасямейнага кола ў нашай навуцы яшчэ толькі пачынаецца. А. Кандрацюк на падставе багатага матэрыялу апісвае звычаі пабрацімства, суседства і сяброўства. Сярод важнейшых прычын усталявання такіх адносін эканамічная мэтазгоднасць, захаванне ідэнтычнасці і задавальненне цэлага шэрага псіхалагічна-духоўных патрэб. Пасля правядзення абраду, які ўсталёўваў гэтыя адносіны, яго выканаўцы ўскладалі на сябе шэраг сацыяльных, маральных і прававых абавязкаў. Апісваюцца тут і царкоўныя брацтвы, якія санкцыяніраваліся як абшчынай, так і духавенствам. Маладзёжныя суполкі і брацтвы (сястрынствы) выконвалі важнейшую функцыю сацыялізацыі. Цікавыя звесткі пра звычаі супрагі (форма гаспадарчай кааперацыі, калі некалькі гаспадароў аб'ядноўвалі жывёлу і вупраж для выканання работ) украінскіх сялян. Развагі даследчыцы пра ролю абраду кумлення ў традыцыйнай культуры ўкраінцаў уяўляюцца вельмі каштоўнымі для аналізу аналагічных беларускіх звычаяў, якія дагэтуль не трапілі ў поле навуковых інтарэсаў айчынных даследчыкаў.

Для традыцыйнага ўкраінскага грамадства характэрны роднасныя сувязі, якія ўзніклі не толькі праз сваяцтва, кроўную ці духоўную сувязь, але і на аснове агульных інтарэсаў, месца жыхарства або ўнутры полаўзроставых груп. Асноўная прычына ўтварэння такіх відаў сваяцтва – імкненне павялічыць колькасць аднадумцаў у сваім асяроддзі. Прыкладам тэрытарыяльнага сваяцтва могуць быць суполкі мігрантаў з мясцін, пацярпелых ад аварыі на Чарнобыльскай АЭС, або з раёнаў баявых дзеянняў на Данбасе і г. д. Нягледзячы на розныя прычыны і асаблівасці функцыяніравання, такія віды пазасямейнага сваяцтва дазваляюць захаваць цэласнасць і жыццяздольнасць традыцыйнай украінскай супольнасці.

Вельмі цікавым падаецца і параграф, дзе апісваюцца правілы размяшчэння членаў сям'і за абедзеным сталом. Асартымент і падача страў, спіс людзей, якія ўдзельнічалі ў іх спажыванні, характарызуюцца як асаблівы спосаб маркіроўкі, а таму і чыннік для ўстанаўлення і падтрымання сваяцкіх сувязей. Штодзённыя і святочныя застоллі ўлічвалі таксама статус гасцей у грамадстве, іх сацыяль-

на-маёмаснае становішча, узрост і інш. Такім чынам, традыцыйны народны этыкет узаўяўляў іерархію ўнутры сям'і і абшчыны. Па гэтай прычыне любое спажыванне ежы (будзённае ці святочнае) адбывалася з дакладнай рэгламентацыяй месца за сталом для гасцей і самой магчымасці ўдзелу ў трапезе канкрэтных членаў сям'і (дочка, маці, дзяцей). Больш падрабязна апісана сацыяльна-арганізуючая роля застолля ў вясельным абрадзе.

Яшчэ ў пачатку чытання манаграфіі выклікае цікавасць прынцып дэманстрацыі ступені сваяцтва з дапамогай рук. На падставе ўласных запісаў А. Кандрацюк апісвае некалькі спосабаў упарадкавання сваяцтва і падае адпаведныя здымкі. Гэтыя спосабы аб'ядноўвае агульная аснова, паколькі ў кожным з іх выкарыстоўваюцца пальцы: «<...> то першыя дзіці [вказуе на мізинець], а осьо другія [вказуе на безіменны палець], а осьо вже трэці [вказуе на сярэдні палець], а осьо вже четвёрці [вказуе на вказівны палець], а вже сього п'яті [вказуе на великий палець] – можна женітса» (с. 57). Кожнай ступені сваяцтва адпавядае пэўны палець рукі: мезены палець – другая ступень (гаворка ідзе пра родных братоў і сясцёр), безыменны – трэцяя, сярэдні – чацвёртая і г. д. У іншых варыянтах выкарыстоўваюцца суставы адной рукі ад пазногцяў да пляча: «Перше, то діти рідні, а вже стрині – то другі. А то вже треті – то вже не дуже [рідні]. А то вже четверті, то вже женяца. А то вже п'яті. То вже чужі» (с. 57).

Здаецца карысным даведацца ў час экспедыцый, ці былі звесткі пра такі спосаб у беларускіх вёсках. Сапраўды, для вызначэння ступеняў сваяцтва сяляне выкарыстоўвалі ўласнае цела, кожная частка якога адпавядала пэўнаму члену сям'і, напрыклад, галава сімвалізавала бацьку (першая ступень), плечы – яго сыноў, братоў і сясцёр (другая ступень), локці – стрыечных сваякоў (чацвёртая ступень) і г. д. (с. 54–55).

Такім чынам, у манаграфіі «Сямейнае кола: трансфармацыя сваяцтва ва ўкраінскім грамадстве на працягу XIX–XX стагоддзяў» даследавана сваяцтва як шматкампанентная з'ява праз узаемадзеянне ў сям'і і шлюбе, паміж сацыяльна-ўзроставымі групамі, што дазваляе па-новаму, больш глыбока зразумець механізмы і прынцыпы функцыяніравання традыцыйнага грамадства. Як піша сама аўтар, даследаванне дадае яшчэ адну цаглінку ў разуменне спецыфікі жаночай і мужчынскай карціны мікра- і макрасвету, іх узаемадзеяння ў розных сферах жыцця (сям'я, сябры, суседзі, калегі і інш.) (с. 278). Навуковую вартасць выдання павялічваюць назіранні ў сферы гендарных

даследаванняў, вывучэнне антрапалогіі ежы. Вельмі істотна, што разглядаемая кніга для сучасных чытачоў не толькі нагадвае пра былое, але і тлумачыць прычыны існавання многіх нашых сённяшніх звычаяў і перакананняў.

Асобна адзначым адмысловае ілюстраванне кнігі як архіўнымі, так і сучаснымі (вельмі ўдалымі) фотаздымкамі. У выданні ёсць прадметны паказальнік, што садзейнічае больш зручнаму карыстанню кнігай. Своеасаблівым знакам якасці

прадстаўленага даследавання выступае і рэдактарская праца вядучага ўкраінскага даследчыка-фалькларыста А. Брыцынай.

Кніга пакідае самае добрае ўражанне. Адначасым як адмысловы фактычны матэрыял, выкарыстаны ў выданні, так і стыль выкладу інфармацыі. Хочацца спадзявацца, што падобнае даследаванне з'явіцца і ў Беларусі.

*Т. В. Валодзіна*³

³Татьяна Васильевна Володина – доктор филологических наук, доцент; заведующий отделом фольклора и культуры славянских народов Центра изучения белорусской культуры, языка и литературы НАН Беларуси.

Тацяна Васільеўна Валодзіна – доктар філалагічных навук, дацэнт; загадчык аддзела фалькларыстыкі і культуры славянскіх народаў Цэнтра даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі.

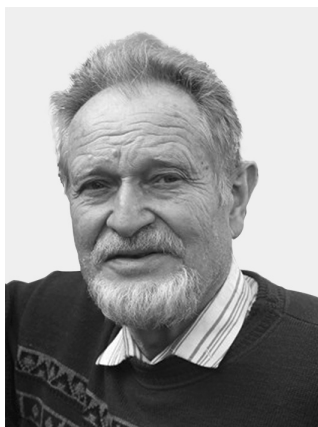
Tatsiana V. Valodzina, doctor of science (philology), docent; head of the department of folkloristics and culture of Slavic peoples, Centre for the Belarusian culture, language and literature research, National Academy of Sciences of Belarus.

E-mail: tanja_volodina@tut.by

ЮБІЛЕІ

ЮБІЛЕІ

JUBILEES



**Вячеслав Петрович
РАГОЙША**

**Вячаслаў Пятровіч
РАГОЙША**

**Viachaslau Piatrovich
RAHOJSHA**

Выдатны знаўца літаратуры, стваральнік новых напрамкаў у навуцы, арганізатар навуковых доследаў і вучэбнага працэсу на філалагічным факультэце БДУ, бліскучы выкладчык, крытык, паэт, эсэіст, перакладчык, энцыклапедычна адукаваны філолаг Вячаслаў Пятровіч Рагойша падышоў да свайго слаўнага юбілею – 80-годдзя.

Асоба В. П. Рагойшы з’яўляецца выключнай у сучаснай беларускай культуры. Цяжка назваць напрамак у літаратуразнаўстве, які быў бы па-за ўвагай Вячаслава Пятровіча. Па колькасці друкаваных прац (больш за 1000!) В. П. Рагойша трымае бясспрэчнае першае месца сярод тэарэтыкаў літаратуры. З яго навуковых манаграфій і зборнікаў артыкулаў (аднаасобных і ў суаўтарстве), якія характарызуюцца сваім надзвычай высокім узроўнем, вылучым наступныя: «Сяргей Палуян. Лісты ў будучыню», «Слядамі знічкі», «Стары Улас. Год беларуса», «Янка Купала. Жыве Беларусь», «Кантакты», «І нясе яна дар...», «Напісана рукой Купалы», «Паэтыка Максіма Танка», «Пераклаў Якуб Колас», «І адгук-

нецца слова ў слове...», «Вяршыні. З невядомага і забытага пра Я. Купалу, Я. Коласа, М. Багдановіча».

Ва ўсіх працах В. П. Рагойшы зроблены адкрыцці фактычнага характару (вынік напружанай працы даследчыка ў архівах) і сцверджаны навуковыя ідэі, якія сталі ўжо тэарэтыка-літаратурнымі пастулатамі.

Асноўная сфера навуковых інтарэсаў Вячаслава Пятровіча – жыццё і творчасць класікаў беларускай літаратуры, але нярэдка навуковец выступае і як крытык, займаючыся актуальнымі бягучымі праблемамі літаратурнага працэсу. Увогуле ён умее ўлоўліваць «лініі перасячэння» новых сучасных з’яў з непераходзячымі вечнымі, як мала хто з філолагаў.

В. П. Рагойша з’яўляецца выдатным знаўцам беларускай і сусветнай паэзіі, аўтарам унікальнага энцыклапедычнага выдання «Паэтычны слоўнік», якое не раз перавыдавалася.

Вячаслаў Пятровіч – найлепшы ў беларускім навуковым дыскурсе тэарэтык перакладу і перакладчык-практык.

Юбіляр заўсёды прытрымліваўся нацыянальнай сістэмы поглядаў. Пры гэтым ён пастаянна цікавіўся іншымі літаратурамі Еўропы. Так, разам з жонкай Таццянай Вячаславаўнай Кабржыцкай ён найбольш поўна ў беларускай навуцы і літаратуры даследаваў сувязі беларускай і ўкраінскай культур, а таксама ўзаемадачынненні беларускай літаратуры з іншымі славянскімі літаратурамі.

В. П. Рагойша меў дачыненне да стварэння ў 1994 г. кафедры тэорыі літаратуры на філалагічным факультэце Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта і быў яе загадчыкам больш за 20 гадоў.

З моманту ўзнікнення кафедры Вячаслаў Пятровіч узяў курс на арганічнае зліццё адукацыі і навукі. Пад яго кіраўніцтвам праводзілася вялікая навукова-даследчая работа, у якой актыўна ўдзельнічалі не толькі выкладчыкі, але і аспіранты, магістранты, студэнты. Ні адна кафедра на філалагічным факультэце БДУ, апроч той, што ўзначальваў Вячаслаў Пятровіч, не выйгравала столькі студэнцкіх грантаў на распрацоўку навуковых тэм. У кнізе «Філалагічны факультэт. Да 70-годдзя існавання» (2009) пра ўнікальную кафедру тэорыі літаратуры сказана: «Супрацоўнікі кафедры асэнсоўваюць тэарэтычныя аспекты развіцця беларускай вуснай народнай паэтычнай творчасці і беларускага прыгожага пісьменства, вывучаюць асобныя пытанні тэорыі літаратуры (цэласнасць мастацкага твора, вершаванне, літаратурная вобразтворчасць і г. д.), даследуюць усходнеславянскую міжлітаратурную супольнасць XX ст., класічныя і некласічныя мадэлі свету ў фальклору і літаратуры, аналізуюць “вузкія месцы” ў вывучэнні праблем тэорыі літаратуры і літаратурных сувязей у сярэдніх навучальных установах і ВНУ і інш.»¹.

Пры кафедры В. П. Райгошам створана і актыўна працуе адзіная ў вышэйшых навучальных установах Беларусі лабараторыя беларускага фальклору, якая таксама праводзіць значную навукова-даследчую работу.

Кожная лекцыя Вячаслава Пятровіча заўсёды суправаджаецца апладысмантамі студэнтаў і магістрантаў. На заліках і экзаменах В. П. Рагойша – узор вытрымкі і добразычлівасці да маладых людзей. Увогуле ён заўсёды вылучаўся выключнай інтэлігентнасцю.

У Вячаслава Пятровіча шмат вучняў і паслядоўнікаў: былыя студэнты, магістранты, аспіранты, дактаранты. Ёсць у яго вучні нават у Грузіі і Кітаі. Да тых, каго ён выправіў у навуковую дарогу, непасрэдна кіраваў напісаннем дыпломных і дысертацыйных прац, можна дадаць шматлікіх кандыдатаў і дактароў навук, чые інтарэсы ён адстойваў не менш як дзесяць гадоў у Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь, а таксама тых, хто сёння абараняецца ў дысертацыйным савеце пад яго старшынствам.

Вучні Вячаслава Пятровіча – гэта і мы, калегі, якія не толькі былі яго студэнтамі і аспірантамі, але і працавалі або працуюць з ім. Так, доўгі час пад навуковым кіраўніцтвам В. П. Рагойшы калектыв аўтараў ствараў падручнікі і вучэбныя дапаможнікі па беларускай літаратуры для школы (спачатку для школы з паглыбленым вывучэннем мовы і літаратуры, а потым – для базавай). У выдадзеных пад рэдакцыяй Вячаслава Пятровіча падручніках для паглыбленага вывучэння мовы і літаратуры было зроблена шмат адкрыццяў не толькі ў плане зместу, фактуры, але нават і ў метадычным плане.

Вячаславам Пятровічам напісана асобна і ў суаўтарстве каля 30 падручнікаў і вучэбных дапаможнікаў для студэнтаў і школьнікаў. Найбольш значныя з іх наступныя: «Беларуская літаратура XIX ст. Хрэстаматыя», «Паэтычны слоўнік» (ча тыры выданні), «Тэорыя літаратуры ў тэрмінах», «Украінская літаратура і ўкраінска-беларускія літаратурныя ўзаемасувязі» (у трох частках), «Тэксталагія» і інш.

Гаворачы пра вучобу ў В. П. Рагойшы, нельга не сказаць пра самых галоўных і, бяспрэчна, любімых яго вучняў – родзічаў: жонку (яна самастойны і вельмі глыбокі даследчык, але не без уплыву мужа), трох сыноў, нявестку, унукаў. Усе сыны Вячаслава Пятровіча атрымалі не адну вышэйшую адукацыю, два з іх (а таксама жонка і нявестка) з’яўляюцца кандыдатамі філалагічных навук.

В. П. Рагойша – лідар, бліскучы арганізатар, чалавек пасіянарны. Апошняя якасць – прымета яго роду. Гераічная біяграфія ў яго бацькі. Няпростыя, драматычныя (бо жылі ў драматычны час) лёсы і ў іншых родзічаў Вячаслава Пятровіча, пра якіх ён сам пакінуў успаміны, паказаўшы сябе выдатным мемуарыстам. Надзвычай цікавыя яго ўспаміны і пра сябра, класіка беларускай літаратуры Уладзіміра Караткевіча.

Вячаславу Пятровічу пашчасціла з родзічамі, сябрамі і настаўнікамі. Сярод апошніх – Міхась Рыгоравіч Ларчанка, кіраўнік кандыдацкай дысертацыі маладога вучонага, Алег Антонавіч Лойка, разам з якім яны стварылі некалькі вучэбных дапаможнікаў, дружна працавалі на адной кафедре, а таксама Адам Іосіфавіч Мальдзіс, які, яшчэ працуючы пасля заканчэння БДУ ў раённай газеце «Знамя Ильича», заўважыў таленавітага юнака і рэкамендаваў да друку ў выданні вершы школьніка Рагойшы. У дастаткова сталым узросце Вячаслаў Пятровіч працаваў пад кіраўніцтвам А. І. Мальдзіса ў Нацыянальным навукова-асветніцкім цэнтры імя Ф. Скарыны.

В. П. Рагойша, магчыма, як ніхто з беларускіх выдатных дзеячаў навукі XX–XXI стст., знітаваны са сваёй малой радзімай – Ракаўшчынай (Мінская вобласць), якой Вячаслаў Пятровіч прысвяціў шматлікія даследы, мемуарныя нататкі, вершы.

¹Філалагічны факультэт. Да 70-годдзя заснавання / рэдактар: І. С. Роўда (старш.) [і інш.]. Мінск, 2009. С. 141.

Доўгі час ён на свае сродкі выдаваў краязнаўчую газету «Ракаўскі шлях», дзе пісаў пра гісторыю горада, краю, знакамітых землякоў. У гэтым перыядычным выданні друкаваліся выдатныя беларускія мысліцелі, пісьменнікі, дзеячы мастацтва, якія мелі дачыненне да Ракава. Газета «Ракаўскі шлях» – з’ява ўнікальная, у выданні сабраны багацейшы матэрыял пра адзін з цэнтральных рэгіёнаў Беларусі.

Акрамя таго, В. П. Рагойша стварыў у вясковым доме сваіх бацькоў Музей поліэтнічнай культуры Ракаўшчыны, дзе захоўваюцца рэчы, дакументы, друкаваныя матэрыялы тых творцаў з Беларусі, Украіны, іншых краін, якія гасцявалі ў яго. Асабліва каштоўнымі з’яўляюцца тэмы рэчы, што належалі У. Караткевічу, які быў у доме бацькоў В. П. Рагойшы неаднаразова. Тут захоўваецца нават яго канапа. У год юбілею У. Караткевіча (2010) Вячаслаў Пятровіч дамогся, каб на яго доме ўлады дазволілі павесіць мемарыяльную дошку, што нагадвала б пра выдатнага пісьменніка. Дошку на грамадскіх пачатках зрабіў знакаміты беларускі скульптар Іван Акімавіч Міско. Натуральна, усе выдаткі па яе адліўцы і ўзвядзенню Вячаслаў Пятровіч узяў на сябе.

Не варта бачыць у гэтых акцыях – адкрыцці мемарыяльнай дошцы, арганізацыі музея – нейкае імкненне да самасцвярджэння. Уласная слава менш за ўсё хвалюе Вячаслава Пятровіча. У В. П. Рагойшы зусім іншая ідэя. Тут знаходзіцца яго родная сядзіба, месца злучэння роду і зямлі, у міфалогіі – вышэйшая іерагамія (гарманічная лучнасць, саюз, шлюб). Любая сядзіба ўяўляе сабой не толькі эстэтычна-гаспадарчае пераўвасабленне пэўнай тэрыторыі, фарміраванне мастацкага ландшафту, але і абавязковую заяўку на жыццё ў пакаленнях, статус месца шчасця сям’і ў працяглым часе. Аднак паколькі яе ўладальнікі – сям’я незвычайная (усе інтэлігенты з сялянскімі каранямі), то і сядзіба павінна несці прыметы гэтай незвычайнасці, свярджаць і народную, і прафесійную культуру, нагадваць пра сапраўдны беларускі арыстакратызм: яго носбіты – не магнаты, а заўзятая працаўнікі, чые дзяды сеялі хлеб і пры гэтым стваралі найбагацейшы фальклор, а іх дзеці і ўнукі апантана вучыліся і рабіліся сапраўднымі прафесіяналамі ў розных галінах ведаў.

Сядзіба роду Рагойшаў з’яўляецца прыкладам для іншых, адна з яе звышзадач – выхаваўчая. Багатая культурная спадчына Ракава падштурхнула Вячаслава Пятровіча арганізаваць тут навуковыя чытанні, якія праходзілі на працягу шэрага гадоў.

На мерапрыемства збіраліся навукоўцы з Беларусі, Украіны, Расіі, Прыбалтыкі, Вялікабрытаніі. На канферэнцыях ішла гаворка не толькі пра Ракаўшчыну, хоць гэта, безумоўна, галоўная тэма, але і ўвогуле пра значэнне малой радзімы ў жыцці і творчасці выдатных людзей. Чытанні мелі шырокі розгалас.

Лёс В. П. Рагойшы сведчыць пра вялікае значэнне ў жыццёвым шляху творцы месца яго нараджэння, уплыву бацькоў і родзічаў. А таму для паўнаты карціны прывядзем некалькі звестак біяграфічнага характару пра юбіляра.

Нарадзіўся Вячаслаў Пятровіч Рагойша 5 чэрвеня 1942 г. у вёсцы Ракаў Валожынскага раёна Мінскай вобласці ў сялянскай сям’і. Ён быў адзіным дзіцём. Вучыўся В. П. Рагойша ў Ракаўскай сярэдняй школе. Як надзвычай здольны студэнт філалагічнага факультэта БДУ, ён быў заўважаны выкладчыкамі. Вячаслаў Пятровіч атрымаў дыплом з адзнакай у 1963 г., скончыў аспірантуру пры кафедры беларускай літаратуры філалагічнага факультэта БДУ ў 1967 г. Служыў у войску ў 1966–1967 гг. З 1967 г. працаваў старшым выкладчыкам, затым дацэнтам на кафедры беларускай літаратуры філалагічнага факультэта БДУ. З 1988 па 1991 г. займаў пасаду дацэнта кафедры культуры Інстытута паліталогіі і сацыяльнага кіравання Камуністычнай партыі Беларусі. З 1991 па 1994 г. з’яўляўся намеснікам дырэктара Нацыянальнага навукова-асветніцкага цэнтра імя Ф. Скарыны. З 1994 г. быў загадчыкам кафедры тэорыі літаратуры філалагічнага факультэта БДУ. З 2016 г. – прафесар гэтай кафедры.

В. П. Рагойша абараніў кандыдацкую дысертцыю ў 1967 г. Доктарскую дысертцыю ён бліскава абараніў у 1993 г. у Інстытуце сусветнай літаратуры імя А. М. Горкага Расійскай акадэміі навук. Званне прафесара яму была нададзена ў 1994 г. З 1994 г. В. П. Рагойша з’яўляецца акадэмікам Міжнароднай акадэміі навук Еўразіі.

Доўгі час Вячаслаў Пятровіч быў прэзідэнтам Міжнароднага фонду Янкі Купалы, старшынёй секцыі беларускай мовы і літаратуры навукова-метадычнага савета Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. В. П. Рагойша – член беларускага камітэта славістаў, сябар Саюза беларускіх пісьменнікаў з 1969 г., заслужаны работнік адукацыі. Ён узнагароджаны медалём «20 лет Победы в Великой Отечественной войне», медалём і ордэнам Францыска Скарыны, шматлікімі граматамі.

Т. І. Шамякіна²

²Татьяна Ивановна Шамякина – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретического и славянского литературоведения филологического факультета Белорусского государственного университета.

Таццяна Іванаўна Шамякіна – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры тэарэтычнага і славянскага літаратуразнаўства філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

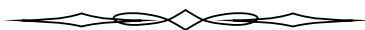
Tatyana I. Shamyakina, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of theoretical and Slavic literary studies, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: shamyakina@tut.by

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ

ВЫДАТНІЯ ВУЧОНІЯ

OUTSTANDING SCIENTISTS



София Алексеевна ЛЫСЕНКО
(1922–2002)

Сафія Аляксееўна ЛЫСЕНКА
(1922–2002)

Sofija Alekseevna LISENKO
(1922–2002)



В этом году исполнилось бы 100 лет со дня рождения профессора кафедры русской литературы филологического факультета БГУ доктора филологических наук, ветерана Великой Отечественной войны Софии Алексеевны Лысенко. Эпиграфом к биографии этого выдающегося человека может служить название монографии – «Романтика борьбы и созидания», изданной ею в 1982 г. Трудовой и творческий путь С. А. Лысенко состоял из борьбы за жизнь на полях сражений и из научного созидания в мирной жизни.

Будучи совсем юной студенткой филологического факультета Киевского государственного университета, София Алексеевна в первые дни Великой Отечественной войны пошла добровольцем на фронт. Фронтовая биография С. А. Лысенко свидетельствует о том, как ей не просто пришлось осваивать боевое ремесло: сначала в качестве бойца истребительного отряда,

затем в качестве медсестры госпиталя № 3354 и артиллериста 166-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 3-го бригадного района Забайкальского фронта. Прикомандированная к 24-й армии Сталинградского фронта, она была комсомольским организатором зенитного артиллерийского дивизиона. В 1943 г. София Алексеевна вступила во Всесоюзную коммунистическую партию (большевиков), а в 1944 г. – в Коммунистическую партию Советского Союза. С. А. Лысенко награждена орденом Отечественной войны, медалями «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1945), «За победу над Японией» (1946), «Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1965), «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (1985), «60 лет Вооруженных Сил СССР» (1978), «70 лет Вооруженных Сил СССР» (1988), а также памят-

ным знаком «50 років визволення України» (1994) и др.

София Алексеевна не только прошла боевой путь, но и плодотворно трудилась в мирной жизни, добиваясь успехов в науке и преподавательской деятельности. Она родилась в рабочей семье в деревне Валява Киевской области. После окончания Киевской средней школы № 61 С. А. Лысенко поступила на филологический факультет Киевского государственного университета, но война прервала ее обучение. В 1950 г. София Алексеевна продолжила получать высшее образование во Львовском национальном университете имени Ивана Франко, получив квалификацию «филолог». Будучи женой генерала, она не раз меняла место жительства и работы. С. А. Лысенко начала педагогическую деятельность в средней образовательной школе № 3 г. Читы и с 1950 по 1956 г. продолжала ее в средней школе № 28 г. Минска.

В науку София Алексеевна пришла уже состоявшимся учителем русского языка и литературы. С 1956 по 2002 г. она работала на филологическом факультете БГУ сначала преподавателем, а затем доцентом и профессором. В 1958 г. С. А. Лысенко защитила кандидатскую диссертацию («Исторический роман Рыбака “Переяславская Рада”»), а в 1990 г. – докторскую диссертацию («Стилевые течения в советской драматургии 20–30-х гг. Романтика. Гротеск»). София Алексеевна читала курс «История русской литературы XX века», спецкурс «Советский исторический роман», вела спецсеминар «Маяковский и современность». Ее лекции отличались высоким уровнем эрудиции, были артистичными и интересными. Многие поколения выпускников филологического факультета БГУ, учившиеся у нее мастерству и педагогическому таланту, благодарны ей. Красивая, грациозная, она производила впечатление интеллигентного человека, каких редко встретишь в жизни. С. А. Лысенко была доброжелательной и отзывчивой по отношению как к коллегам, так и к студентам, стремилась помочь им в сложных ситуациях.

В круг научных интересов Софии Алексеевны входили историческая проза (Н. С. Рыбак, О. Д. Форш, А. П. Чапыгин, А. Н. Толстой, В. Я. Шишков, В. М. Шукшин и др.) и драматургия (В. В. Вишневский, А. Н. Толстой, Ю. И. Яновский, А. Ю. Галан, В. В. Маяковский, А. М. Пешков (Максим Горький), Е. Л. Шварц, Н. Ф. Стукалов (Погодин) и др.). В исследованиях С. А. Лысенко органично сочетаются украинская и русская литературы, что обусловлено не только ее этническим происхождением (украинка), но и научным интересом к сопоставительному анализу произведений, относящихся к разным национальным векторам.

София Алексеевна внесла особый вклад в разработку стиливых течений русской драматургии 1920–30-х гг., проследила связь между романтизмом и социалистическим реализмом, раскрыла основные принципы романтической тенденции в пьесах русских, белорусских и украинских драматургов (А. В. Луначарского, В. В. Вишневского, Ю. И. Яновского, Е. А. Мировича, А. Е. Корнейчука, И. А. Кочерги, М. Г. Кулиша и др.). В монографии «Романтика борьбы и созидания» (1982) С. А. Лысенко исследовала многие пьесы, которые в свое время были запрещены (И. А. Кочерги, М. Г. Кулиша, М. А. Булгакова и др.), интерпретировала их с позиции современности, представила новый подход в их оценке. Исследователь много работала с архивными документами, находящимися в Центральном государственном архиве литературы и искусства, старалась сделать доступными ранее неизвестные, но важные для понимания творчества писателя литературные факты.

Значимым для того времени было ее исследование условно-гротескного стиливого течения в русской драматургии (М. А. Булгаков, А. Н. Толстой, Е. Л. Шварц, В. В. Маяковский и др.). Раскрывая специфику преломления гротеска в пьесах ведущих драматургов, С. А. Лысенко углубляла его теоретическую базу, уделяя внимание традициям и новаторству.

София Алексеевна проявляла интерес к современной драматургии, о чем свидетельствует ее учебно-методическое пособие «Гуманистические тенденции советской драматургии на современном этапе» (1977).

С. А. Лысенко активно занималась научной работой (250 публикаций), принимала участие в конференциях, конгрессах Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы (Россия, Болгария, Германия, Украина и др.).

Под ее руководством С. Я. Гончарова-Грабовская, А. Л. Лаптева, Т. Г. Симонова и другие русисты защитили свои кандидатские диссертации. Аспиранты с огромным чувством благодарности вспоминают Софию Алексеевну как мудрого руководителя, определившего их путь в науке.

В личности С. А. Лысенко отлично сочетались научное и педагогическое мастерство, а также организаторские способности. На протяжении многих лет она была членом партийного комитета БГУ, членом совета по защите диссертаций БГУ, членом совета филологического факультета БГУ, принимала активное участие в общественной жизни университета, курировала корейское землячество. София Алексеевна возглавляла творческий коллектив ансамбля «Крыжачок» и представляла его за рубежом (Германия, Польша, Болгария). С. А. Лысенко заслуженно была награждена

медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения Владимира Ильича Ленина» (1970), Почетной грамотой Президиума Верховного совета БССР (1971), почетными грамотами Министерства образования Республики Беларусь, грамотами ректора БГУ.

Мы все учились у Софии Алексеевны отношению к людям, жизни и науке. Она была красивым, интеллигентным, добрым и сердечным человеком. Достоинство представляя поколение тех, кто прошел

Великую Отечественную войну, С. А. Лысенко остается примером мужества, самоотверженности и порядочности для следующих поколений. Проходя на филологическом факультете БГУ мимо стенда «Участники Великой Отечественной войны», на котором размещена ее фотография, мы помним и ценим заслуги С. А. Лысенко как воина, ученого и педагога.

*С. Я. Гончарова-Грабовская*¹

¹Светлана Яковлевна Гончарова-Грабовская – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры русской литературы филологического факультета Белорусского государственного университета.

Святлана Якаўлеўна Ганчарова-Грабоўская – доктар філалагічных навук, прафесар; прафесар кафедры рускай літаратуры філалагічнага факультэта Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Svetlana Ya. Goncharova-Grabovskaya, doctor of science (philology), full professor; professor at the department of Russian literature, faculty of philology, Belarusian State University.

E-mail: goncharova_s@tut.by

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

АНАТАЦЫІ ДЭПАЊІРАВАННЫХ У БДУ ПРАЦ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN BSU

УДК 811.111'276.6:33(075.8)

Профессионально ориентированный иностранный язык (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-25 01 04 «Финансы и кредит» (заочная и заочная сокращенная формы обучения) / БГУ ; сост. А. А. Воскресенская. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 144 с. : ил. Библиогр.: с. 122. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/277161>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 29.03.2022, № 002929032022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) по дисциплине «Профессионально ориентированный иностранный язык (английский)» предназначен для студентов специальности 1-25 01 04 «Финансы и кредит» заочной и заочной сокращенной форм обучения. Содержание ЭУМК предусматривает развитие академических, социально-личностных и профессиональных компетенций студентов. Цель ЭУМК – предоставить студенту полный комплект учебно-методических материалов для аудиторного и самостоятельного изучения дисциплины.

УДК 81'22(075.8)

Котовская С. С. Прагматика [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-21 05 06 «Романо-германская (немецкая) филология» / С. С. Котовская ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 139 с. : ил. Библиогр.: с. 96–98. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/277182>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 30.03.2022, № 003130032022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) с креативным компонентом по учебной дисциплине «Прагматика» предназначен для студентов специальности 1-21 05 06 «Романо-германская (немецкая) филология». В ЭУМК содержатся теоретические и практические материалы, материалы для контроля знаний, а также элементы учебно-программной документации и библиография по курсу.

УДК 811.111(075.8)

Иностранный язык профессиональной деятельности (первый) (английский) [Электронный ресурс] : электрон. учеб.-метод. комплекс для спец. 1-23 01 01 «Международные отношения». В 3 ч. Ч. 1. Аспект «английский язык для профессиональной деятельности» (2–3-й семестры) / И. В. Авдеева, Т. В. Балакшина, С. А. Зудова ; [под ред. И. Н. Ивашкевич] ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2021. 142 с. : табл. Библиогр.: с. 135–142. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/277294>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 04.04.2022, № 003304042022.

Электронный учебно-методический комплекс (ЭУМК) предназначен для студентов 2–4-го курсов специальности «международные отношения». ЭУМК состоит из трех частей: аспект «английский язык для профессиональной деятельности» (2–3-й семестры), аспект «английский язык для

профессиональной деятельности» (4–7-й семестры) и аспект «общелитературный английский язык» (2–7-й семестры).

УДК 811.1/.8(072)(06)

Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе [Электронный ресурс] : материалы VI Респ. науч.-практ. конф. (с междунар. участием) (Минск, 10–11 марта 2022 г.) / БГУ ; [редкол.: А. Э. Черенда (отв. ред.) и др.]. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2022. 474 с. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/277388>. Загл. с экрана. Деп. в БГУ 07.04.2022, № 003607042022.

Сборник материалов VI Республиканской научно-практической конференции (с международным участием) «Проблемы лингвообразования в неязыковом вузе» включает статьи, рассматривающие вопросы педагогики, психологии и методики преподавания иностранных языков, значимые вопросы внедрения инновационных технологий в образовательный процесс, а также актуальные проблемы современной науки по различным областям знаний.

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

<i>Шамякина С. В.</i> Предметная классификация литературных художественных образов.....	5
<i>Запрудский И. Н.</i> Эволюция идейно-эстетических взглядов Евдокима Романова на развитие белорусской литературы в конце XIX в.	17
<i>Калютчик Н. Ф.</i> Конфликт в повести А. П. Чехова «В овраге»: аксиологический аспект	31
<i>Гончарова-Грабовская С. Я.</i> Комедия в русской и белорусской драматургии начала XXI в. (проблема жанровой модификации)	40
<i>Губская О. Н.</i> Факт и фактографический нарратив в белорусском литературном дискурсе	52

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Овсейчик Ю. В.</i> Системная организация французских единиц сочинения.....	63
<i>Ду Цзюань.</i> О словообразовательном потенциале абстрактных имен существительных (тематическое поле «духовный мир человека: сознание, мораль, чувства»)	77
<i>Мириева Н.</i> Арабизмы как устойчивая часть лексикона белорусских татар (на примере китаба Ибрагима Хосеневича)	90

МЕТОДИКА

<i>Ло Сюань, Ма Лун.</i> Малоизученные аспекты преподавания китайского языка как иностранного в учреждении высшего образования	101
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Солохов А. В.</i> Пригодич Н. Г. Авторская неологизация в белорусском языке	116
<i>Володина Т. В.</i> Кондратюк О. Родинне коло: трансформація спорідненості в українському суспільстві впродовж XIX–XX століть	119

ЮБИЛЕИ

Вячеслав Петрович Рагойша	123
---------------------------------	-----

ВЫДАЮЩИЕСЯ УЧЕНЫЕ

София Алексеевна Лысенко	126
Аннотации депонированных в БГУ работ	129

ЗМЕСТ

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

<i>Шамякіна С. В.</i> Прадметная класіфікацыя літаратурных мастацкіх вобразаў	5
<i>Запрудскі І. М.</i> Эвалюцыя ідэйна-эстэтычных поглядаў Еўдакіма Раманава на развіццё беларускай літаратуры ў канцы XIX ст.	17
<i>Калютчык Н. Ф.</i> Канфлікт у апавесці А. П. Чэхава «У яры»: аксіялагічны аспект	31
<i>Ганчарова-Грабоўская С. Я.</i> Камедыя ў рускай і беларускай драматургіі пачатку XXI ст. (праблема жанравай мадыфікацыі)	40
<i>Губская В. М.</i> Факт і фактаграфічны наратыў у беларускім літаратурным дыскурсе	52

МОВАЗНАЎСТВА

<i>Аўсейчык Ю. У.</i> Сістэмная арганізацыя французскіх злучальных адзінак	63
<i>Ду Цзюань.</i> Аб словаўтваральным патэнцыяле абстрактных назоўнікаў (тэматычнае поле «духоўны свет чалавека: свядомасць, мараль, пачуцці»)	77
<i>Мірыева Н.</i> Арабізмы як устойлівая частка лексікона беларускіх татарцаў (на прыкладзе кітаба Ібрагіма Хасяневіча)	90

МЕТОДЫКА

<i>Ло Сюань, Ма Лун.</i> Малавывучаныя аспекты выкладання кітайскай мовы як замежнай ва ўстановах вышэйшай адукацыі	101
---	-----

РЭЦЭНЗІІ

<i>Солахаў А. В.</i> Прыгодзіч М. Р. Аўтарская неалагізацыя ў беларускай мове	116
<i>Валодзіна Т. В.</i> Кондратюк О. Родинне коло: трансфармацыя спорідненасці в украінському суспільстві впродовж XIX–XX століть	119

ЮБІЛЕІ

Вячаслаў Пятровіч Рагойша	123
---------------------------------	-----

ВЫДАТНЫЯ ВУЧОНЫЯ

Сафія Аляксееўна Лысенка	126
Анатацыі дэпаніраваных у БДУ прац	129

CONTENTS

LITERARY RESEARCH

<i>Shamyakina S. V.</i> Subject classification of literary artistic images.....	5
<i>Zaprudski I. N.</i> Evolution of Evdokim Romanov's ideological and aesthetic views on the development of Belarusian literature in the late 19 th century.....	17
<i>Kalyutchik N. F.</i> The conflict in the story by A. P. Chekhov «In the ravine»: axiological aspect.....	31
<i>Goncharova-Grabovskaya SYa.</i> Comedy in Russian and Belarusian drama at the beginning of 21 st century (the problem of genre modified).....	40
<i>Gubskaya O. N.</i> Fact and factual narrative in the Belarusian literary discourse.....	52

LINGUISTICS

<i>Auseichyk Yu. V.</i> System organisation of French coordination items.....	63
<i>Du Juan.</i> The word-formation potential of abstract nouns (thematic field «the spiritual world of man: consciousness, morals, feelings»).....	77
<i>Mirieva N.</i> Arabisms as a stable part of the lexicon of the Belarusian Tatars (by the example of Ibragim Hose-nevich's kitab).....	90

DISCUSSIONS

<i>Luo Xuan, Ma Long.</i> Low-study aspects of teaching the Chinese language as a foreign at the university	101
---	-----

REVIEWS

<i>Solakhau A. V.</i> Pryhodzich M. R. Author's neologisation in Belarusian language	116
<i>Valodzina T. V.</i> Kondratjuk O. Family circle: transformation of kinship in Ukrainian society during the 19 th and the 20 th centuries.....	119

JUBILEES

Viachaslau Piatrovich Rahojscha	123
---------------------------------------	-----

OUTSTANDING SCIENTISTS

Sofija Alekseevna Lisenko.....	126
Indicative abstracts of the papers deposited in BSU.....	129

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по филологическим и педагогическим наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал
Белорусского государственного университета.
Филология.
№ 2. 2022**

**Часопіс
Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.
Філалогія.
№ 2. 2022**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Журнал Белорусского государственного университета. Филология» издается с января 1969 г. До 2017 г. выходил под названием «Веснік БДУ. Серыя 4, Філалогія. Журналістыка. Педагогіка» (ISSN 2308-9180).

Редакторы *М. И. Дикун, А. С. Люкевич*
Технический редактор *А. Ю. Лещинская*
Корректоры *А. С. Горгун, М. И. Дикун*

Подписано в печать 30.06.2022.
Тираж 100 экз. Заказ 5146.

Издательско-полиграфическое частное
унитарное предприятие «Донарит».
Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/289 от 17.04.2014.
Ул. Октябрьская, 25, 220030,
г. Минск, Республика Беларусь.

© БГУ, 2022

**Journal
of the Belarusian State University.
Philology.
No. 2. 2022**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jphil@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/philology>

«Journal of the Belarusian State University. Philology»
published since January, 1969.
Until 2017 named «Vesnik BDU.
Seryja 4, Filalogija. Zhurnalistyka. Pedagogika»
(ISSN 2308-9180).

Editors *M. I. Dikun, A. S. Lyukevich*
Technical editor *A. Y. Leshchinskaya*
Proofreaders *A. S. Gorgun, M. I. Dikun*

Signed print 30.06.2022.
Edition 100 copies. Order number 5146.

Publishing and printing private
unitary enterprise «Donarit».
Certificate of state registration of the publisher,
manufacturer, distributor of printed publications
No. 1/289 dated 17.04.2014.
25 Kastyryčnickaja Str.,
Minsk 220030, Republic of Belarus.

© BSU, 2022